

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ГОРОДА ВАСИЛЯ,

нижегородской губерніи.

Промышленное значеніе городовъ вѣрнѣе всего опредѣляется числомъ жителей; большая населенность составляетъ несомнѣнный признакъ важности ихъ.

Бѣлога.

Городъ Василь замѣчателенъ въ историческомъ отношеніи по тому значенію, которое онъ имѣлъ прежде для московскаго царства, какъ пограничный городъ, въ которомъ, между прочимъ, русское правительство въ первый разъ сдѣлало попытку основать свою ярмарку, для того, чтобы черезъ нее завязать торговля сношенія съ казанцами и восточными племенами, на своей уже, русской землѣ. Въ виду такой его важности, мы и намѣрены, ознакомившись со всѣми матеріалами и источниками, относящимися до этого города, раскрыть исторію существованія Василя. Предварительно-же изложенія самой исторіи, мы сдѣлаемъ краткое описаніе города.

Городъ Василь, или въ просторѣчій Василь Сурской, стоитъ подъ 56° , $8'$ сѣверной широты и 63° $40'$ восточной долготы. Василь—уѣздный городъ нижегородской губерніи—находится при Волгѣ и Сурѣ, на правомъ ихъ берегу. Расположенъ онъ по скату или обвалу горы, по возвышенному берегу, у самаго устья Сурь. Гора *), по обвалу которой разселены городскія жилища и зданія,

*) Въ «Ниж. Губ. Вѣд.», въ 1850 г. заявлено было, что эта гора, на которой расположены принадлежащая городу поля, представляетъ большое неудобство для земледѣлія: жители-де никакъ не могутъ сохранить всего навоза для удобренія полей, потому что его унести въ рѣку, при таяніи снѣга. Такое заявленіе сдѣлано вѣроятно лицомъ, совсѣмъ не видавшимъ васильской мѣстности, ибо весь облегающій горный берегъ состоитъ изъ горъ, прорытыхъ оврагами, и потому мѣста, близкія къ берегу, обросшія мелкимъ кустарникомъ, не засѣваются вовсе.

довольно крута и высока (до 240 футовъ надъ уровнемъ рѣки). Подола у этой горы совсѣмъ нѣтъ: онъ отмытъ водами Суры и Волги; обѣ рѣки, въ особенности Сура, имѣютъ прибой въ правый берегъ. Сила этаго прибоа такъ велика, что каждагодно сносятся по нѣскольку домовъ, стоящихъ ближе къ рѣкѣ. Обвалы на правой сторонѣ Суры, дѣлающіеся время отъ времени, особенно сильны, чему способствуетъ грунтъ самаго берега—глинистый съ примѣсю мергеля *). Какъ отъ напора водъ, такъ и отъ дѣйствія подземныхъ ключей, находящихся въ васьильской горѣ, земля, на которой стоитъ городъ, значительно осѣдается и обваливается. Поэтому не трудно замѣтить, что нѣкоторые деревянные дома стоятъ нѣсколько въ наклонномъ положеніи; даже самая церковь неровно вдавилась въ опавшую землю и грозитъ, рано или поздно, паденіемъ городу. Вотъ почему для жителей, по причинѣ мѣстныхъ неудобствъ, отведено, подъ поселеніе, новое мѣсто на самой горѣ (46 дес. и 710 саж.). Кромѣ каменнаго острога, пока нѣтъ никакихъ зданій на предназначенномъ, для населенія, мѣстѣ. Переселеніе-же на гору представляетъ для жителей слѣдующія неудобства, не говоря уже о привычкѣ къ старому насиженному мѣсту: во-1) далекость воды, ибо тѣ источники, которые имѣются сейчасъ въ городѣ, находятся у самой подошвы горы, и во-2) далекость базарной площади, единственной во всемъ городѣ. На новомъ-же мѣстѣ городъ представлялся-бы несравненно красивѣе. Приложенный при этомъ планъ подъ литерою А, указываетъ на мѣсто настоящаго заселенія города, а равно и вновь отведеннаго для этой-же цѣли.

Вмѣстѣ съ выгодами своего географическаго положенія, Василь, какъ стоящій при двухъ рѣкахъ, не лишенъ нѣкоторой красоты и живописности. Расположенный по террасѣ и скату горы, этотъ городокъ особенно бываетъ красивъ во время весенняго разлива, когда луговая сторона обѣихъ рѣкъ затопляется верстъ на двадцать и болѣе. Съ парохода городъ смотритъ красивымъ се-

*) Случаи обваловъ въ Василѣ лѣтомъ перѣдки; большіе изъ нихъ были записаны и напечатаны въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», напр. въ № 6 «Нпж. Губ. Вѣд.» за 1847 годъ.

ломъ; бѣдные домики, въ безпорядкѣ разбросанные по косогору горы, придаютъ городу сельскій видъ; три каменные дома, единственное украшеніе города, прячутся гдѣ-то за другими, въ уступахъ горы; впрочемъ имѣющіеся при многихъ домахъ сады смягчаютъ отчасти печальный видъ хижинъ, стоящихъ на верхнихъ уступахъ или ярусахъ горы. Но для путешественника, ѣдущаго снизу Волги видъ города богаче и живописнѣе: для него представляются одни нижніе ярусы домовъ болѣе богатыхъ и красивыхъ; верхніе ярусы домовъ бывають скрыты за садами; самая церковь красиво выступаетъ передъ путешественникомъ изъ за цѣлой кущи зелени.

Съ самаго верха васьиловской горы взору наблюдателя представляется обширный видъ во все стороны. Съ самаго запада, почти перпендикулярно линіи стоящаго города, идетъ Волга, образующая передъ самымъ городомъ островъ, который раздѣляетъ Волгу на два рукава. Ударившись какъ-бы въ васьиловскую гору, она поворачиваетъ свое теченіе на востоко-сѣверо-востокъ. Эта лука или скорѣе колѣно рѣки съ островомъ, поросшимъ уже зеленью, даютъ городу богатый видъ. Далѣе съ южной стороны идетъ Сура, дѣлая близъ самаго города узкую и длинную дугу; она изливается въ Волгу на томъ именно мѣстѣ, гдѣ та дѣлаетъ поворотъ въ направленіи своего теченія. Сура открываетъ своими лугами обширную долину; правый ея берегъ покрытъ чернымъ дремучимъ лѣсомъ на большое разстояніе. Городъ по берегу Суры замыкается также высокою дубовою рощею, которая, по преданію, насажена Петромъ Великимъ *). За обширной луговой береговой линіей поднимаются возвышенности, на которыхъ расположены видимыя изъ города ближайшія села—Воротынецъ, Фокино и Огневъ Майданъ. Весной по Сурѣ спускаются караваны судовъ и баржъ, которые, на устьѣ ея, останавливаются и стоятъ ино-

*) По преданію, Петръ I будто-бы собственноручно насадилъ одно изъ молодыхъ деревьевъ, но которое именно—васьиловчане не указываютъ, что заставляетъ сомнѣваться въ истинѣ самаго преданія, къ тому-же теперь позабытаго васьиловчанами. Весьма могло случиться, что эта дубовая корабельная роща насажена была по приказанію Петра, который весьма много хлопоталъ о развитіи правильнаго лѣсоводства. О преданіи упоминается въ книгѣ: «Путешествіе по Волгѣ отъ Твери до Астрахани»

гда по мѣсяцу въ ожиданіи пароходовъ, уводящихъ ихъ въ Рыбинскъ. Прибытіе каравана въ полноводье даетъ Василю въ эту пору видъ какъ-бы портового города. Если обозрѣвать мѣстность города съ васьильской горы, то всѣ эти поименованные условія придаютъ большую красоту городскому ландшафту.

Населеніе города немногочисленно: включая пригородную слободу Хмѣлевку, находящуюся отъ города въ трехъ верстахъ, жителей въ Василь считается 2.449, изъ числа которыхъ 1.202 муж. пола и 1.247 женскаго. По числу народонаселенія, Василь стоитъ въ числѣ малонаселенныхъ городовъ нижегородской губерніи. По положенію своему, относительно этой губерніи, Василь—пограничный городъ ея съ юговосточной стороны. Разстояніе его отъ С.-Петербурга 1.216 верстъ, отъ Москвы 537 верстъ и отъ губернскаго города $169\frac{3}{4}$ версты. Черезъ Василь протекаетъ большая дорога изъ столицъ въ Казань и Сибирь.

Климатъ города Василя умѣренный и здоровью благопріятствующій, въ чемъ удостовѣряетъ тѣлосложеніе жителей и относительно малая между ними смертность *). Эпидемій здѣсь незамѣтно вовсе. Такъ во время холеры, свирѣпствовавшей въ 1848 и 1853 гг., въ Василь, по увѣренію самихъ жителей, сравнительно съ окрестъ лежащими городами и селеніями, было самое незначительное число жертвъ эпидеміи—два-три человѣка. Нагорное положеніе города, съ чистымъ воздухомъ, по всей вѣ-

*) Къ сожалѣнію, нижегородскимъ врачебнымъ вѣдомствомъ не публикуются статистическія данныя о смертности и болѣзняхъ, какъ въ городахъ, такъ и уѣздахъ, по временамъ года. А такія данныя могли-бы давать возможность съ большимъ точностью опредѣлить санитарныя и климатическія условія извѣстной мѣстности. Въ настоящій разъ мы воспользовались единственной статьей доктора Полуарославцева, который описывалъ весь васьильскій уѣздъ именно съ указанныхъ сторонъ, въ № 76 «Ниж. Губ. Вѣд.» за 1846 годъ. Статистическія свѣдѣнія относительно Василя были опубликованы какъ въ «Ниж. Губ. Вѣдом.» въ 1850 г., такъ и въ «Военно-статистическомъ обозрѣніи» (стр. 42). Извлекаемъ изъ нихъ числовыя данныя: жителей м. п. 1168 и ж. п. 1187, всего 2355; домовъ 378, такъ что на одинъ частный домъ приходится 6 ч.—3 мужчинъ и 3 женщины. Умиравшихъ по пятилѣтней сложности на каждый годъ приходится 40 мужчинъ и 48 женщ., всего 88. Среднее число рожденій по пятилѣтней сложности 38 мужч. и 47 женщ., всего 85. Слѣдовательно рожденія не вознаграждаютъ смертные случаи. Но надобно принять въ соображеніе пристань, проѣздъ по большой дорогѣ: отъ этихъ условій бываютъ лишніе смертные случаи, тогда какъ рожденій лишнихъ почти совсѣмъ не бываетъ.

роятности, препятствует развиваться эпидеміямъ въ болѣе сильной степени. Съ другой стороны сырость, весьма распространенная здѣсь въ весеннюю и лѣтнюю пору, оказываетъ вредное вліяніе на климатическія условія города: обыкновенныя лихорадки здѣсь довольно развиты. Лекарства, съ примѣсю хинина съ успѣхомъ примѣняются здѣсь. Нижнія части города отличаются менѣе здоровымъ климатомъ, чѣмъ верхнія: гора здѣсь рано весной обсыхаетъ, между тѣмъ какъ внизу снѣгъ остается нетронутымъ; такое неодинаковое таяніе снѣга, вмѣстѣ съ испареніемъ полей, расположенныхъ надъ городомъ, способствуетъ усиленію сырости въ самомъ городѣ; такую-же услугу оказываетъ для городской атмосферы и густая, тѣнистая роща, непосредственно прилегающая къ городу. Но объ этой рощѣ, составляющей природное украшеніе города, нельзя сказать, чтобы она въ общей экономіи жизни васильскихъ жителей играла болѣе вредную, чѣмъ полезную роль. Напротивъ, совершенное обнаженіе почвы отъ лѣсовъ, по наблюденіямъ и увѣренію новѣйшихъ географовъ, не только имѣетъ невыгоды въ климатическомъ отношеніи, но даже можетъ еще оказывать вредное вліяніе на духовную природу населенія *). Температура воздуха зимою простирается отъ 20° до 30°. Дожди непостоянны и вѣтра переменчивы. Но при настоящемъ положеніи города на косогорѣ здѣсь не бываетъ ни сильныхъ вѣтровъ, ни разрушительныхъ грозъ. Особенныхъ эндемическихъ болѣзней нѣтъ **). Весна здѣсь холодная; погода во время весны отличается непостоянствомъ; но лѣто стоитъ теплое, постоянное и совершенно благотворное для произрастенія здѣсь плодовъ и овощей. Теплота лѣта и постоянство лѣтней погоды, при возвышенномъ положеніи самаго города, ставятъ Василь, относительно произрастительности, въ счастливыя и до нѣкоторой степени исключительныя условія: здѣсь могутъ произрастать сливы и груши, которые, черезъ извѣстный періодъ времени, рождаются, хотя и въ небольшомъ количествѣ; сборъ-же яблоковъ въ Василь и близь лежащихъ къ нему селенійхъ бываетъ значительно обильнѣе, срав-

*) «Описаніе жизненныхъ явленій земного шара». Реклю.

**) «Ниж. Губ. Вѣд.», 1846 г.

нительно съ тѣми мѣстами, которыя лежатъ западнѣе и южнѣе его версть на двѣсти; самыя деревья яблонь могутъ достигать рѣдкаго и замѣчательнаго роста *). Жаровъ большихъ здѣсь также не бываетъ: вода двухъ рѣкъ и раскинутая близъ города дубовая роща умѣряють жаръ.

Каналовъ въ городѣ нѣтъ; стоковъ, устроенныхъ подъ тротуарами, два; третій, специальный водопроводъ, находящійся близъ церкви, засоренъ и засыпанъ землею. Три улицы, еще въ сороковыхъ годахъ, были вымощены бутовымъ камнемъ, на пространствахъ 370 сажень, и двѣ—на пространствахъ 70 сажень, были вымощены деревомъ. Но такъ какъ эта бутовка улицъ до послѣдняго времени не исправлялась, то пришла въ испорченность и гнилость (дерево разобрано), а улицы—весной и осенью наполнялись глубокой грязью: глинистая земля къ этому болѣе способствуетъ. Въ 1872 году городская управа обратила уже съ своей стороны на это вниманіе: тѣ части города, въ которыхъ замѣтно было болѣе грязи, она вновь вымстила и убила бутовымъ камнемъ: такимъ образомъ убито камнемъ разстояніе въ 253 квадратныхъ сажени. Деревянные тротуары, въ двухъ улицахъ и двухъ переулкахъ, содержатся теперь въ исправности.

Кѣмъ была заселена теперешняя васьльская мѣстность до основанія здѣсь города—съ точностью неизвѣстно. Надо однако полагать, что она задолго еще была заселена какими-нибудь народами. Такая мѣстность, какъ васьльская, находящаяся при впаденіи судоходной рѣки въ великую Волгу, съ изобиліемъ многихъ ключей, вытекающихъ изъ горы, разумѣется не могла быть незамѣченною и должна была рано обратить на себя вниманіе поселенцевъ—къ какой-бы народности они ни при-

*) Нужно обратить вниманіе на старыя нагорныя деревья, напр., въ саду г-жи Сорокиной, ростъ которыхъ доходитъ до трехъ сажень. Замѣчательно, что отъ самаго Нижняго Новгорода до устья Суры по нагорному берегу Волги хорошо рождаются яблоки, особенно въ Василѣ, но за рѣкой, по ту сторону Волги, не рождается яблоковъ вовсе.

надлежали. Что она была давно застроена и заселена—этому оставались слѣды на васьильской горѣ и сохранилось преданіе, что на горѣ, передъ Василемъ, жили прежде не русскіе князья, имѣвшие большой дворецъ деревянный, окруженный валами и рвами, до сихъ поръ сохранившимися. Валы и рвы, находящіеся въ Василѣ, извѣстны подъ именемъ „Цѣпели“. Попытки узнать, кто владѣлъ и жилъ въ васьильской мѣстности были уже дѣлаемы нѣкоторыми лицами, хотя болѣе съ археологическими цѣлями, чѣмъ чисто съ историческими. Такъ Татищевъ, отыскивая мѣсто существовавшего некогда болгарскаго города, полагая, напавъ на слѣды рововъ и валовъ, сохранившихся въ Василѣ и доселѣ, что городъ Бряхимовъ стоялъ именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь „Цѣпель“ *). Но это предположеніе вполне было отвергнуто другими историками, особенно въ виду прямого указанія мѣстности, на которой стоялъ Бряхимовъ, сохранившагося въ лѣтописях **). Но нельзя вполне отрицать другого предположенія, что на этомъ мѣстѣ не могло быть какого-нибудь другого поселенія волжскихъ болгаръ, которые, какъ извѣстно, во время цвѣтущаго состоянія, заводили торговыя колоніи и факторіи по берегамъ Волги до нынѣшней Балахны. Собственно-же мѣстность нижегородская заселена была издавна мордвой, которая жила на правой сторонѣ Волги и является еще въ X вѣкѣ въ соосѣдствѣ съ болгарами. Она занимала все пространство отъ береговъ Оки и Волги до верховьевъ Суры, Ворони и Цны и раздѣлялась на три племени—эрзянь, мокшанъ и каратаевъ. По Сурѣ жило племя эрзянь селеніями и управлялось своими князьями ***). Но вѣрнѣе, кажется, назвать аборигенами лѣсистой мѣстности черемисъ, ко-

*) «Энциклопед. лексиконъ», статья: «Бряхимовъ», томъ VII.

**) Въ лѣтописяхъ сохранилось прямое указаніе мѣстности, занимаемой г. Бряхимовымъ. Въ «Патріаршей лѣт.» сказано: «Андрей Боголюбскій взялъ четыре болгарскихъ города и пятый на рѣцѣ Камѣ». См. «Сборникъ лѣтоп.», томъ XI, стр. 210; у Карамзина тоже, т. II, гл. XVI. Болѣе вѣрное указаніе, по нашему мнѣнію, сдѣлано Шишкинымъ, который, на основаніи разрытыхъ памятниковъ, указываетъ, что Бряхимовъ находился близъ г. Елабуги, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ «Чертово Городище». См. вышедшую отдѣльной брошюрой «Исторію Елабуги», составл. Ив. Шишкинымъ.

***) «Поли. собраніе лѣт.» I—155.

торые жили смѣшанно на мѣстахъ, принадлежащихъ номинально мордвѣ. Черемисы избирали мѣстомъ своего жительства лѣса и, какъ менѣе осѣдлые, чѣмъ мордва, мѣста близъ лѣсовъ *), какъ болѣе удобныя для звѣроловства, ихъ главнаго въ то время занятія. Мѣстность Василя и до сего времени окружена селеніями черемисъ, почему мы и сдѣлали предположеніе о заселеніи васьинской мѣстности черемисами. Неподдалеку отъ Василя находится такъ-называемое анненское озеро, въ которомъ, по преданію черемисъ, утонула, когда-то въ старину, черемисская княжна. Это преданіе, съ своей стороны, говоритъ за то, что мѣстность эта заселена была не мордвою, а черемисами.

Русскіе, еще до основанія на Сурѣ своего города, стали селиться по среднему и нижнему теченію Суры, которое такимъ образомъ присвоивалась владѣніямъ суздальско-нижегородскихъ князей, управлявшихъ нижегородской областью, которую они старались расширить, въ ущербъ финскому племени, на счетъ сосѣднихъ народовъ. Великій князь суздальско-нижегородскій Константинъ Васильевичъ, по перенесеніи своей столицы изъ Суздаля въ Нижній Новгородъ, началъ селить людей своихъ еще въ 1350 году по рѣкамъ Окѣ, Волгѣ и Кудьмѣ, на мордовскихъ пенелищахъ, желая черезъ это упрочить за собой земли мордовскія. Онъ утвердилъ власть свою по берегамъ Волги до устья Суры и по ней до Киши и Алгана. Разумѣется, такое заселеніе, совершаемое по одной волѣ нижегородскихъ князей, не могло, какъ не гарантированное ничѣмъ, держаться прочно. Еще въ 1377 году, какъ упоминаетъ лѣтописецъ **), нижегородская область была уступана пепломъ, въ особенности берега Суры, гдѣ царевичъ Арапша не оставилъ въ цѣлости ни одного селенія. Изъ этаго можно заключить, что на Сурѣ процвѣтали уже русскія селенія, когда тата-

*) «Rerum Moscoviticarum commentarii», барона Герберштейна. Онъ указываетъ, что черемисы живутъ въ лѣсахъ, около Нижняго, а мордва на Волгѣ, на южномъ ея берегу. У мордвы чаще-де попадаетъ осѣдность, чѣмъ у черемисъ.

**) «Того-же лѣта (т. е. 1377) Арапша пограби Засурье все и огнемъ пожже». Къ этому въ «Патр. лѣт.» прибавлено, что этотъ царевичъ волжской Орды умертвилъ многихъ нашихъ купцовъ, ограбивъ ихъ, и ходилъ опустошать Рязань. «Ник. лѣт.» IV.

ры, удовлетворяя одной только мести, рѣшились опустошать и сжигать ихъ. Однако вполне выжечь и совсѣмъ истребить русскихъ, живущихъ по этимъ мѣстамъ, они разумѣется не могли: селенія русскихъ все еще оставались по Суру и послѣ этого нападенія. Русскіе стали расселяться снова и владѣли многими озерами, которымъ даны были уже названія и стали заводить здѣсь рыболовство, словомъ пріобрѣтали уже полную осѣдлость, не смотря на враждебныя къ себѣ отношенія сосѣднихъ племенъ. Такъ, въ 1393 году, озера отъ рѣчки Курмышки до устья Суры, жалованною грамотою нижегородскаго князя Бориса Константиновича, отданы были спасскому и благовѣщенскому монастырямъ *). Если-бы владѣнія русскихъ въ мѣстахъ этихъ не были упрочены, то не зачѣмъ было-бы отдавать озера съ ихъ рыбными ловлями въ подарокъ монастырямъ. Г. Соловьевъ самый фактъ основанія Нижняго Новгорода считаетъ фактомъ наступательнаго движенія Европы на Азію, руси на финскія племена, фактомъ естественнаго стремленія сѣверскихъ князей внизъ по Волгѣ къ предѣламъ Азіи **). Къ этому поступательному движенію нужно отнести и самое расселеніе русскихъ по нынѣшней нижегородской губерніи, наконецъ и самое основаніе города Василя, который болѣе уже формально завершилъ это расселеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ послужилъ ступенью къ распространенію владѣній по Волгѣ, и вообще на востокъ. Хотя стремленіе русскихъ къ обладанію берегами Суры проявилось рано, еще съ половины четырнадцатаго столѣтія, но дѣйствительному обладанію устьемъ Суры суждено было сбыться значительно позже, именно при царѣ Василіѣ Ивановичѣ, сынѣ освободителя Россіи отъ ига монгольскаго.

Основаніе города Василя совершилось при слѣдующихъ условіяхъ. Восточнымъ оплотомъ, во время силы казанскаго царства, былъ Нижній Новгородъ. Въ 1523 году въ Казани ***), произошло измѣническое умерщвленіе русскихъ купцовъ, торговавшихъ

*) Жалованныя грамоты, въ «Археол. актахъ».

**) «Исторія Россіи», Соловьева.

***) «Ист. гос. російскаго», Карамзина, т. VII. стр. 77.

тамъ, равно предательское умерщвленіе государева посла Василя Юрьева *). Убіиства русскихъ купцовъ во время арской ярмарки были не въ первый уже разъ въ Казани, но такъ какъ, на этотъ разъ, число убитыхъ простиралось, по словамъ лѣтописца **), до тысячи, и кромѣ того, убіиство великокняжескаго посла обличало въ казанскомъ народѣ вѣроломство и измѣну, то вызвало въ русскомъ народѣ и великомъ князѣ желаніе наказать вѣроломныхъ казанцевъ и въ особенности царя ихъ Саинъ-Гирея, дозволившаго подобное умерщвленіе. Рычковъ, въ своемъ „Опытѣ казанской исторіи“, основываясь вѣроятно на лѣтописцахъ, бывшихъ у него подъ руками, такъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на русскихъ поступкомъ казанцевъ: „Извѣстіе о семъ бунтѣ казанцевъ и о гибели многихъ христіанъ, донесенное великому князю Василю Ивановичу, какъ благочестивому и человѣколюбивому государю, причинило великую горестъ. Нѣсколько дней не выходя изъ своихъ покоевъ со всеѣмъ своимъ дворомъ, былъ онъ въ глубокой печали и пролилъ много слезъ“ ***). Василій Ивановичъ, съ своими братьями, Юріемъ и Андреемъ, съ воеводами и большимъ войскомъ, отправился въ томъ-же году въ походъ на Казань. Дойдя до Нижняго Новгорода, онъ здѣсь остановился, пославъ отсюда на судахъ царя Шигъ-Алея, бывшаго казанскаго данника, исполнѣ преданнаго московскому государству и съ нимъ князя Василя Шуйскаго. Сухимъ-же путемъ, съ конной ратью, отправился, по приказанію государя, князь Борисъ Горбатый. Самъ великій князь остался въ Нижнемъ, потому, вѣроятно, что боялся новой неудачи въ войнѣ съ казанцами, противъ которыхъ теперь направлены были все силы московскаго царства. Воеводамъ своимъ онъ далъ наказъ плѣнить казанскія мѣста. Дорогою эти полководцы опустошали все попадающееся на

*) Настоящая фамилія посла Поджегинъ. Измѣнически убитые вызвали себѣ сочувствіе у русскихъ. Въ синодикѣ значится слѣдующее: «Василію, Юрьеву сыну, Поджегину, и всеѣмъ православнымъ христіаномъ, пострадавшимъ за православную вѣру отъ безбожнаго царевича Саинъ-Гирея въ Казани, вѣчная память». («Вивліюфика», 1775 г., VIII).

**) «Казанск. лѣтоп.», гл. XVI.

***) «Опытъ казанской исторіи», Рычкова. Стр. 94.

встрѣчу: воюя непріятельскую землю, они убивали непрітеля и забирали въ плѣнъ людей, по берегамъ Волги, по преимуществу враждебныхъ черемисъ, своими дѣйствіями много способствовавшихъ неудачамъ русскихъ въ ихъ борьбѣ съ казанцами. Но настоящаго сраженія съ самими казанскими татарами, замѣтно, имъ не приводилось имѣть. Однакожъ этотъ тяжелый походъ съ многочисленнымъ войскомъ, возбужденнымъ противъ казанцевъ, окончился, по понятіямъ тогда существовавшимъ, ничѣмъ. На самомъ же дѣлѣ отъ этаго похода получился результатъ, хотя и случайный, но весьма дорогой для тогдашняго московскаго государства. Стремленіе русскихъ владѣть берегами Суры, проявившееся далеко ранѣе того времени, упрочилось на дѣлѣ. Дойдя до самаго устья Суры, полководцы, какъ въ знакъ того, что они пройденныя мѣста дѣйствительно плѣнили и завоевали, основали на правомъ ея берегу крѣпость, которой сообщено было названіе города. Вновь учрежденный городъ названъ былъ по имени великаго князя Васильевымъ Новгородомъ *). Въ послѣдствіе городъ этотъ сталъ называться короче—Васильгородомъ, Василь Сурскомъ и просто Василемъ, какъ онъ называется и доселѣ. Открытіе города совершилось въ самый день новаго 7032 года, т. е. 1 сентября 1523 года. Для безопасности новаго города поставленнаго на чужой землѣ, принадлежащей казанскому царству, устроены были валъ и острогъ **). Подъ именемъ острога въ старину разумѣли не тюремное помѣщеніе, но поставленные для защиты деревянныя стѣны съ башнями и воротами; иногда-же вмѣсто стѣнъ ставились бревна стойкомъ. Такіе остроги обыкновенно окружали посады, и ограждали находящееся въ нихъ небольшое войско. Однако на этотъ разъ крѣпость была, по свидѣтельству Барберини, каменная. Вотъ что онъ говоритъ въ своемъ путешествіи въ Московію: „Почти во стѣ сорока миляхъ отъ Нижняго Нов-

*) «Въ лѣто 7032 мѣсяца сентября государь великій князь Василій Ивановичъ всея Руси повелѣ на Сурѣ рѣкѣ Новгородъ поставить». («Соф. Временникъ», II, 357) Барберини называетъ Василь также Васильевымъ Новгородомъ. («Сынъ Отечества». 1842, № 7).

**) «Исторія государства російскаго», Карамзина, т. VII.

города находится рѣка, текущая съ юга, именуемая Сура; вливается она въ Волгу тамъ именно, гдѣ стоитъ каменная крѣпость, называемая Васильевъ Новгородъ (Basilonugorod). Рѣка эта составляетъ границу московскаго княженія и казанскаго царства“ *). Говоря объ этомъ, Барберини справедливость сказаннаго подтверждаетъ тѣмъ, что онъ самъ это видѣлъ. Въ этомъ городѣ, первоначально поставленномъ подъ горою, на правомъ берегу Суры, князья Борисъ Ивановичъ Горбатый и Шуйскій построили тотчасъ-же церковь, которая была, разумѣется, деревянная. „И поставиша на казанской землѣ на устьѣ Суры при Волгѣ городъ и создаша въ немъ и церковь во имя Пресвятыя Богородицы честнаго Покрова, да два придѣла архистратига Михаила и Николая Чудотворца“, говоритъ лѣтописецъ **). Дальнѣйшее поступательное движеніе войска въ настоящій разъ однако остановлено въ тѣхъ, вѣроятно, соображеніяхъ, что въ скоромъ времени могли закрыться рѣки, и тогда судовая рать московская могла потерпѣть много несчастій, даже и въ такомъ случаѣ, когда-бы московское войско овладѣло Казанью. Опустошивъ непріятельскія селенія по берегамъ Волги, кругомъ Василія, полководцы возвратились въ Москву осенью и привели съ собою много черемисскихъ плѣнниковъ. Самъ великій князь Василій Ивановичъ выѣхалъ изъ Нижняго раньше войска, именно 15 сентября, имѣя въ мысли снова выступить весною противъ Казани, что онъ дѣйствительно и исполнилъ, хотя и безуспѣшно.

Не разрѣшеннымъ, однако, является вопросъ—дѣйствовали ли воеводы, основывая городъ, по предварительно составленному ими, или великимъ княземъ, плану, или это была случайность, къ которой пришли по самому ходу дѣла посланные воеводы? Не видя въ дѣйствіяхъ московской рати обдуманной системы, кромѣ одного огульнаго напора силъ, устремленныхъ на Казань, мы на сторонѣ второго предположенія: мысль устроить городъ, долженствовавшій сдѣлаться передовымъ оплотомъ московскаго царства,

*) «Путешествіе въ Московію» Рафаила Барберини, въ 1565 г. («Сынъ Отечества», 1842, т. VI, стр. 12).

**) «Нижегородскій лѣтописецъ», лѣта седьмыя тысящи.

явилась случайно, во время уже похода. Весьма может быть, что на эту мысль натолкнули и сами русскіе поселенцы, разселившіеся, какъ сказано было выше, по нижегородской губерніи и по берегамъ самой Суры. Кромѣ того, потомки князей нижегородскихъ, стараясь защищать свои владѣнія, строили укрѣпленія въ предѣлахъ отчины своихъ прадѣдовъ, а вліятельный бояринъ Борисъ Горбатый *), не преминулъ, въ этомъ случаѣ, послѣдовать ихъ намѣреніямъ. Весьма легко, что личная воля великаго князя въ учрежденіи города совсѣмъ не участвовала. Полководцы, выбравши мѣсто, обильное рѣками, заложили крѣпость, назвавъ ее именемъ великаго князя, не испросивъ у него на это и позволенія, такъ какъ они дѣлали угодное государю. Все это согласно съ духомъ времени и состояніемъ тогдашняго общества. Но во всякомъ случаѣ, государю, прежде отбытія его изъ Нижняго, было уже вѣдомо намѣреніе воеводъ, закладывавшихъ новый русскій городъ. Черезъ построеніе этого города, которымъ были разширены московскія владѣнія, русскіе устроили новый восточный оплотъ, для охраненія непредвидѣнныхъ набѣговъ на самую Москву, и въ особенности на Нижній Новгородъ.

Основаніе города Васильева Новгорода произвело сильное впечатлѣніе на современныхъ русскихъ. Въ тогдaшнее время, когда вниманіе русскихъ обращалось только на военскіе успѣхи, всякія мирныя и полезныя учрежденія не цѣнились почти вовсе. Въ московскомъ обществѣ, по поводу построенія города на непріятельской землѣ, ходили самыя разнорѣчивыя толки. Намѣреніе великаго князя и полководцевъ отодвинуть передовую крѣпость съ устья Оки на устье Суры, т. е. болѣе чѣмъ на полтораста верстъ, считали дѣломъ совершенно маловажнымъ. Большая часть современныхъ великому князю русскихъ еще осуждали Василя Ивановича за основаніе этого города на землѣ казанской, и во-

*) Бояринъ князь Борисъ Ивановичъ Луинъ-Горбатый-Суздальскій, знаменитый вождь, основатель Василя, членъ думы во время малолѣтства Ивана Грознаго, наместникъ Новгорода и Пскова, умеръ въ 1536 году. Онъ былъ предкомъ царствующему дому Романовыхъ по женскому колѣну. Царствующій нынѣ Государь Императоръ — потомокъ суздальско-нижегородскаго князя Бориса Горбатаго въ десятомъ колѣнѣ. См. «Родословную книгу».

обще за его походъ, который, по ихъ мнѣнію, окончился тѣмъ, что онъ поставилъ на сторонѣ непріятельской *лукно*. Великокняжескій чиновникъ Версень говоритъ: „Почто великій князь въ Новгородъ (Нижній) ходилъ? Поставилъ на ихъ сторонѣ *лукно*?“ *). Дальновиднѣйшіе-же тогдашняго времени русскіе, къ числу которыхъ принадлежалъ и митрополитъ Даниилъ, видѣли, напротивъ, въ основаніи Василя ступень къ вѣрнѣйшему и окончательному покоренію всего казанскаго царства. „Митрополитъ и вельможи великую хвалу Василю воздавали за то, что этотъ городъ поставилъ: тѣмъ-де городомъ всю казанскую землю возьмемъ“ **). Хотя весьма легко усомниться въ томъ, чтобы эти похвалы дѣлаемы были отъ чистаго сердца, такъ какъ русскіе, при тогдашнемъ состояніи нравовъ, любили-таки изрядно подкурить своимъ повелителямъ, великимъ князьямъ; однако, въ настоящемъ случаѣ, послѣдующія событія доказали, что вельможи и митрополитъ были правы и нелицемѣрны въ своихъ похвалахъ ***). Недовольные походомъ и результатомъ его роптали на великаго князя за то еще, что онъ поставилъ городъ на правой, а не на лѣвой сторонѣ Суры: „Ино какъ ся помирить? говорили они. Ино было поставить на своей сторонѣ, ино бы лѣвъ миру быти“ ****).

Въ высказываемомъ этими послѣдними словами неудовольствіи слышится упрекъ учреждавшимъ городъ, которые не счумѣли поставить городъ на болѣе удобномъ и безопасномъ мѣстѣ. Поставьте-де вы городъ на этой сторонѣ Суры, и тогда было-бы хорошо: для новаго несильнаго города болѣе было-бы безопасности, ибо рѣка Сура могла-бы служить преградой для нечаянныхъ набѣговъ враждебныхъ сосѣдей. Жить-же вновь оставленнымъ

*) Слѣдственное дѣло объ Иванѣ Версенѣ и Федорѣ Жареномъ, съ допросами старцу Максиму Греку и келейнику его Афанасію. Слова противниковъ Версеня.

**) Тамъ-же.

***) По поводу лести великому князю вотъ что между прочимъ сообщаетъ Герберштейнъ: «Этотъ князь Василій въ войнѣ былъ весьма несчастливъ; однако, тѣмъ не менѣе, *свои* восхваляютъ его такъ, какъ будто-бы онъ вель дѣла свои счастливо; и хотя иногда ворочалась (съ поля сраженія) едва половина воиновъ, однако они утверждаютъ, что въ сраженіи не потеряли и одного». («Reg. Moscov. commentarii»).

****) «Археел. акты», т. I, стр. 144.

здѣсь русскимъ на такомъ мѣстѣ, на которомъ, въ случаѣ нападенія, нельзя было даже дать *тыла*, не совсѣмъ, разумѣется, было удобно. И въ самомъ дѣлѣ, положеніе новаго города, съ одной, даже и каменной, если вѣрить свидѣтельству Барберини, крѣпостью, поставленнаго среди и кругомъ враждебныхъ намъ черемисъ и татаръ, которымъ достаточно было окружить городъ съ трехъ сторонъ, чтобы вполне овладѣть имъ, было опасное. Герберштейнъ, не безъ основанія, говоритъ, что крѣпость въ Василь-городѣ сдѣлалась, въ послѣдствіе, источникомъ многихъ золъ *). И если не видимъ мы на первыхъ-же порахъ, въ теченіе полутора года, того, чтобы Василь терпѣлъ отъ сосѣднихъ ему народовъ, то можемъ это объяснить только беспорядками въ казанскомъ царствѣ, гдѣ царь Саипъ-Гирей, будучи устрешенъ походомъ великаго князя, искалъ себѣ опоры и покровительства у турецкаго султана. Черемисъ и мордву, всегда трусливыхъ, могъ удерживать отъ нападеній на вновь созижденный городъ тотъ отрядъ войска, который, для безопасности, оставленъ былъ, вѣроятно, при каменной крѣпости новаго города. Впрочемъ о маленькихъ несчастіяхъ, претерпѣваемыхъ новымъ городомъ, лѣтописцы, разумѣется, и не передавали: они были такъ свойственны въ то военное по духу время всѣмъ пограничнымъ городамъ, особенно съ восточной стороны.

Такъ или иначе смотрѣли современники на сооруженіе крѣпости въ Василь, но смотря на фактъ этотъ съ точки тогдашняго положенія московскаго государства, мы должны признать, что устройство этаго города съ крѣпостью и притомъ каменною, имѣло для Москвы большое значеніе и искупало всѣ понесенныя потери, при переѣздѣ судовой и конной ратью московской огромнаго пространства, при постоянныхъ стычкахъ ея съ народцами, заселившими мѣсто отъ Нижняго до Суры и далѣе. А этихъ потерь конечно было не мало. Указаніе на это даетъ опять Герберштейнъ, который говоритъ: „Великій князь выступилъ противъ царства казанскаго съ судовой и конной ратью, но воро-

*) «*Rer. Moscov. commentarii*».

тился, не сдѣлавъ дѣла, и потерялъ весьма много воиновъ“ *). Василь служилъ разширеніемъ предѣловъ московскаго царства и вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ передовымъ восточнымъ оплотомъ его. Стоя на близкомъ уже сравнительно разстояніи отъ Казани, Василь былъ и служилъ точкой опоры для Россіи, въ ея поступленіяхъ къ востоку. Для русскихъ походы на Казань до нѣкоторой степени уже облегчались этимъ, стоящимъ какъ-бы на перепутьи, городомъ. Г. Соловьевъ въ своей „Исторіи“ такъ опредѣляетъ значеніе для Москвы вновь устроеннаго города Василя: „Въ построеніи этого города высказалось намѣреніе стать твердою ногою на землѣ казанской, положить начало ея полному покоренію, ибо подручническія отношенія, клятвы казанскихъ царей и народа уже два раза оказывались ручательствомъ недостаточнымъ. Василій, построивъ городъ, сдѣлалъ первый шагъ къ совершенному покоренію казанскаго царства, сынъ его Иванъ построеніемъ Свияжска—второй, а третьимъ—было взятіе Казани“ **). Намъ передавали, что городу Василию даны были давно какія-то особыя льготныя царскія грамоты. Къ сожалѣнію, никакихъ грамотъ, относящихся до Василя мы не отыскали: можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ были какія-нибудь грамоты, которыми городу, какъ пограничному, давались особыя привиллегіи, или-же эти грамоты относились къ предметамъ совершенно другого рода. Сожжени-ли они вмѣстѣ съ дѣлопроизводствомъ вольницею Стеньки Разина, или затерялись гдѣ—неизвѣстно.

Предположенія митрополита и вельможъ вполнѣ почти оправдались въ скоромъ-же времени. Во второй походъ на Казань, весною 1524 года, столица татарскаго царства была-бы вполнѣ взята войскомъ, посланнымъ Василиемъ Ивановичемъ, если-бы не бездѣйствіе нашихъ воеводъ, не умѣвшихъ воспользоваться счастливыми для этого обстоятельствами (какъ напримѣръ бѣгство Саипъ-Гирея, переменѣна династіи, пожаръ казанской деревянной крѣпости, также самое замѣшательство казанцевъ, когда у нихъ убитъ былъ ихъ лучшій пушкарь); и тогда слава окончательна-

*) Тамъ-же.

**) «Исторія Россіи, Соловьева».

го завоеванія казанскаго царства принадлежала-бы основателю Васильгорода, а не сыну его, Ивану Васильевичу Грозному. Но Василій Ивановичъ, не имѣвшій совѣтъ тѣхъ военныхъ доблестей *), которыя требовались духомъ того времени, оставилъ о себѣ память какъ строитель городовъ и собиратель земли русской.

Основавши городъ Василь, великій князь хотѣлъ придать этому городу и другое, болѣе важное, значеніе: онъ захотѣлъ устроить въ немъ, какъ на русской уже землѣ, ярмарку. Съ этою цѣлью онъ указалъ русскимъ купцамъ не ѣздить болѣе въ Казань, на арскую ярмарку, бывавшую ежегодно въ Казани 24 іюня. Въ этотъ день въ Казань собирались для торговли и обмѣна произведеній татары, русскіе, армяне, персіяне и нѣкоторые кочующія племена. Но такъ какъ право торговли не установилось какъ слѣдуетъ у этихъ народовъ, то часто происходили безпорядки, ссоры и драки, оканчивавшіеся иногда и смертью; въ особенности при этомъ страдали русскіе, которыхъ, какъ иновѣрцевъ, не любили татары; а въ послѣдніе годы передъ основаніемъ города, ненависть ихъ къ нимъ еще болѣе усилилась по распрямъ и несогласіямъ, происходившимъ между московскимъ и казанскимъ царствами. Этой политической враждой можетъ только объясниться допущенная на ярмаркѣ открытая измѣна и вѣроломство со стороны татаръ, которые, убивши до тысячи русскихъ, убили въ числѣ ихъ и посла государева Василія Поджегина. Со стороны правительства, разумѣется, требовалось оградить на будущее время русскихъ отъ измѣны. Вотъ почему великій князь на этотъ разъ строго запретилъ русскимъ ѣздить въ Казань, опредѣливъ тяжкое наказаніе тому, кто впредь поѣдетъ туда для торговли **). Герберштейнъ объясняетъ это распоряженіе со стороны великаго князя тѣмъ, что будто Василій Ива-

*) Въ войнахъ этотъ государь былъ очень неудачливъ. Между прочимъ объ одномъ его походѣ новгородскій лѣтописецъ говоритъ такъ: «А бой былъ таковъ, на первомъ ступѣ царь побѣждалъ пометавъ весь животъ». Не мудрено поэтому, что о князѣ, такъ трусливомъ на войнѣ, между современниками ходилъ слухъ, что онъ прятался отъ непріятеля подъ стогомъ сѣна.

**) Rer. Moscov. commentar.

новичъ хотѣлъ, въ отищеніе татарамъ, подорвать торговлю Казани. Мы не знаемъ, разумѣется, затаенныхъ цѣлей великаго князя, но знаемъ, что необходимость оградить и гарантировать русскихъ въ Казани была настоятельная: если не было иного пути согласить отношенія татаръ къ русскимъ, то распоряженіе устроить такую-же ярмарку, которая была-бы также открыта и для другихъ народовъ, на русской границѣ, надо признать согласовавшимся съ обстоятельствами того времени.

Никакихъ историческихъ данныхъ не сохранилось о томъ, была-ли въ дѣйствительности въ Василь именно международная ярмарка или нѣтъ. Жители Востока на первыхъ порахъ естественно могли бояться ѣздить въ область русскихъ, мало, съ своей стороны, уважавшихъ право неприкосновенности торговли, производимой басурманами. Но это на первыхъ только порахъ. Съ другой стороны, могъ-ли внушать казанцамъ и восточнымъ племенамъ серьезные опасенія этотъ маленькій городокъ, какъ-бы оторванный отъ московскаго государства? Не будучи въ состояніи запугивать своей вооруженностью или численностью войска, Василь, съ наѣздами сюда восточныхъ племенъ, могъ быть одинаково опасенъ какъ для казанцевъ, такъ и для русскихъ, съѣхавшихся сюда для торговли, и потому невыгоды положенія были общія и для чужеземцевъ и для самихъ русскихъ. Взаимный-же интересъ могъ гарантировать отношенія торгующихъ и упрочивать безопасность ихъ. Интересъ этотъ вызывался необходимостью обмѣна произведеній съ обѣихъ сторонъ. Необходимость обмѣна произведеній русскихъ съ чужеземцами начала сказываться съ весны 1523 года. Русскіе нуждались въ то время въ привозѣ отличной рыбы, въ особенности бѣлуги, которая ловилась въ Волгѣ по сю и болѣе по ту сторону Казани; рыбу русскіе обыкновенно покупали у астраханскихъ купцовъ; астраханскіе, армянскіе и персидскіе купцы, въ свою очередь, имѣли надобность въ мѣхахъ, вывозимыхъ изъ Россіи и бывшихъ въ ней въ то время едва-ли не главнымъ предметомъ сбыта. Враждебные наши сосѣди-казанцы чувствовали нужду въ самомъ необходимомъ — въ соли, которую они получали отъ русскихъ. Это желаніе обмѣна съ обѣихъ

20801

сторонѣ, эта взаимная необходимость международной торговли, прерванной повелѣніемъ и распоряженіемъ великаго князя, разумѣется ощутительно отзывалась какъ въ Казани, такъ и въ самомъ московскомъ царствѣ. Въ Москвѣ началась дороговизна какъ на рыбу, которая, въ такъ-называемые постные дни, составляла у русскихъ необходимую принадлежность стола, такъ и на другіе предметы; въ тоже время стали чувствоваться недостатки во многихъ предметахъ и вещахъ, привозимыхъ по Волгѣ съ каспійскаго моря. „Московія, говоритъ Герберштейнъ, отъ перенесенія этой ярмарки (арской на васьильскую), понесла не менѣе вреда, чѣмъ сами казанцы, которыхъ хотѣли принудить къ сдачѣ, отнявъ у нихъ возможность покупать соль“. Для казанцевъ, правда, тяжелѣе было выносить этотъ недостатокъ; но тѣмъ не менѣе, ярмарка арская продолжала существовать и послѣ распоряженія великаго князя, хотя и не въ томъ положеніи и не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она стояла прежде: отсутствіе русскихъ купцовъ значительно ослабили ее. Но восточные купцы не переставали въ іюнѣ наѣзжать въ Казань, гдѣ торговали подъ кровомъ своихъ единовѣрцевъ, такъ, что арская ярмарка просуществовала до самаго покоренія Казани. Недостатокъ во многихъ предметахъ, начавшійся чувствоваться съ перваго-же года запрещенія участвовать русскимъ въ арской ярмаркѣ, могъ повести восточные народы къ ежегодному обмѣну произведеній съ русскими, не смотря на неблагопріятныя отношенія Казани къ Москвѣ. Казанскіе татары силою обстоятельствъ вызывались войти въ торговые сношенія съ русскими. Торговать-же съ русскими въ предѣлахъ Россіи для восточныхъ народовъ было уже не новостью: слѣдъ къ этому проложенъ былъ значительно раньше. Изъ „Нижегородскаго лѣтописца“ извѣстно, что еще въ XIV столѣтіи въ Нижній Новгородъ съѣзжались хивинскіе, бухарскіе, татарскіе и армянскіе купцы, для обычнаго ежегоднаго обмѣна товаровъ. Арская ярмарка, вѣроятно, вытѣснила эту начавшуюся ярмарку. Стало быть восточнымъ народамъ не было впервые начинать торговать въ предѣлахъ русскаго государства. Легко, потому, предположить, что и въ Василь стали пріѣзжать восточные купцы.

Разумѣется, что ярмарки въ широкихъ размѣрахъ не могло и быть. Большія ярмарки, независимо отъ другихъ условій, складываются долгимъ временемъ. Со дня-же основанія васьильской ярмарки до покоренія Казани прошло только двадцать девять лѣтъ. Этого времени, въ которое происходили частыя войны казанцевъ съ русскими, недостаточно было для того, чтобы здѣсь могла развиться и укрѣпиться васьильская ярмарка. Но начатки торговли русскихъ съ восточными народами могли быть; починъ въ дѣлѣ учрежденія русской ярмарки легко могъ принадлежать Василию, ярмарка котораго хотя-бы и номинально, существовала почти цѣлое столѣтіе. Въ указаніи срока существованія васьильской ярмарки Карамзинъ ошибся; ни на чемъ не основываясь, онъ сказалъ, что ярмарка была перенесена, въ 1524 году, къ монастырю Макарія и что такимъ образомъ тамъ была основана ярмарка *). Въ опроверженіе этого достаточно сказать, что монастырь Макарія въ то время не существовалъ. По разореніи этого монастыря Улу-Махметомъ въ 1439 г., мѣсто его до 1624 года лежало *въ пустъ*. Нельзя-же предположить, чтобы ярмарка была перенесена или стала развиваться сама собою въ нежиломъ мѣстѣ. Притомъ изъ преемниковъ Василя Ивановича никто документально не разрушалъ права существованія ярмарки въ Василѣ. Такимъ образомъ за Василемъ удержано было официально право ярмарки не на одинъ годъ, какъ указалъ Карамзинъ, а почти на цѣлое столѣтіе, т. е. до того времени, когда реставрированный макаръевскій монастырь съ 1624 года началъ привлекать къ себѣ толпы богомольцевъ, въ слѣдствіе чего здѣсь и началъ развиваться торгъ, который потомъ превратился въ ярмарку, узаконенную правительствомъ въ 1686 году. Международная ярмарка, т. е. между русскими и восточными народами, могла существовать въ Василѣ только до покоренія Казани, т. е. въ теченіе двадцати-деяти лѣтъ. Съ покореніемъ-же Казани и особенно Астрахани (въ 1557 году), когда „великая рѣка Волга учинилась подъ высокую руку милостиваго государя царя“, восточные купцы оставили со-

*) «Исторія гос. рос.», Карамзина, т. VIII—82.

всѣмъ Волгу и волжскую ярмарку, ибо страшились русскихъ: имъ были памятны грабежи русскихъ на арскомъ полѣ. Не имѣя никакихъ рукописей или документовъ, трудно утверждать, была ли на самомъ дѣлѣ, хотя и не въ широкихъ размѣрахъ, ярмарка въ Василѣ, срокъ номинальнаго существованія которой продолжался такое долгое время. Есть одинъ незначительный фактъ, который, будучи хорошо доказанъ, могъ-бы имѣть силу довода въ вопросѣ о существованіи въ дѣйствительности ярмарки въ Василѣ. Извѣстно, что всякое торговое движеніе придаетъ городу несомнѣнное улучшение и выдвигаетъ его изъ прежняго состоянія. Если-бы въ Василѣ происходила ярмарка, то городъ долженъ былъ поправиться хотя въ количествѣ своихъ строеній, равно и увеличиться въ числѣ жителей. По этому предмету есть слабыя указанія. Одинъ изъ членовъ васильской городской управы передавалъ намъ, что въ думѣ долгое время хранился планъ города Василя, на которомъ обозначены были мѣста семи городскихъ церквей. Этотъ-де планъ теперь неизвѣстно съ какой цѣлью отобраннъ и куда взятъ, имѣлъ гербъ съ семью печатами. Плана этаго, къ сожалѣнію, мы не отыскали; но находящійся на немъ гербъ прямо указываетъ на царствованіе Ивана Грознаго. Если-бы намъ удалось видѣть этотъ планъ, мы больше-бы утвердились въ своихъ предположеніяхъ о существованіи въ Василѣ ярмарки уже на томъ основаніи, что городъ, страдавшій такъ часто отъ набѣговъ и нападеній, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, въ такое короткое время могъ увеличиться въ числѣ своихъ строеній, что имѣлъ даже семь церквей. Не имѣя-же въ рукахъ этаго документа, мы не будемъ читателя убѣждать доводами, не имѣющими за собой достаточной убѣдительности.

Имѣя торговую важность, Василъ въ первые годы существованія приобрѣлъ важность и въ военномъ отношеніи, какъ пограничный и укрѣпленный городъ. Въ 1530 году, когда казанцы, уstraшенные весьма гибельнымъ походомъ противъ нихъ, смиренно молили, черезъ своихъ пословъ, о прощеніи народа, они вмѣстѣ съ тѣмъ просили назначить царемъ казанскаго царства прежняго Шигъ-Алея, соглашаясь и на то, чтобы этотъ царь

былъ совершеннымъ вассаломъ московскаго государя. Но ѣхать съ новымъ царемъ прямо въ Казань, гдѣ все еще держался и не былъ низверженъ царь Сафа-Гирей, было довольно опасно. До вѣзда Шигъ-Алея въ Казань требовалось предварительно низвергнуть Сафа-Гирея. Вотъ почему казанскіе послы говорили: „Пусть ѣдетъ Шигъ-Алей съ нами въ городъ Василь: оттуда напишемъ къ казанцамъ, къ горнымъ и луговымъ черемисамъ, къ князьямъ арскимъ о милости государя“ *). Изъ этихъ словъ видно, что пребываніе въ Василѣ, какъ русскихъ, такъ и казанцевъ было до нѣкоторой степени безопасное, чему вѣроятно помогало стоявшее здѣсь вооруженное укрѣпленіе, отчасти гарантировавшее отъ нечаянныхъ нападеній.

Но до покоренія казанскаго царства на долю Василя выпало не мало бѣдствій. Мятѣжные казанцы скоро снова свергли съ себя вассальную зависимость, и Василь первый долженъ былъ почувствовать перемѣну порядка вещей въ Казани. Въ 1536 году, въ ночь на рождество, казанцы внезапно напали на нижегородскую область, разграбили Поволжье, особенно-же селенія вокругъ Нижняго и избили спящихъ русскихъ, не подозрѣвавшихъ ночного нападенія. Василь при этомъ нечаянномъ нападеніи былъ первымъ станомъ, куда высадились непріятельская казанская рать. Московскіе полководцы, князья Гундуровъ и Замыцкій, посланные противъ казанцевъ, увидя у города Василя большое татарское войско, расположившееся у Суры, вернулись быстро назадъ, не извѣстивъ даже государя о вторженіи непріятеля **). На сколько была тяжела для города подобная остановка татаръ, шедшихъ со злобой и мстью противъ русскихъ — можно представить. Во всякомъ случаѣ подобное татарское нашествіе, устранившее даже московское войско, не обошлось безъ кровопролитія и несчастій для жителей Василя. Второе несчастье Василю пришлось

*) Тамъ-же. Энергическая рѣчь казанскаго посла Тагая замѣчательна какъ образецъ ораторскаго краснорѣчія казанцевъ.

**) «Пришли къ Сурѣ (Гундуровъ и Замыцкій) и нашли на смыгу татаръ.... и возвратились, а татарове пришедъ на нижегородскія мѣста ноцію на сонные люди, декабря 24». («Царствен. книга»).

испытать въ 1539 году, когда казанцы два года непрестанно злодѣйствовали въ областяхъ Нижняго Новгорода, Балахны и другихъ. Въ это время, по словамъ лѣтописца, кровь лилась какъ вода, когда мѣста бывшихъ поселеній поросли дикимъ кустарникомъ, а беззащитные укрывались въ лѣсахъ и пещерахъ, потому что татары тѣмъ, кого не брали въ плѣнъ, выкалывали глаза, обрѣзывали уши, отсѣкали руки, ноги и другія производили неистовства и звѣрства *). 1539 годъ былъ годиною страшнаго несчастья не для одной только нижегородской области: мѣсть озлобленныхъ татаръ въ этотъ годъ испытывали и другіе людные города—Муромъ, Владиміръ, Кострома, Галичъ, Кинешма, Устюгъ, Вологда, Вятка и Пермь.

Съ покореніемъ Казани, въ 1552 году, всѣ бѣдствія города, причиняемыя опустошительными набѣгами казанцевъ, прекратились; но вмѣстѣ съ этимъ существованіе города Василѣ лишилось всякой важности. Военное свое значеніе, какъ пограничный городъ, онъ потерялъ еще въ 1550 году, когда вновь основанный, почти у воротъ Казани, городъ Свияжскъ сдѣлался восточнымъ оплотомъ Россіи. Въ духовномъ управленіи Василѣ, въ 1553 г., былъ причисленъ къ казанской епархіи, и только въ 1795 г. къ нижегородской.

Положеніе города при рѣкѣ Сурѣ оказывалось неудобнымъ. Эта рѣка, имѣющая сильный прибой въ правый берегъ, была причиною рушенія многихъ зданій стараго города, раскинутаго по подолу васьинской горы. Въ числѣ снесенныхъ и разрушенныхъ зданій была каменная крѣпость и церковь, построенныя въ Василѣ, при основаніи здѣсь города. Крѣпость, простоявшая тридцать-три года, была всецѣло разрушена водой. По этой причинѣ крѣпость, вновь построенная, была перенесена, 3 августа 1556

*) Неистовства казанцевъ заключались еще въ слѣдующемъ: «Обративъ монастыри въ пещель, невѣрные жили и спали въ церквахъ, пили изъ святыхъ сосудовъ, обдирали иконы для украшенія женъ своихъ усерезями и монистами, сыпали горящія уголья въ сапоги инокамъ и заставляли ихъ плясать, оскверняли юныхъ монахинь, и что всего ужаснѣе—многихъ приводили въ вѣру свою, а сіи несчастныя сами гнали христіанъ какъ лютые враги ихъ. Пишу не по слуху, но видѣнное мною и чего никогда забыть не могу». («Казанская лѣтопись»).

года, на гору *). Судя по остаткамъ этой послѣдней крѣпости, сохранившимся и до сего времени и извѣстнымъ въ Василѣ подѣ названіемъ Цѣпели, новая крѣпость была не широкихъ размѣровъ: маленькому городку не нужна была сильная защита. Да и эта крѣпость стояла совершенно изолированно, на горѣ, между тѣмъ, какъ жители города селились по скату и подолу горы, который, по всей вѣроятности, долго еще сохранялся. Что побуждало переносить крѣпость именно на гору, вдали отъ самаго города — неизвѣстно. Весьма можетъ быть къ этому побуждало то, что рвы и валы, стоявшіе на горѣ, были уже готовы и мѣсто, удобное для новой крѣпости, было обозначено раньше. Неясно передаваемое въ Василѣ преданіе о какихъ-то не русскихъ князьяхъ, жившихъ на горѣ и имѣвшихъ свой дворецъ, окруженный валами и рвами, указываетъ до нѣкоторой степени на причину, почему именно крѣпость поставлена была вдали отъ города. Во всякомъ случаѣ Цѣпель, какъ памятникъ старины, интересна въ археологическомъ отношеніи, и потому мы сдѣлаемъ ниже подробное описаніе ея, хотя этотъ памятникъ въ цѣлости не сохранился. За крѣпостью стали разрушаться дома и церкви, поставленные по берегу рѣкъ. Постройки церковей совсѣмъ не возобновлялись, исключая настоящей каменной церкви, которая была построена по распоряженію правительства въ 1820 году. Первая церковь, построенная князьями Горбатымъ и Шуйскимъ при основаніи города, была предметомъ особеннаго уваженія и достопочтенія, и потому внезапное рушеніе ея, во время службы въ ней, народное воображеніе украсило особой легендой. Церковь эта, въ старину, именно въ день преполовенія, была, по преданію, поглощена водой, во время литургіи, со всѣмъ народомъ, находившимся въ ней. Преданіе прибавляетъ, что эта церковь не рушилась, а была чудесно перенесена за Волгу, въ лѣса, на озеро Нестіяръ, и что до сихъ поръ тамъ существуетъ невидимый монастырь Нестіяръ, въ которомъ живетъ

*) См. дополнительную выписку изъ лѣтописей въ т. VIII «Исторіи» Карамзина, стр. 80.

семь иноковъ. Какъ скоро одинъ-де изъ нихъ умираетъ, приходитъ на мѣсто его благочестивый человѣкъ, которому монастырь дѣлается видимымъ. Разсказываютъ, что, порой, въ невидимомъ монастырѣ слышенъ колокольный звонъ, а иногда-де находятъ отверстіе во внутренность горы, находящейся вблизи озера: это отверстіе считается входомъ въ невидимый монастырь *). У жителей Василя и окрестныхъ мѣстъ составилось даже повѣрье, что этотъ монастырь, при концѣ міра, сдѣлается видимымъ и приемъ будетъ первая въ свѣтѣ ярмарка. Преданіе это, сохранившееся и доселѣ, даетъ намъ случай указать на исчезновеніе старинной церкви отъ напора воды сурской. Ничего нѣтъ сомнительнаго и въ томъ, что обрывъ или обвалъ церкви произошелъ внезапно и мгновенно. Ранѣе, при описаніи мѣста, занимаемаго Василемъ, мы указали на ключи, подтачивающіе землю въ горѣ, которые тѣмъ самымъ могутъ причинять городу большія опустошенія. Преданіе-же и повѣріе это мы приводимъ въ текстъ, а не примѣчаніи потому, что ими до нѣкоторой степени характеризуются жители города, у которыхъ, въ теченіе слишкомъ трехвѣкового существованія города, составила все-таки эта поэтическая легенда, легенда однако обращенная къ предмету почитанія старинной, и потому дорогой для воспоминанія, церкви.

Положеніе города, дѣлающее его доступнымъ разрушенію отъ воды, мало, разумѣется, способствовало какъ развитію здѣсь торговли, такъ и его собственному улучшенію. Если здѣсь и дѣйствительно существовала ярмарка въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, то эпоха самозванщины и междоусобицы порѣшила навсегда съ этой ярмаркой. Эта эпоха, болѣзненно отразившаяся на всемъ московскомъ царствѣ, доконала окончательно Василь, который уже болѣе не выдвигался ничѣмъ изъ ряда другихъ городовъ русскихъ. Во время смуты, волновавшихъ Россію, прежній порядокъ измѣнился, всякая торговля перестала производить-

*) Преданіе и повѣрье было записано и напечатано въ «Ниж. Губ. Вѣд.» 1851 г. Съ повѣрьемъ о невидимомъ монастырѣ сходно повѣрье о Большомъ Китежѣ, что на озерѣ Свѣтломъ Ярѣ (макарьевского уѣзда), исчезнувшемъ будто-бы во время нашествія Батяи, и до сихъ поръ существующемъ.

ся; съ восстановленіемъ-же спокойствія для страны, отыскались другіе пункты и мѣста, болѣе удобные для производства торговли. Значеніе-же Василя лишилось всякой важности. Смуты эти подавили на время всякую торговлю и промышленность во всей Россіи. Партіи самозванцевъ, распря между городами, нападеніе на Русь поляковъ, литвы и шведовъ, возстаніе инородцевъ—мордвы и черемисовъ, звѣрства казаковъ, равнодушіе ко всему этому нѣкоторыхъ областей, все это подѣйствовало какъ на всѣ обширныя области, такъ, еще болѣе, на всѣ ихъ людныя города и селенія. Нѣкоторые изъ разрушенныхъ и разоренныхъ городовъ не поднимались и не возвышались болѣе. Даже для самаго государства эпоха эта выдвинула роковой вопросъ—быть или не быть Руси, и при всѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ повидимому не видѣлось и конца, мощный русскій народъ восторжествовалъ: разрозненныя силы его соединились, и побѣдивши всѣ препятствія, образовали изъ себя снова единое цѣлое, самобытное государство. Подробныхъ свѣдѣній о томъ, что именно въ эту эпоху досталось на долю собственно города Василя, не сохранилось, хотя и для него результатъ получился одинъ, общій для всѣхъ городовъ: страшное обѣднѣніе и разореніе города. Судя-же по общему характеру волненій, объявившихъ какъ-бы пламенемъ все обширное московское государство, можно догадываться, что Василю, въ этомъ случаѣ, пришлось страдать отъ инородцевъ—черемисъ, а болѣе-же всего отъ „воровъ“ казаковъ, какъ тогда принято было писать о нихъ въ грамотахъ. Захваченные въ распахъ среди смуты, грабежей и кровопролитія, русскіе не знали, что имъ и дѣлать, за что принятъ, къ кому обратиться, кого признавать и отъ кого защищаться, словомъ недоумѣніе и сомнѣнія овладѣли всѣми, прежде чѣмъ они рѣшились дѣйствовать. Подобными обстоятельствами, весьма затруднительными для русскихъ, захотѣли воспользоваться поволжскіе инородцы—мордва и черемисы. Они осадили даже многолюдный и областной городъ Нижній Новгородъ. Но до этой осады, окончившейся для нихъ неудачно, хотя къ нимъ и присоединился отрядъ тушинцевъ, эти инородцы успѣли уже, по всей вѣроятности, надѣлать много вреда тѣмъ маленькимъ го-

родамъ нижегородской области, въ районахъ которыхъ они жили и производили возмущеніе. Василь, какъ окруженный селеніями черемисъ, могъ сильно страдать отъ нападений ихъ. Но болѣе всего приводилось терпѣть, разумѣется, отъ казаковъ: не было ни одной области, которая не страдала-бы отъ ихъ звѣрства и опустошенія. А на сколько эти опустошенія были гибельны, можно судить изъ словъ лѣтописца, который говоритъ, что и въ древнія времена такихъ смутъ не было. Враги всякаго порядка, казаки пользовались происшедшею на Руси смутою и жили на счетъ ея; по собственному сознанію раскаявшихся изъ нихъ въ послѣдствіе, они ходили въ то время „по горло въ христіанской крови“. Среди общей смуты и кровопролитія могъ-ли городъ Василь, стоявшій на Волгѣ, между Нижнимъ и Казанью (запуганною тушинцами до того, что она виѣстъ съ Вяткой присягнула самозванцу) оставаться невредимымъ? Однако въ васьильскомъ населеніи сохранилось преданіе, относящееся именно къ этой эпохѣ, что заступничество св. Варлаама Хутынскаго спасло городъ отъ враговъ — тушинцевъ и воровскихъ казаковъ *). Основываясь на одномъ преданіи, можно думать, что Василь дѣйствительно не испы-

*) Вотъ какъ, между прочимъ, рассказываетъ это событіе старецъ Іосифъ въ книгѣ П. И. Мельникова: «Задолго еще до никоновой порухи было на Руси ляхолѣтье... Гришка Разстрига на православное царство литву и ляховъ навелъ. Города, села пожигали, церкви рушили, святая иконы на щепы кололи, всякой святыхъ ругались. Поднялась заодно съ ними некрещеная сила: мордва, черемиса, татары. Подошла та окаинная сила къ Василь Суреку. Ратныхъ людей было тамъ мало. Васильгородцы, не чая спасенія, преплывали обонполь Волгу, и въ лѣсахъ отъ огня и меча укрывались. Ратные-же люди вышли изъ града на враговъ, нимало побѣды не чая, мученической вѣнецъ пріяти желая. Но простеръ Господь десницу свою, и предъ малымъ числомъ благовѣрныхъ воевъ въ рознь побѣжали орды не знающихъ Бога. Взятая въ полощъ черемиса повѣдала васильгородцамъ, отъ того-де они побѣжали, что передъ ними на бѣломъ конѣ явился страшный видомъ чернецъ, и пламеннымъ копіемъ, ихъ, враговъ имени христова, поражалъ немилостиво. Когда-же полоняники восхотѣли святаго крещенія и были приведены въ васильгородскую церковь, возрѣвъ на икону преподобнаго отца Варлаама Хутынскаго, познали старца пламеннымъ копіемъ ихъ поразивша. Слыша таковое божіе о градѣ смотрѣніе, васильгородцы Богу хвалу приносили, преподобному Варлааму пѣли молебны, и всѣ радости были исполнены ради спасенія своего града отъ иноплемениныхъ. По малѣ-же времени многіе отъ нихъ въ вѣрѣ пошатнулись, престали къ церкви божіей ходити, поучений отъ священнаго чина принимать, и едва сорокъ человекъ остались въ градѣ помнившихъ Бога Господа и не забывшихъ Бога и святой его вѣры. И ради того сорока не пустилъ до

талъ того полного разоренія, какое испытали, сравнительно съ нимъ, другіе русскіе города, и то можетъ быть потому, что ареною волненія, смуты, кровопролитія и разоренія дѣлались по преимуществу многолюдные и богатые города. Малолюдный-же и бѣдный Василь не могъ привлекать къ себѣ бунтовщиковъ, жавшихъ прежде всего наживы.

Потерявъ военное и торговое значеніе, Василь сдѣлался незначительнымъ посадомъ или даже поселкомъ. Какъ укрѣпленный, Василь имѣлъ правителемъ воеводу, который управлялъ и той маленькой артиллеріей, которая находилась при деревянной крѣпостцѣ, поставленной на горѣ. Воеводы управляли Василемъ, какъ видно изъ источниковъ, только до времени смуты, произведенной Разинымъ. По усмиреніи разинцевъ, о воеводахъ, равно какъ и о крѣпости, вгдѣ не упоминается: съ этаго времени Василь рѣшительно потерялъ уже характеръ города, до самаго 1708 года, т. е. до того времени, когда онъ, какъ городъ, былъ приписанъ къ казанской губерніи. Изъ воеводъ васильскихъ извѣстны: князь Иванъ Бахтеяровъ-Ростовскій съ 1554 года, князь Ромодановскій въ 1571 году, Хрущовъ въ 1604 г., Гладковъ въ 1642 году *). Изъ числа этихъ воеводъ Хрущовъ, служившій воеводою въ Василѣ, первый изъ русскихъ воеводъ призналъ Лжедмитрія I сыномъ Ивана Грознаго **). Въ разрядныхъ книгахъ, кромѣ этаго, упоминаются имена слѣдующихъ воеводъ и начальниковъ, командовавшихъ находящимися при крѣпости Ва-

времени Господь тому граду погибнуть.... Насталъ праздникъ господень, преполовенье день. Въ церковь тѣ сорокъ человекъ пришли, ныне-жъ въ безчинныхъ играхъ и въ мрской суетѣ пребывали. И когда, по окончаніи божественной службы, благочестивые крестнымъ ходомъ пошли на Волгу воду святить, двинулась за ними и церковь божія, предъ нею-же икона преподобнаго Варлаама Хутынскаго шествовала, ниѣмъ не носима. Когда-же пришли къ берегу, Волга рѣка разступалася, какъ широкія врата растворялася, принимала въ свое лоно людей благочестныхъ, и шедшую за крестнымъ ходомъ церковь, и по воздуху ходящую икону преподобнаго Варлаама.... И всемогущю Бога силою тѣ люди и церковь перенесены за Волгу, въ лѣса, на озеро Нестіарь. И до сихъ поръ тамъ живутъ невидимые въ обители не видимой. Все одно, что на Китежѣ». См. книгу: «Въ лѣсахъ», Андрея Печерскаго, т. III, стр. 354 и 365.

*) «Городскія поселенія въ россійской имперіи», т. III, стр. 301.

**) «Смутное время самозванцевъ», Костомарова.

сися стрѣльцами: Осипъ Коноплевъ въ 1614 году, Богданъ Семеновъ Сабуровъ въ 1617 г., за нимъ идетъ воевода князь Иванъ, князь Романовъ, Гагаринъ въ 1622 г. Далѣе вступаютъ въ управленіе Василій Ивановъ Жуковъ. Въ 1626 г. упоминается объ ярославцѣ Федорѣ Малыгинѣ, у котораго подъ командой находилось 24 стрѣльца. Число пѣшихъ стрѣльцовъ при этомъ-же Малыгинѣ увеличивается въ слѣдующемъ году до 43 человекъ. Въ 1630 г., при воеводѣ Федорѣ Кривцовѣ, комплектъ стрѣльцовъ пополнился назначеннымъ при нихъ сотникомъ. Въ 1635 г. Василемъ управлялъ Никита Борисовъ Колычевъ, въ распоряженіи котораго находилось пятьдесятъ пѣшихъ стрѣльцовъ съ сотникомъ во главѣ *). Когда изъ всѣхъ областей, городовъ и посадовъ назначался извѣстный процентъ изъ мѣстнаго населенія противъ мятежниковъ въ Астрахани и въ другихъ мѣстахъ, изъ Василя, въ 1635 г., послано было въ Астрахань десять человекъ, да въ Черный Яръ пять человекъ. Въ этомъ-же году въ Василя считалось собственно посадскихъ и бобылей сорокъ-девять человекъ **). Но эта цифра не обнимала всего народонаселенія Василя, ибо въ переписи эту не вошли кабальные люди, захребетники, приходцы, подсосѣдники и дѣти всѣхъ сословій. Нѣсколько-же позднѣе, по переписи, сдѣланной въ 1646 году Богдановымъ, Змѣевымъ и подъячимъ Степаномъ Ушаковымъ, жителей значится 223 человека. Въ этой переписи указаны не только званія жителей и ихъ дѣтей, но указаны даже ремесла и занятія нѣкоторыхъ изъ нихъ ***). Такъ видно, что въ Василя былъ одинъ портной, одинъ кузнецъ, два наймиста, два яры-

*) «Разрядныя книги въ I томѣ», стран. 80, 196, 406, 545, 662, 722, 922 927, 1358, въ II томѣ стран. 91, 197, 291, 357, 553, 561, 687 и 746.

**) Тамъ-же, стр. 929 и 930 во II томѣ.

***) «Въ Василя городѣ находится посадскихъ людей 53 двора, а въ нихъ посадскихъ людей и ихъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ и внуковъ 134 человека, да въ тѣхъ-же посадскихъ дворѣхъ четыре человека захребетника, 19 дворовъ приходцевъ, людей въ нихъ, ихъ дѣтей и братьевъ 34 человека, да въ тѣхъ-же дворѣхъ два человека захребетника, да 11 дворовъ бобыльныхъ людей, въ нихъ дѣтей и братьевъ 27 человекъ, да въ тѣхъ дворѣхъ одинъ человекъ подсосѣдникъ, да сверхъ сказки посадскихъ людей объявилось въ посадскихъ дворѣхъ дѣтей 10 человекъ». См. въ московскомъ архивѣ мин. юстиціи переписную книгу посадскихъ, бобылей, дворовыхъ и кабальныхъ въ г. Василя. Стр. 610.

жби, одинъ пастухъ; кромѣ того въ Василѣ было четверо нищихъ, изъ числа которыхъ трое слѣпыхъ. О стрѣльцахъ-же въ этой переписи совѣмъ не упоминается.

Не обойдемъ молчаніемъ и времени появленія Стеньки Разина, ареною дѣятельности котораго служила вся Волга, на которой стоитъ и г. Василь. Тяжелый и кровавый слѣдъ оставался на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ самъ Разинъ или гдѣ клеветы и вольница его успѣли поднять и взволновать народъ. Василию, наравнѣ съ другими поволжскими городами, пришлось недешево заплатить за участіе во всеобщемъ мятежѣ, произведенномъ Стенькой Разинымъ. Когда Разинъ былъ еще подъ Симбирскомъ, казаки его разсѣялись по нынѣшнимъ губерніямъ симбирской, казанской и нижегородской, смущая вездѣ народъ и подымая его противъ Москвы. Особенно-же взволнована была страна между Нижнимъ, Муромомъ и Арзамасомъ и по нижнему теченію Волги. Шайки Разина бродили повсюду и жгли селенія. Разбитыя въ одномъ мѣстѣ, они раздѣлялись на мелкіе отряды, расходились по сторонамъ безъ всякаго плана. Вольница эта провозглашала вездѣ вольную волю, освобожденіе отъ бояръ, разрушеніе утвердившагося мало по малу порядка; повсюду были распускаемы слухи, что Степанъ Тимофеевичъ стоитъ за царевича Алексѣя Алексѣевича, который-де не умеръ, а находится въ разинскихъ таборахъ. Въ другихъ мѣстахъ клеветы Разина указывали православнымъ, что и низложенный патріархъ Никонъ находится тамъ-же. Горожане и поселяне, много терпѣвшіе отъ воеводскаго управленія и потому затаившіе глухой протестъ въ душѣ, охотно слушали эти ласкающія слухъ „прелестныя“ рѣчи, и ради вольной воли, составляли своихъ притѣснителей воеводъ. Долго таившійся протестъ вышелъ наружу; накипѣвшая злоба противъ притѣснителей выразилась въ томъ, что они предавали мученіямъ и казнямъ своихъ начальниковъ. Въ 1670 году, когда волненіе, производимое мятежниками, обхватило все Поволжье и прилегающія къ нему мѣста, и Василь, по примѣру сосѣдняго города Козьмодемьянска (въ 40 верстахъ), взволновался. Вzbунтовавшіеся козмодемьянцы схватили своего воеводу и убили, а вмѣстѣ съ нимъ убили и

подъячаго, завѣдывавшаго судною (судебною) частью; также растворили острогъ и выпустили оттуда всѣхъ заключенныхъ. Ожидая себѣ такой-же участи, васьильскій воевода убѣждалъ изъ города, не надѣясь сладить съ мятежниками. Въ отсутствіе его взволновавшіеся жители Василя ограбили казну, сожгли всѣ грамоты и всѣ дѣла, бывшія въ производствѣ *). Однако князь Барятинскій скоро усмирилъ взбунтовавшихся козымодемьянцевъ, изъ которыхъ 60 человекъ казнилъ, а другихъ подвергнувъ, въ наказаніе за бунтъ и произведенную измѣну, различнымъ истязаніямъ. Узнавъ, что сдѣлалось съ козымодемьянцами, васьильчане испугались, сдались добровольно Барятинскому и просили себѣ пощады. Такъ окончилось въ Василь это смутное время разиновщины.

Казаки и мятежники, истребившіе всѣ дѣла, разрушили вѣроятно острогъ и деревянную крѣпость, стоявшую на горѣ. Съ этого времени о крѣпости нигдѣ не упоминается, равно не упоминается уже ни о воеводахъ, ни объ артиллеріи, которую держать было уже не къ чему, да и не для чего. Какъ ни бѣденъ былъ Василь, но присутствіе въ немъ воеводы, артиллеріи и нѣсколькихъ десятковъ стрѣльцовъ все-таки сообщало ему значеніе города; съ удаленіемъ-же всего этого, этотъ городъ, полуразрушенный и разоренный мятежниками, сталъ вполнѣ уже поселкомъ, сохраняющимъ только тѣнь города. Въ 1681 г., послѣ произведенной разинцами смуты, дворовъ въ Василь считалось сто девяносто-три **). Оправиться скоро послѣ разрушительнаго погрома и придти въ лучшее состояніе Василь не могъ. Положеніе жителей было не завидное: мѣсто было скудное, уѣзда у него не было, промысловъ и торговли ровно никакой; всякій лѣсъ, матерой по рукописи, былъ вырубленъ; луга отняты; земли, которыя лежали по Сурѣ у Василя, были причислены къ дворцовой барминской волости; окруженъ-же былъ васьильскій посадъ селеніями черемисъ, которые смотрѣли враждебно на своихъ русскихъ сосѣдей, и которые искусно воспользовались безпорядками

*) См. «Бунтъ Стеньки Разина». Костомарова.

**) «Разрядн. книги», во II томѣ, стр. 929 и 930.

во время разинскихъ смуть, отрѣзавъ старыя межи и грани и отнявъ такимъ образомъ принадлежашія городу земли. Кромѣ пашни, васильчане не имѣли ничего, но и за эту пашенную землю, которая была къ тому-же худородна, они должны были платить стрѣleckiя деньги, всякія подати, нести отъѣзжія и другія городскія повинности. Однихъ стрѣleckихъ денегъ, т. е. денегъ на жалованье стрѣльцамъ, приходилось съ Василя по новому окладу, съ 1681 г., 154 рубля, 13 алтынъ и двѣ деньги *). Между тѣмъ „въ прошлыхъ де годѣхъ“, какъ писалось изъ казанскаго дворца **), по челобитной васильчанъ, „изстари вла-

*) Тамъ-же.

**) Подлинное предписаніе сохранялось долго въ васильской городской думѣ, на что указали «Ниж. Губ. Вѣд.», напечатавшія его; затѣмъ оно появилось въ книгѣ, «Городскія поселенія», съ небольшими измѣненіями въ редакціи, которыя произошли вѣроятно отъ большаго и лучшаго разобранія самой рукописи, какъ видно цѣликомъ не сохранившейся. Мы здѣсь приведемъ это предписаніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно напечатано въ книгѣ «Городскія поселенія»: «Царская грамота 1685 г. ноября 7 василегородскому стольнику Константину Дмитріеву Кавтыреву и подъячему Алексѣю Волькову изъ приказа казанскаго дворца. Подл. скрѣпилъ дьякъ Федоръ Ефимовъ... и вы де въ Василѣ городѣ василегородскихъ посадскихъ людей писали и мѣряли, а не мѣжевали для того, что василегородцы посадскіе люди: земскій староста Федька Павловъ, сынъ Третьяковъ и всѣ рядовые посадскіе люди на тѣ земли крѣпостей никакихъ не положили, а въ сказкѣ своей сказали, что которые у нихъ крѣпости на тѣ земли были, и тѣ *крѣпости въ случное время отъ воровскихъ казаковъ похрани* и которыя де у нихъ старыя межи и грани есть, и на тѣ межи и грани старожиловъ и околныхъ ближнихъ людей, которые тѣ межи и грани знаютъ, въ сказкѣ своей сказали, нѣтъ, и свидѣтельствъ на тѣ межи и грани не положили никакого; а по письму де твоему и по мѣрѣ василегородскихъ посадскихъ людей старыхъ, пашенныхъ... и съ тѣми новоразсчитанныхъ земель, которыя въ нынѣшнихъ годѣхъ расчищены изъ бортныхъ лѣсовъ: на нагорной сторонѣ, подлѣ черемисскихъ земель, 886 четей въ полѣ, и въ дву потомужъ, сына за р. Волгою, на луговой на 694 десятины, 6940 копень, на нагорной сторонѣ р. Волги межъ и и граней никакихъ не указали, и на луговой сторонѣ р. Волги, около сѣнныхъ своихъ покосовъ, межи и грани безъ старожиловъ указали и тѣ межи и грани заросли и ты де тѣхъ граней, выколовъ, досматривалъ, и тѣ межи означилъ, а кто ихъ наѣкалъ... свидѣтельства... нѣтъ... Грамотъ и крѣпостей не положили... и розыскать про тѣ земли... тебѣ некому, потому что около Василѣгорода кругомъ черемисскія земли козьмодемьянскаго уѣзда, деревни Шиншары и съ ними *въ тѣхъ земляхъ споръ*, а русскихъ людей въ ближнихъ и въ разныхъ мѣстахъ никого нѣтъ, только къ Василѣгороду подошли земли, по рѣкѣ по Сурѣ, нашихъ великихъ государей дворцовой барминской волости, а въ деревни въ дальнихъ мѣстахъ... И въ нынѣшнемъ 7194 году, октября въ 19 день, били челомъ... василегородскіе посадскіе люди... въ прошлыхъ годѣхъ изстари владѣли дѣды и отцы ихъ василегородскою пашенною землею и на нагорной сторонѣ р. Волги, и сѣнными покосами на луговой

дѣли дѣды и отцы ихъ васьилгородскою пашенною землею и на нагорной сторонѣ р. Волги, и сѣнными покосами на луговой сторонѣ, и чернымъ дровянымъ лѣсомъ на нагорной сторонѣ и на луговой.... Но такъ какъ крѣпости на тѣхъ земли въ смутное время „отъ воровскихъ казаковъ подраны были“, то васьилчанамъ и трудно было, безъ документовъ, доказать свои прежнія владѣнія, захваченныя черемисами. Поэтому споры изъ за земель у васьилчанъ съ черемисами были частые. Обиженные васьилгородцы жаловались и били челомъ въ приказѣ казанскаго дворца, прося отвести имъ земли. По усиленной просьбѣ ихъ приказано было въ 1685 г., ноября 7, васьилгородскому стольнику Константину Дмитріеву Кавтыреву и подъячему Алексѣю Волкову отвести васьилчанамъ земли. Луговая-же дача въ 540 десятиинъ пожалована была городу въ послѣдствіе.

При раздѣленіи Россіи на 8 губерній, въ 1708 году, 18 декабря, къ казанской губерніи, въ числѣ 71 города, приписанъ былъ и Василь *). Во вновь воспослѣдовавшемъ раздѣленіи Россіи на губерніи, а губерній на провинціи, Василь показанъ въ свѣяжской провинціи, казанской губерніи, 1719 г., мая 29 **). Екатерина II, обращая вниманіе на внутреннія неудобства своего государства, находила въ немъ много безпорядковъ, происходящихъ отъ неудобства воеводскаго управленія. 7 ноября 1775 года она ввела другой порядокъ—учрежденіе намѣстничествъ. Въ Нижнемъ введено было намѣстничество въ 1779 г., и Василь назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ нижегородскаго намѣстничества, октя-

сторонѣ и чернымъ лѣсомъ и дровянымъ лѣсомъ, на нагорной и на луговой, а межи и грани той ихъ пашенной землѣ и лѣсу на нагорной сторонѣ р. Волги старья, на Семеновѣ и на Карачинскомъ врагѣхъ и на Щепанихъ полянкѣ въ прошлыхъ годѣхъ были будныя станы и всякой матерый лѣсъ вырубилъ и тѣ грани отъ тѣхъ будныхъ становъ пропали.... у нихъ (васьилчанъ) *мѣсто скудное и уѣзду ничего нѣтъ, кромѣ пашни прокормиться нечѣмъ....* и съ той де земли платятъ они стрѣлечкія деньги и всякія подати и многія отѣзжія и городовыя службы служатъ.... а *васьилгородскія писцовыя книги* въ 137 году въ московскій большой пожаръ сгорѣли.... а мѣсто ихъ скудное, а не уѣздное, *торговъ и промысловъ никакихъ нѣтъ....* а въ Василегородѣ по переписнымъ книгамъ посадскихъ людей 130 дворовъ.»

*) «Первое полн. собраніе законовъ», томъ IV, № 2218.

**) «Тамъ-же», томъ V, № 3380.

бря 5 и 6 *). Открытіе города происходило 30 декабря 1779 г., но почему-то не въ самомъ городѣ, а въ селѣ Спасскомъ, васьскаго уѣзда. Открывалъ городъ предсѣдатель уголовного суда полковникъ Бѣлокоштовъ, бывшій въ послѣдствіе витебскимъ губернаторомъ. Такъ какъ въ нижегородскомъ намѣстничествѣ было много вотчинъ и имѣній, то избраны были и предводители дворянства. Первымъ васьскимъ предводителемъ дворянства былъ избранъ капитанъ Петръ Шипиловъ. Въ скоромъ же времени послѣ того, какъ Василю данъ былъ уѣздъ, ему пожалованы были планъ и гербъ **). Гербъ Василя представляетъ щитъ, раздѣленный на двѣ половины: въ верхней половинѣ находится изображеніе нижегородскаго герба, а въ нижней, на золотомъ полѣ, основаніе корабельной кормы. Поводомъ къ изображенію корабельной кормы послужило, по всей вѣроятности, то, что въ окрестностяхъ Василя заготавливаются лучшіе корабельные лѣса. Даже въ позднѣйшее время, въ 1835 г., въ дубовой роцѣ васьской заклемено 610 деревьевъ для корабельнаго строенія. Генеральное размежеваніе городской земли, послѣ котораго выданы были жителямъ планъ и межевыя книги, было произведено въ 1784 году, въ 20 день іюня. Императоръ Павелъ перемѣнилъ названіе намѣстничествъ на губерніи. Городъ Василь остался также уѣзднымъ нижегородской губерніи и при изданіи штатовъ ея, 31 декабря и 10 марта ***). Однако, при возстановленіи заштатнаго города Макарьева, 12 мая 1804 г., у Василя отрѣзаны были нѣкоторыя изъ селеній, граничащихъ съ макарьевскимъ уѣздомъ ****). Въ одну изъ поѣздокъ въ Казань императоръ Павелъ Петровичъ пожаловалъ городу луговую дачу, находящуюся за рѣкой. Кромѣ преданія ****), документовъ или даръ:

*) Тамъ-же, т. XX.

**) Гербъ Василя утвержденъ 1781 г., 16 августа, а планъ — того-же года, марта 6 и 1804 г. 16 февраля. — Полн. собр. зак., т. XXVIII.

***) Тамъ-же, т. XXVI и XXVII.

****) Тамъ-же, т. XXVIII, № 21288.

*****) Васильскіе старожилы обрисовываютъ и то обстоятельство, при которомъ совершился этотъ даръ. Государь Павелъ Петровичъ, принимая васьскихъ депута-

ственной грамоты не сохранилось; если они и были, то вѣроятно сгорѣли во время пожара, бывшаго въ Василѣ въ 1815 году. Пожаръ этотъ истребилъ почти весь городъ; въ немъ осталось не болѣе десяти домовъ, по разсказамъ старожиловъ. Городская слобода Хмѣлевка не была въ это время захвачена пожаромъ, такъ какъ она отстоитъ отъ города въ трехъ верстахъ. Эта слобода имѣетъ свою исторію, къ изложенію которой мы и перейдемъ.

Начало Хмѣлевки, принадлежащей въ настоящее время городу, положено было пустынниками, которые начали селиться близъ Василя, въ лѣскѣ, у рѣчки Хмѣлевки. Мѣсто, гдѣ они жили и селились, назвалось троицкой пустыней, а потомъ, когда здѣсь выстроена была пустынниками церковь, эта пустынь стала именоваться троицкимъ мужскимъ монастыремъ. Начало основанія троицкаго монастыря восходитъ ко временамъ XVII столѣтія, въ концѣ котораго собственно и былъ основанъ монастырь. Еще по грамотамъ царей Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича даны были монахамъ, въ обезпеченіе монастыря, рыбныя ловли, пристань и мельница *), теперь принадлежащая городу, который отдаетъ ее съ торговь. Но число монаховъ въ этомъ монастырѣ было весьма небольшое. Въ началѣ XVIII столѣтія ихъ значилось только восемь **). Каменная церковь, существующая и доселѣ въ Хмѣлевкѣ, была построена и освящена въ 1708 году. Вотъ кругомъ этаго-то монастыря, по берегу рѣчки Хмѣлевки, и стали селиться поселенцы, которые искали себѣ или удобныхъ мѣстъ или просто убѣжища. Монастыри прежняго времени всегда представляли надежду отъ всякаго рода притѣсненій: извѣстно, что всѣ почитаемые на Руси монастыри скрывали немалое число угнетенныхъ и особенно крѣпостныхъ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ злыхъ своихъ господъ. Поселенцы, примыкавшіе къ монастырю,

товъ, вышедшихъ ему на встрѣчу, былъ-де въ веселомъ расположеніи духа и спросилъ ихъ: «Всѣмъ-ли вы, старики, довольны?» — «Всѣмъ-бы, ваше величество, да вотъ луговъ у насъ нѣтъ», отвѣтили депутаты. Государь при этомъ справился-де у своихъ приближенныхъ, нѣтъ-ли по близости казенныхъ дачъ, и когда ему указали на одну изъ нихъ, всемилостивѣе пожаловалъ ее городу.

*) Рукописи при хмѣлевской церкви.

**) Тамъ-же.

обыкновенно составляли собственность монастыря, для котораго они несли разнаго рода службы. Однако расселившіеся около троицкаго монастыря никогда, замѣтно, не принадлежали монастырю, въ сосѣдствѣ съ которымъ они жили: это видно изъ того, что нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы они назывались когда-либо монастырскими, или службами, и тому подобными названіями, указывавшими ихъ прежнюю зависимость отъ монастыря. Поселенцевъ привлекли сюда, по всей вѣроятности, удобства мѣстоположенія: полугорье, лѣсокъ, рѣчка, близость Волги, рыбныя ловли. Поселенцы эти помогали монахамъ въ рыбной ловлѣ и съ давняго времени стали заниматься огородничествомъ и садоводствомъ. Троицкій хмѣлевскій монастырь въ организованномъ видѣ просуществовалъ только пятьдесятъ-шесть лѣтъ. Въ 1764 году монастырь былъ упраздненъ, и монастырская церковь обращена была въ приходскую. Причина упраздненія монастыря неизвѣстна. Легко впрочемъ объяснить ее малочисленностью иноковъ монастыря. Макарьевскій монастырь, не далеко отстоящій отъ Василя, привлекалъ къ себѣ, какъ прославленный уже, большое число монашествующихъ, и это одна изъ нравственныхъ причинъ того, что въ троицкомъ монастырѣ не успѣлъ развиваться въ числѣ иноческой чини. Съ отнесеніемъ Василя въ число уѣздныхъ городовъ, крестьяне, жившіе въ приходѣ троицкой церкви, составили особую слободу Хмѣлевскую, стали именоваться васильскими мѣщанами и потому управляться васильскою городскою думою.

Послѣ большого пожара, значительно опустошившаго, въ 1815 году, городъ, Василь однако-же началъ понемногу обстраиваться и даже гуще заселяться, чему много способствовало, во-первыхъ, положеніе его при двухъ судоходныхъ рѣчкахъ и во-вторыхъ, садоводство, которое стало вводиться въ Василь по примѣру Хмѣлевской слободы, гдѣ съ успѣхомъ разводили были сады и огороды. Эта отрасль промышленности, особенно огородная, и до сихъ поръ хорошо развита въ Хмѣлевкѣ, хотя рожаемые здѣсь овощи и не отличаются крупнотою и тѣми качествами, которыя-бы давали возможность сораго и легкаго сбыта ихъ въ другія мѣста. Тѣмъ не менѣе, при разнообразіи ро-

ждаемыхъ здѣсь овощей, эта слобода не только удовлетворяла мѣстнымъ потребностямъ, но могла избыткомъ своимъ продовольствовать отчасти самый городъ и сосѣднія селенія. Василию-же до послѣдняго времени мало или совсѣмъ не производившему овощей, приходилось ихъ вывозить за 160 и даже 200 верстъ. Обыкновенно закупка необходимыхъ овощей (капусты, луку, картофелю и огурцовъ) производилась въ двухъ мѣстахъ—въ Нижнемъ и Казани. Успѣшно здѣсь развившееся садоводство искупало недостатокъ овощей, весьма ощутительный для города. Въ послѣднее время недостатокъ этотъ устраненъ по причинѣ развившагося на городскихъ лугахъ огородничества. Кромѣ садоводства, городу до шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія не малая выгода начала доставлять судопромышленность, въ тѣсной зависимости съ которою стояла городская торговля и различнаго рода промыслы. О развитіи этого рода промышленности рѣчь пойдетъ дальше. Благодаря-же садоводству, пристани и рыбнымъ ловлямъ, городъ началъ быстро обстраиваться и улучшаться, явилась и признана была потребность грамотности и образованія. Такъ по инициативѣ стряпчего Зарницына, собрана была съ городского общества сумма въ 3.491 рубль ассигн. Двухклассное училище было открыто 21 мая 1819 г. *). Это училище, не смотря на ранній срокъ открытія его въ одномъ изъ маленькихъ городовъ, никогда не прекращало своего существованія; съ прибавленіемъ-же къ нему, въ 1836 году, третьяго класса, оно обратилось даже въ уѣздное училище. Между тѣмъ это училище воздвигнуто было черезъ четыре года послѣ пожара, почти истребившаго весь городъ. Въ дѣлѣ образованія малонаселенный Василь не только сравнялся со многими изъ богатыхъ уѣздныхъ городовъ, но даже опередилъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ къ этому времени не было никакихъ еще школъ. Въ 1839 году городъ Василь посѣтило новое несчастье: въ немъ произошло пять пожаровъ **), которые истре-

*) Дѣла васьильскаго уѣзднаго училища.

**) Первый пожаръ былъ 4 мая, съ 11 часовъ вечера до 7 ч. утра. Убытокъ, причиненный жителямъ, по ихъ показанію, былъ 34.492 рубля. Второй пожаръ, 12 марта, продолжался десять часовъ; убытокъ—на 46.991 р. 50 к. Третій пожаръ, 18

били множество домовъ, лавокъ и складочныхъ амбаровъ, также казенныхъ зданій, въ томъ числѣ и всѣ присутственныя мѣста. Дѣла въ городской думѣ и городническомъ правленіи всѣ сгорѣли, и потому сохранились только съ тридцать-девятого года. Утрата этихъ дѣлъ, а также васьильскихъ писцовыхъ книгъ, которыя сгорѣли въ Москвѣ во время большого пожара, отняла у насъ возможность пользоваться многими богатыми матеріалами для исторіи города. Особенно писцовыя книги могли быть для исторіи Василя драгоцѣннымъ матеріаломъ. По числу сгорѣвшихъ зданій и лавокъ (въ третій пожаръ сгорѣла 61 лавка) можно заключить, что городъ до этого пожара былъ въ довольно уже цвѣтущемъ состояніи. Собственно-же обогащенію города и его улучшенію послужили, главнымъ образомъ, двѣ статьи: судопромышленность и рыболовство. Въ какихъ размѣрахъ была развита та и другая въ городѣ, мы постараемся изложить ниже, по тѣмъ офиціальнымъ даннымъ, какія имѣются въ самомъ городѣ или которыя были сообщены въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ *).

Когда пароходовъ еще не было, или когда они были еще на рѣдкость и брали клади только изъ Нижняго до Астрахани и обратно, васьильская пристань была значительно оживлена. Пензенская и симбирская губерніи издавна производятъ хлѣбную торговлю съ Рыбинскомъ, путемъ сообщенія къ которому служатъ Волга и Сура. По этимъ рѣкамъ въ прежнее время шли цѣлые караваны судовъ и росшивъ, которые у Василя нерѣдко останавливались

мая, какъ и предъидущіе, начался съ 11 ч. вечера и продолжался до полудня слѣдующаго дня. Этотъ пожаръ истребилъ много каменныхъ и частныхъ зданій, между прочимъ, два каменныхъ дома, 54 деревянныхъ, два винныхъ магазина (вина сгорѣло 12426^в ведеръ, на сумму, по заготовительной цѣнѣ, 17.397 р. 45 к. ассигн., постройка магазина стоила откупщику 9.202 р. 50 к.), шлагбаумъ, соляной магазинъ (соли на 1.300 р.) и другія зданія. Убытокъ отъ четвертаго пожара, 30 мая, простирался на 2.428 р., а убытокъ пятаго въ 200 р. Причина пожаровъ неизвѣстна. Подозрѣвались поджоги, но виновныхъ не было открыто. (Дѣла городническаго правленія, за 1839 годъ).

*) См. статьи, помѣщенные въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Ниж. Губ. Вѣдомости», «Военно-статист. обзор. ниж. губ.», стр. 105, «Статист. свѣдѣнія о Россіи», т. III, «Судоходный дорожникъ» ч. 1, «Русскій Инвалидъ» 1843 г.

или для перегрузки, или-же для другихъ потребностей. Всѣ суда и росшивы, спускаемыя по Сурѣ, а ихъ было болѣе шести-сотъ, вызываемы были необходимостью сдѣлать остановку или паузиться у Василя, такъ какъ эти самыя суда отъ устья Суры до самаго Рыбинска бурлаки тянули бечевою по Волгѣ. У васьильской пристани суда останавливались для того, чтобы поставить мачты и укрѣпить снасти, дабы была возможность къ продолженію путешествія посредствомъ бечевы. Являлась стало быть потребность, какъ въ судовыхъ припасахъ, такъ и въ кранѣ, особой машинѣ для установки мачтъ. Потребность эта вполне удовлетворялась васьильчанами: въ городѣ имѣлось много лавокъ съ судовыми припасами и содержалось частными лицами два крана. При возвращеніи изъ Рыбинска, росшивы и суда опять останавливались у Василя, чтобы разснастить мачты, которыя были уже не нужны, такъ какъ суда эти вели обратно домой посредствомъ конныхъ машинъ. Для города эти остановки судовъ были золотымъ дномъ. Эти остановки много способствовали, какъ городской торговлѣ, такъ и промышленности. Кромѣ сурскихъ судовъ у Василя останавливались и другія суда, шедшія изъ низовыхъ губерніи, также суда съ Камы. Нерѣдко на васьильской пристани производилась разгрузка судовъ, также перегрузка на новыя суда, которыя брали провозъ клади до Рыбинска. Нѣкоторыя изъ судовъ имѣли Василь конечнымъ пунктомъ своего пути, идя сюда съ цѣлью разгрузиться. Такъ въ 1843 г., по донесенію смотрителя судоходства, сплавлено по Сурѣ къ васьильской пристани для уборки 317 судовъ, кладъ въ которыхъ состояла изъ ржаного хлѣба и ярового, сала и спирта, всего на сумму 2.291.775 рублей; судорабочихъ на этихъ судахъ было 18.970 человекъ; кромѣ того совсѣмъ разгрузилось въ Василь 14 судовъ и 23 плота; грузъ судовъ состоялъ изъ крупичатой муки, соли, сосновыхъ и еловыхъ бревенъ, на сумму 24.928 р., судорабочихъ-же находилось 325 человекъ *). Въ 1845 году дѣятельность на васьильской пристани была еще оживленнѣе.

*) Дѣла городническаго правленія, 1843 г.

О движеніи судовъ и ихъ разгрузкѣ сообщалось въ мѣстныя „Губернскія Вѣдомости“ по періодамъ. Съ 15 апрѣля по 1 мая грузились суда въ Василѣ и его дистанціи, для отправленія вверхъ по Волгѣ, при чемъ нагружено: муки ржаной 13.285 кулей, на 34.596 р.; овса 27.725 кулей, на 45.204 р.; ячменя 396 кулей, на 3243 р.; пшеницы 20 кулей, на 60 р.; ржи 600 пудовъ, на 108 р., льняного сѣмени 340 пудовъ, на 1680 р.; всего-же на сумму 84.891 р. с. Въ движеніи судовъ за это время, т. е. за полмѣсяца, было 264. Хлѣбный-же караванъ, какъ сообщалось изъ Василя, вышелъ не весь еще изъ Промзина (одна изъ важнѣйшихъ пристаней по Сурѣ). Съ 1 мая по 22 мая свѣдѣній о движеніи судовъ не сообщено. Съ 22 мая по 9 іюня въ Василѣ была нагружена одна росшива и три досчаника; грузъ росшивы состоялъ изъ поташа, 1620 пуд., на 2.440 р. Рабочихъ на росшивѣ, отправившейся на нижегородскую пристань, на ярмарку, было шесть человѣкъ и шесть-же человѣкъ рабочихъ было на двухъ досчаникахъ; грузъ двухъ досчаниковъ состоялъ изъ 1200 пуд. ржи; третій досчаникъ, съ 8 рабочими, нагруженъ былъ рожью (2 тыс. пуд.) и овсомъ (шесть кулей), всего-же грузу на немъ было по тогдашней цѣнѣ на сумму 2.976 р. Кромѣ того за это время прошло, безъ выгрузки и перегрузки у васьиловской пристани, восемьдесятъ три-судна въ Рыбинскъ. Съ 9 по 23 іюня о движеніи судовъ не упоминается, съ 23-же іюня нагрузка въ самомъ городѣ продолжалась: такъ нагружена была тихвинка съ 343 кулями ржаной муки, на 686 р.; кромѣ того отправлена была изъ Василя прорѣзь, наполненная живой стерлядью *). Какъ ни отрывочны всѣ эти свѣдѣнія, но они даютъ понятіе о движеніи на васьиловской пристани. Какіе предметы привозились собственно въ Василѣ и какіе предметы онѣ отсылалъ въ другія мѣста подробно сообщается въ „Судоходномъ дорожникѣ“. Вотъ что сообщается въ этой книгѣ о торговомъ движеніи собственно Василя. Съ васьиловской пристани отправлено до сорока судовъ съ грузомъ муки, до пяти-сотъ кулей пше-

*) «Ниж. Губ. Вѣдомости», за 1845 годъ.

ницы до двухъ тысячъ кулей, овса до двухъ сотъ, рыбы до восьмисотъ пуд.; соли до пяти тысячъ, спирту до пятисотъ ведеръ, чихирю до десяти тысячъ ведеръ, дровъ до ста сажень; всего же на сумму тридцать пять тысячъ. Приходитъ же въ Василь до двадцати судовъ, съ грузами: муки крупичатой до семи тысячъ пуд.; пшеница до четырехъ сотъ пуд.; соли до 15 тысячъ пуд., рыбы до ста пудовъ, тюленьяго жиру до восьми сотъ пудовъ; колоніальныхъ товаровъ до шести сотъ пуд., металловъ до ста пуд., косяковъ до четырехъ тысячъ пудовъ, всего на сумму до 20 тысячъ р. *). Приведенныя цифры наглядно указываютъ на городскую торговлю и промышленность, вызванную остановками, нагрузками и перегрузками судовъ у васьинской пристани. Одно число судорабочихъ, простиравшееся, напр. въ 1843 г., до 19.285 человекъ, указываетъ на сильный спросъ съѣстныхъ припасовъ, даже и въ такомъ случаѣ, когда суда не имѣли-бы у Василь перегрузокъ и разгрузокъ, а имѣли-бы только одніе остановки. Участіе же васьинчанъ, въ сороковыхъ годахъ, въ торговомъ движеніи, сосредоточившемся на нѣкоторыхъ волжскихъ пристаняхъ, было на столько уже замѣтно, что васьинскому купеческому обществу предоставлено было право избирать изъ своей среды чиновъ въ судоходную нижегородскую расправу (25 февраля 1842 г.).

Бурлачество и суда значительно обогащали городъ. Болѣе шестидесяти куреней, по разсказамъ старожиловъ, находилось въ городѣ. Въ этихъ куреняхъ заготавлился хлѣбъ для судорабочихъ или бурлаковъ. Кромѣ того въ городѣ стояло пятьдесятъ два амбара, въ которыхъ складывались и хранились плавильные аппараты или судовыя припасы, какъ напримѣръ: снасти, дерева или мачты, бечевы, якоря, цѣпи и другія судовыя принадлежности. При сильномъ запросѣ на эти потребности многіе изъ жителей сами занимались столярною работою: стали строить суда, дѣлать мачты, райны и рули. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ и опубликованнымъ только въ 1865 году, такого

*) «Судоходный дорожникъ».

рода мастеровъ считалось въ Василѣ двадцать восемь человѣкъ. Нѣкоторые изъ жителей, обогатившись, завели сами рѣчныя суда, на которыхъ они перевозили клади съ хлѣбомъ и другимъ товаромъ въ Рыбинскъ; въ замѣнъ этаго, они, на обратномъ пути, привозили оттуда и изъ Нижняго желѣзные вещи, какъ напр. якоря и другія товары для городского хозяйства. За провозъ клади до Рыбинска васьичане брали пятьдесятъ-четыре коп. съ пуда, судорабочимъ-же платили за весь путь по девяти рублей *). По тѣмъ-же официальнымъ свѣдѣніямъ въ Василѣ были извѣстны тринадцать человѣкъ, имѣющихъ свои собственные суда; въ настоящее время въ Василѣ нѣтъ ни одного жителя, который имѣлъ-бы свое собственное судно или баржу. Изъ желѣза, привозимаго также изъ Нижняго, выдѣлывали васьичане принадлежности для судовъ и для рыболовства. Остановки почти въ одно время судовъ, производимая на нихъ нагрузка и перегрузка дѣлали неизбежными торжокъ, который здѣсь продолжался всю навигацію, особенно-же весной и осенью. Большой спросъ на предметы потребления былъ со стороны судорабочихъ. Кромѣ хлѣба, бурлаки нуждались и въ мясѣ. Съ этой цѣлью васьичане покупали на нижегородской ярмаркѣ скоть цѣлыми партіями или гуртами; сбывая мясо бурлакамъ, они не безъ выгоды также для себя продавали въ уѣздъ и кожи заводчикамъ и кожевникамъ; остававшійся непроданнымъ скоть они гнали зимою въ Ростовъ, гдѣ прибыльно его сбывали. Оборотъ этой послѣдней статьи простирался до 5.200 рублей. Но прежде онъ былъ, по всей вѣроятности, еще больше, хотя торговля скотомъ и не составляла спеціальности городской торговли. Торговлею лѣсомъ занималось десять человѣкъ **). Главныя-же статьи торговли были слѣдующія: судовые припасы, рыба, лѣсъ и хлѣбъ, который жители скунали въ другихъ мѣстахъ. Съ развитіемъ торговли начала развиваться и мѣстная промышленность. Появились столяры, слесари, кузнецы, разнаго рода мастера, хлѣбопеки, пивовары, крупные и мелкіе торговцы, производители торговли оптомъ и въ

*) «Памятная книжка нижегородской губ». на 1865 г.

**) Тамъ-же.

розницу. За занимаемые пивоваренными заведениями места городская дума брала незначительные сборы, тахшум 29 рублей *). Гостинный дворъ состоялъ изъ шести каменныхъ лавокъ, двадцати деревянныхъ; семнадцать лавокъ было съ хлѣбомъ; по городу разбросано было множество амбаровъ и лавокъ съ разнаго рода предметами, также столыковъ и шалашей. Надо однако сказать, что полныхъ свѣдѣній, которыя дали-бы возможность обрисовать торговое и промышленное состояніе города, особенно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, нѣтъ; въ думѣ и городническомъ правленіи свѣдѣнія эти сохранились отрывочныя и скорѣе номинальныя; такъ, напр., чисто номинально упоминается въ отчетѣ о канатномъ заводѣ, существовавшемъ замѣтно недолго. О другихъ-же предметахъ городской промышленности не сохранилось даже и указаній. Приводится довольствоваться тѣми свѣдѣніями, которыя опубликованы въ шестидесятыхъ годахъ. Но съ этихъ годовъ, такъ какъ начало сильно распространяться пароходство по Волгѣ, промышленность и торговля начали приходить въ упадокъ, а въ настоящее время и совсѣмъ затерлись. Въ самый-же 1860 годъ дѣятельность на пристани была еще въ полной силѣ; на ней по прежнему производилась нагрузка, разгрузка, и перегрузка **). О рыбной ловлѣ, одновременно развитой съ судопромышленностью, мы будемъ говорить на основаніи этихъ-же вышеуказанныхъ свѣдѣній.

Другой статьёй городской промышленности, способствовавшей обогащенію города, было рыболовство. Этимъ промысломъ занимались въ Василѣ и его слободѣ болѣе ста человекъ. Сурская стерлядь издавна славится своимъ вкусомъ. Въ прежнее время, до шестидесятыхъ годовъ, уловы ея при устьѣ Сурѣ были большіе. Кромѣ стерляди въ водахъ Сурѣ, и особенно Волгѣ, ловились хорошо осетръ, бѣлуга, сомъ, бѣлая рыба и въ незначительномъ количествѣ судаки, лещи и язи. Волга у Василя имѣетъ

*) Дѣла васьильской думы.

**) Въ 1860 г. на васьильской пристани нагрузилось на 67 судахъ 214.328 пуд., на сумму 91.942 р., разгрузилось 7 судовъ, съ 38.870 пуд., на 27.912 р., перегрузилось 18 судовъ, съ 765.893 пуд., на 161.545 р.

въ ширину съ небольшимъ четыреста сажень; средняя глубина ея въ меженное время до пяти сажень. Сура-же имѣетъ при своемъ устьѣ восемьдесятъ-пять сажень ширины и до трехъ глубины. Весной Сура разливается на четыре версты и болѣе, а Волга верстѣ на пятнадцать. Такому широкому разливу благопріятствуетъ низменность сурской долины, равно и невысокій луговой берегъ Волги; по этому послѣднему берегу, значительно все-таки высокому, сравнительно съ низменностью сурской долины, Волга приливаетъ только небольшими частями; всю-же массу водъ своихъ она разливаетъ по широкому низменному пространству, ограниченному съ одной стороны васьльской горой, съ другой—той горой, на которой стоитъ с. Фокино. Дно и берега обѣихъ рѣкъ различнаго состава: берега Волги мергелистаго свойства, а дно русла песчаное; берегъ Суры, хотя изобилуетъ также мергелемъ, но глины здѣсь значительно больше, чѣмъ на волжскомъ берегу; дно же русла Суры иловатое. Различныя свойства дна этихъ рѣкъ, равно какъ и глубина ихъ, обуславливаютъ, по всей вѣроятности, вкусъ, величину и самый видъ (цвѣтъ) рыбы и въ особенности стерляди, имѣющей отличіе въ обѣихъ рѣкахъ. Кромѣ этихъ водъ, городу принадлежатъ восемь озеръ и затонъ Воложка, находящійся нѣсколько ниже Хмѣлевки *). Въ этихъ послѣднихъ водахъ ловится мелкая рыба: окуни, ерши, щуки, налимы, язи, лещи и судаки **). Всѣ эти воды отдаются городскою управою съ торговъ. Извѣстій о томъ, на какую сумму и сколько поймано рыбы въ теченіе года нѣтъ до 1862 года. Изъ дѣлъ думы видно только, что она получила въ 1839 г. доходу съ рыбныхъ ловель 1811 рублей ассигн. Въ слѣдующіе годы доходъ этотъ сталъ уменьшаться, а потомъ возростать, такъ что черезъ десять лѣтъ дошелъ до 800 рублей с. Во время торговаго движе-

*) Озера носятъ слѣдующія названія: Луково, Долгое, Лопатино, Вильное, Большой и Малый Майдавъ, Неловчее, Зауморино.

**) Рѣчка Хмѣлевка, при которой стоитъ васьльская слобода того-же имени, беретъ начало въ казанской губ.; глубина рѣчки весьма незначительна, и вода держится только на мельничныхъ плотинахъ. Устроенныя на ней три мельницы отдавались въ оброчное содержаніе по 34 рубля въ годъ. Въ рѣчкѣ Хмѣлевкѣ ловятся одни только гольцы, пискари и головы. Черезъ Суру существуетъ при городѣ перевозъ, который отдается васьльскимъ земствомъ въ аренду.

нія у васьльской пристани рыболовство стояло на высокой степени и вызвало кузнечный и слесарный промыслы. Необходимые для рыболовства снаряды васьльскіе мастера выдѣлывали наравнѣ съ другими судовыми принадлежностями. Одинъ кузнечный промыселъ по этой части давалъ оборотъ въ девятьсотъ рублей въ годъ *). Уловы рыбы были счастливы во время полноводья. Вылавливаемую стерлядь въ большомъ количествѣ васьльскіе рыболовы коптили и вялили, и потомъ, въ этомъ видѣ и живую, они отправляли большими партіями въ Москву и на нижегородскую ярмарку. Лѣтомъ она отправлялась въ прорѣзяхъ, небольших судахъ, глубоко сидящихъ въ водѣ, а зимою она доставлялась въ банкахъ въ Нижній. О количествѣ улова стали собираться свѣдѣнія только съ 1862 года; но и эти свѣдѣнія собираемы были и сообщаемы въ „Ниж. Губ. Вѣдомостяхъ“ не систематически изъ года въ годъ, а отрывочно, пока совѣмъ не прекратились. Въ 1862 году поймано было рыбы у Василя приблизительно на сумму 4708 рублей; въ томъ числѣ одной стерляди поймано было до 480 пудовъ **). Рыболовство до послѣдняго времени составляло одинъ изъ выгодныхъ промысловъ и потому привлекало къ себѣ большое число рукъ; хмѣлевскіе мѣщане въ особенности занимались этимъ промысломъ, какъ давно уже имъ знакомымъ. Доходъ съ рыбныхъ ловель началъ каждое пятилѣтіе уменьшаться; причина тому неудачные уловы, а потомъ, съ упадкомъ городской промышленности, и дороговизна рыболовныхъ снастей и принадлежностей, которыя приводилось покупать уже не въ самомъ городѣ, какъ прежде, а привозить уже изъ другихъ мѣстъ, преимущественно-же съ нижегородской ярмарки. Съ размноженіемъ-же пароходовъ по Волгѣ рыбный промыселъ началъ приходить въ упадокъ. Пароходы отняли у васьльчанъ средства къ обогащенію и затерли начавшуюся быстро развиваться городскую промышленность. Пароходы вытѣснили совѣмъ бурлачество и прежнія суда и росшивы, остановки которыхъ да-

*) «Ниж. Губ. Вѣд.», 1863 г. См. статью А. П. Смирнова: «Промышленность и торговля ниж. губерніи».

**) Тамъ-же.

вали Василю возможность къ обогащенію. Теперь всѣ поняли, что далеко выгоднѣе провести баржу за пароходомъ, чѣмъ протаскивать судно бурлаками на значительное разстояніе, и потому стали строить вмѣсто легкихъ и приспособленныхъ судовъ и рощивъ, простыя, но грузныя и объемистыя баржи, которыя однако легко перевозятся пароходами. Остановки у васьицкой пристани сдѣлались лишними; не было надобности ни въ кранѣ, ни въ плавильныхъ аппаратахъ. Бурлаки, сплавивъ баржу къ устью Суры, уходять, получивъ расчетъ; всякую отвѣтственность за доставленіе баржи къ извѣстному сроку пароходы берутъ уже на себя. Спросъ въ большомъ количествѣ на предметы потребления, съ отсутствіемъ судорабочихъ, миновался самъ собою. Не было надобности въ пригонѣ скота цѣлыми гуртами, прекратилась торговля и лѣсомъ; хлѣбная торговля перешла въ руки жителей села Воротынца, на пристани котораго въ весеннее время нагружаются суда и идетъ оптовая торговля хлѣбомъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что пароходы не только ослабили торговлю, но убили промышленность и, главное, энергію въ васьичанахъ. Базарная площадь Василя съ цѣлымъ рядомъ лавокъ была отмыта водою Суры. Василь не вышелъ сухъ изъ воды и сталъ видимо бѣднѣть и бѣднѣть, хотя условія его географическаго положенія съ распространеніемъ пароходства нисколько не измѣнились.

Теперь мы постараемся опредѣлить настоящее состояніе города, а главное, условія, въ какихъ онъ находится. Нужно при этомъ прибавить, что эти условія таковы, что даютъ сильныя, хотя-бы и неосновательныя, поводы къ заключеніямъ о богатствѣ и цвѣтущемъ состояніи города.

Городъ Василь пользуется блестящимъ положеніемъ, стоя при впаденіи одной судоходной рѣки въ другую, въ Волгу. По Суры спускаются караваны баржей и судовъ, которыя останавливаются у Василя на болѣе долгое или короткое время, въ ожиданіи пароходовъ, увозящихъ ихъ въ Рыбинскъ, или на нижегородскую ярмарку. Въ Василь находится пристань для всѣхъ пассажирскихъ пароходовъ, идущихъ по Волгѣ и по Камѣ. Въ Василь учреждена съ 1868 года телеграфная станція; телеграф-

ная-же линия, связывающая этотъ городъ съ Казанью и Нижнимъ, существуетъ еще съ 1859 года; между прочимъ, надо замѣтить, что учрежденіе въ Василѣ станціи имѣло уже въ виду не собственно жителей Василя, которымъ, какъ не производящимъ въ послѣднее время торговли, не для чего имѣть и телеграфъ, а пріѣзжихъ въ Воротынецъ для торговыхъ оборотовъ, главное-же жителей Курмыша и Ядрина *). Черезъ Василѣ проходитъ нижегородско-сибирскій трактъ, и съ 1861 года открыта почтовая станція, для вольной почты между Казанью и Нижнимъ. Городской выгонъ въ Василѣ простирается въ одну сторону, на восьми-верстное разстояніе, а потому выгонной и усадебной земли вдоволь. Есть у города и луга, большіе и привольные, находящіеся на обоихъ берегахъ Волги, всего-же 569 десятинъ. Кромѣ луговъ, Василѣ надѣленъ и лѣсомъ: лѣсу строевого и дровяного двѣ дачи, въ 1643 десятины и 415 сажень. Къ этимъ угодьямъ нужно прибавить еще рыбныя ловли, производимыя въ водахъ Волги и небольшой части устья Суры. При довольно тепломъ и здоровомъ климатѣ васильская почва способна производить не только овощи и полевые жита, но и плоды: яблоки, садовую смородину всѣхъ сортовъ, вишни и отчасти сливы и груши. Промышленная и торговая жизнь города могла-бы быть легко связана съ таковою-же своего уѣзда, ибо въ васильскомъ уѣздѣ находятся торговыя и промышленныя села, каковы напр. Воротынецъ, Ватрасъ и особенно село Спасское, извѣстное своимъ кожевеннымъ производствомъ. Всѣ эти поименованныя условія таковы, что на взглядъ каждаго изъ географовъ даютъ Василю возможность стать богатымъ городомъ въ ряду другихъ уѣздныхъ городовъ, не имѣющихъ и на половину подобныхъ удобствъ; главное-же, условія географическаго положенія даютъ Василю полную возможность быть торговымъ и промышленнымъ городомъ. На самомъ-же дѣлѣ Василѣ не имѣетъ ни торговли, ни промышленности. При взглядѣ-же на бѣдные домики, на всю обстановку города, при взглядѣ на скудный нарядъ мѣщанъ, ничѣмъ не отли-

*) См. «Журналы ниж. статистическаго комитета», въ V томѣ «Ниж. Сборника», стр. 203.

чающійся отъ такового у сельскихъ крестьянъ, приходимъ къ заключенію о далеко не цвѣтущемъ состояніи города. Привявъ во вниманіе то, что большая часть мѣщанъ, не имѣя опредѣленныхъ занятій, пробивается поденными и какъ-бы случайными заработками, особенно зимою, убѣждаемся скорѣе въ бѣдности жителей, чѣмъ въ зажиточности ихъ.

„Обстановка города такова, говорится въ „Весѣдѣ“ (1872): не ищите здѣсь каменныхъ домовъ (ихъ всего три), великолѣпныхъ построекъ или какихъ-либо украшеній, фонтановъ или богатой набережной, фабрикъ или заводовъ, и вообще всего того, чѣмъ обыкновенно глазъ человѣка привыкъ отличать богатство города и судить, какъ объ энергіи и дѣятельности жителей, такъ и о степени развитія промышленности и торговли. Въмѣсто фонтановъ вы встрѣтите много желобовъ, по которымъ стекаетъ ключевая вода, употребляемая городскими жителями; на единственной, и то немошовой, городской площади находится рядъ небольшихъ каморокъ, именуемыхъ лавками и составляющихъ гостинный рядъ. Но подобный недостатокъ въ постройкѣ лавокъ легко-бы выкупался цѣнностью самыхъ товаровъ и торговымъ движеніемъ. Къ сожалѣнію, большая часть лавокъ не наполнена ничѣмъ, пустые же шалаши на площади ждутъ базарныхъ дней; изъ числа лавочекъ гостиннаго двора ежедневно открыто бываетъ не болѣе пяти лавокъ; обойдя весь городъ, вы еще можете натолкнуться на три-четыре лавки не всегда открытыя и только. Все это ясно скажетъ, что здѣсь нѣтъ торговли, а производимая здѣсь торговля едва удовлетворяетъ насущныя потребности только одного города, да и то неполнѣ. Поэтому нѣкоторые изъ жителей дѣлають закупки на цѣлый годъ на нижегородской ярмаркѣ; приходящіе офени торгуютъ здѣсь также съ успѣхомъ. Лавокъ съ желѣзомъ или другихъ специальныхъ лавокъ здѣсь вовсе нѣтъ; оптовой или отпускной торговли въ городѣ совсѣмъ не существуетъ. За то есть три трактира и нѣсколько питейныхъ домовъ. Гдѣ-то находятся двѣ кузницы, гдѣ-то живетъ слесарь и другіе мастера и ремесленники; въ избахъ встрѣтите много женщинъ, ткущихъ и прядущихъ, и немало такихъ, которыя занимаются самою

незавидною работою—щипаніемъ пакли изъ старыхъ канатовъ. Вотъ и все представительство промышленной жизни города въ зимнее время. Лѣтомъ представляются другія работы: по рѣкамъ, за садами и огородами и по дому. Вообще городъ смахиваетъ по своей обстановкѣ на село, и это служить поводомъ къ островамъ на счетъ Василя. Одинъ остроумный путешественникъ, въ своихъ путевыхъ запискахъ, выразился о Василѣ такъ: „Представьте одну каменную церковь и одинъ каменный домъ. Это будетъ Василь“. Другой, васьскій помѣщикъ, говоря о Василѣ, выражается такъ: „Василь только тѣмъ и хорошъ, что его всегда можно оставить“. Въ Василѣ дѣйствительно все дышетъ бѣдностью; нужда проглядываетъ всюду. Взойдемъ-ли мы въ городскую церковь (мы выключаемъ отдѣльно стоящую слободу), и здѣсь по обстановкѣ убѣдимся, что на украшеніе церкви жители мало кладутъ отъ своихъ трудовыхъ лептъ. Да и велики-ли они?“.

Выгодны-ли въ самомъ дѣлѣ условія богатаго повидимому положенія города? Если выгодны, то они должны были осязательно подѣйствовать на улучшеніе состоянія города, а иначе—есть какая-нибудь другая причина, которая затормозила дальнѣйшее улучшеніе города. Василь хотя и старинный городъ, однако долгіе годы существованія (три вѣка съ половиною) не поставили его на ту степень, съ которою мы привыкли соединять благоденствіе или цвѣтущее состояніе города. Что-же причиною видимой бѣдности этого города, стоящаго при двухъ судоходныхъ рѣкахъ и богатаго угодьями (лѣсомъ и лугами)? Многіе безапелляціонно рѣшаютъ, что причиною этому лѣньность жителей. Само собою разумѣется, что такое рѣшеніе вопроса о цѣломъ населеніи города слишкомъ смѣло и отнюдь не исчерпываетъ всего вопроса. Всякій знаетъ, что у насъ мѣщане (въ Василѣ это сословіе составляетъ положительное большинство), хотя и загнанное, забитое сословіе, но народъ нелѣнливый. Не беремся также и мы рѣшить этотъ трудный вопросъ, почему этотъ городъ, при благопріятныхъ повидимому условіяхъ для процвѣтанія и обогащенія его, сталъ въ положеніе бѣднаго городка. Предоставляя экономистамъ изречь свое слово по этому предмету, мы въ настоящее время, въ качествѣ исто-

рика Василя, разберемъ и рассмотримъ только, какую дѣйствительно выгоду изъ своего положенія извлекаетъ городъ Василь, или иначе говоря, на сколько пользуются жители тѣми условіями, въ какихъ, въ современномъ состояніи, находится городъ, и которыя бросаются постороннимъ въ глаза, какъ признаки богатства и зажиточности жителей.

Василь занимаетъ выгодное географическое положеніе, стоя при двухъ судоходныхъ рѣкахъ и находясь на серединахъ пути между двумя торговыми городами—Нижнимъ и Казанью. Такое положеніе даетъ ему возможность сообщенія съ центральными городами, облегчаетъ сбытъ произведеній мѣстныхъ и благопріятствуетъ какъ нельзя болѣе развитію торговли. Однако въ дѣйствительности Василь не извлекаетъ ровно никакой выгоды изъ своего положенія: промышленность въ полномъ застоѣ, торговля въ упадкѣ. Для торговли необходима мѣстная производительность, а ея въ самомъ городѣ нѣтъ почти вовсе; ближайшія села не имѣютъ также избытка своихъ произведеній; закупою-же произведеній въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, дѣлая Василь какъ-бы сборнымъ пунктомъ, васьилчане не занимаются или перестали заниматься: у нихъ на это нѣтъ капитала и, пожалуй, предпримчивости. Говоря о торговлѣ, мы уже имѣли случай упомянуть, что хлѣбная закупка производится весной не въ Василь, а въ уѣздѣ его, въ селѣ Воротынцѣ, жители котораго, будучи богаче и предпримчивѣе, умѣли забрать хлѣбную торговлю въ свои руки и въ настоящее время достигли уже того, что въ Воротынецѣ пріѣзжаютъ сами продавцы хлѣба и покупатели изъ разныхъ губерній. Торговля хлѣбная производится въ Воротынцѣ теперь круглый годъ, и особенно зимою и весной. Торговля эта въ немъ развилась не вдругъ, а постепенно. Для того, чтобы удержать торговлю въ своихъ рукахъ, со стороны жителей Воротынца, конкурировавшихъ съ Василемъ въ то время, когда въ немъ велась торговля, требовалось употребить большія усилія. Говорятъ, что воротынскіе покупщики еще ночью выѣзжали за Василь и ловили сосѣднихъ черемисъ и деревенскихъ жителей, скупая у нихъ хлѣбъ, который тѣ везли на васьилскій базаръ. Немудрено поэтому, что

Воротынецъ, черезъ такую энергію и предприимчивость, и главное, черезъ капиталъ, уничтожилъ васьскую торговлю своимъ рынкомъ. Въ торговомъ отношеніи Воротынецъ, въ отношеніи къ Василію, сталъ въ положеніе метрополиі къ колоніи. Стало быть, какъ ни богато повидимому положеніе Василя, но въ дѣйствительности такое положеніе не даетъ никакихъ выгодъ городу, по отсутствію въ немъ промышленности и торговли. Другое дѣло было-бы тогда, когда въ городѣ или его окрестностяхъ устроены были-бы фабрики, заводы или другія промышленныя или ремесленныя заведенія. Волга и находящаяся вблизи нижегородская ярмарка могли-бы много облегчить сбытъ заводскихъ произведеній.

Что касается каравана, который спускается весной по Сурѣ, то онъ также не оказываетъ никакого вліянія на промышленность и торговлю города. Бурлачество по Волгѣ кончилось; росшивы перестали ходить, если-же и сейчасъ въ весну спускается двѣ три росшивы, то они идутъ уже со вставленными мачтами. Стало быть нѣтъ нужды ни въ выдѣлкѣ судовыхъ принадлежностей, ни въ кранахъ, ни въ существованіи съѣстныхъ лавокъ и пекаренъ. Та промышленность, которая вызвана была запросомъ и потребностями на мѣстѣ, пала. Въ торжкѣ, который обусловливался дѣятельностью на пристани—разгрузкою, нагрузкою и перегрузкою, теперь нѣтъ надобности, потому что такой дѣятельности не бываетъ уже въ городѣ. Если спускаемая въ половодье по Сурѣ баржи и стоятъ при устьѣ ея недѣль по пяти и болѣе въ ожиданіи пароходовъ, то эти стоянки не приносятъ значительныхъ выгодъ: не только не бываетъ какой-либо перегрузки, но даже нѣтъ спроса со стороны судорабочихъ. А это бываетъ вотъ отчего: бурлаки, сплавивши баржи до устья Суры и получивъ расчетъ, немедленно-же отправляются домой или на другія работы, не желая терять времени, проживаясь понапрасну въ Василѣ, гдѣ для нихъ не представляется никакихъ заработковъ. На оставленныхъ баржахъ находятся обыкновенно двое: лоцманъ и водоливъ. Производимая-же за это время продажа водки и хлѣба не сообщаетъ городу характера и торжка, по незначительности производимой торговли.

Пароходныя пристани пяти компаній, составляющія повидимому весьма доходную статью для города, на самомъ дѣлѣ не доставляютъ ему большихъ матеріальныхъ выгодъ. На васьльской пристани не производится никакой, по примѣру другихъ волжскихъ пристаней, выгрузки или нагрузки товаровъ или вообще тяжестей и клади. Причина тому опять та-же: отсутствіе производительности въ самомъ городѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что пароходы могутъ способствовать расширенію существующей уже торговли, но сами по себѣ создавать торговли они не могутъ. Пароходы легко-пассажирскіе всѣхъ компаній пристають къ Василію, имѣя для этого здѣсь пристань—два дебаркадера, за которые городская управа получаетъ ничтожную сумму. Но единственно высадкою и принятіемъ пассажировъ и рѣдко запасомъ дровъ ограничиваются дѣйствія пароходовъ на васьльской пристани. Эти пароходы, которые считаются жителями за причину того, что въ городѣ затерта промышленность и торговля, доставляютъ однако въ лѣтнее время пропитаніе бѣднякамъ, прислуживающимъ на пристаняхъ въ качествѣ караульщиковъ или грузильщиковъ дровъ, постановку которыхъ на пароходы принимаетъ одинъ изъ числа васьльскихъ купцовъ. Вообще о пристани васьльской надо сказать, что она въ современномъ состояніи не приноситъ Василію существенныхъ матеріальныхъ выгодъ.

Если есть въ Василѣ какая-нибудь производительность, избытокъ которой шелъ-бы въ другія мѣста, то это производительность отъ садоводства. Восьмиверстный свой выгонъ жители употребляютъ съ пользою подъ сады, которые съ каждымъ годомъ увеличиваются въ количествѣ; часть-же выгона, немного болѣе 248 десятинъ, отдается думою подъ пашни хмѣлевскимъ крестьянамъ, которые снимаютъ эту пашенную землю по контрактамъ. Урожай на этой землѣ, впрочемъ, незавиденъ, по причинѣ малаго удобренія: среднимъ числомъ рожь родится самъ-другъ съ половиной, а пшеница и овесъ самъ-другъ. Садовъ въ Василѣ много при домахъ. Но о садоводствѣ нельзя еще сказать, чтобы оно, какъ введенное недавно, процвѣтало: многіе сады еще не даютъ плодовъ, другіе-же наполнены одними только присадками.

Разумѣется, со временемъ здѣсь, на горѣ, гдѣ скучена большая часть садовъ, возможно полное развитіе садоводства. Въ прежнее время сады давали сборы не только яблоковъ, но грушъ и сливъ. Съ точностью-же опредѣлить, какъ прежніе, такъ и нынѣшніе сборы яблоковъ, по недостатку данныхъ, нельзя: свѣдѣній по садоводству никто не собиралъ. Извѣстно только, что холода 1861—1862 года, доходившіе до 33⁰, были причиною того, что васьичане и хмѣлевскіе жители лишились многихъ плодовыхъ, особенно сливовыхъ и грушевыхъ, деревьевъ. Въ настоящее время оставшіяся въ цѣлости деревья производить скудные урожаи, и то только въ тѣ годы, зимы которыхъ были теплыя. Вообще, по рѣдкому числу урожаевъ и по незначительности сбора, плоды грушъ и сливъ не составляютъ предмета сбыта. Счастливіе въ этомъ отношеніи стоятъ яблоневыя деревья, которыя, періодически, черезъ годъ, производятъ сильные урожаи, дающіе населенію города значительные доходы. Яблоки здѣсь рождаются подъ условіями сильнаго ухода: жители на зиму обвязываютъ деревья тряпьемъ, соломой и лубами, а весной унавоживаютъ почву кругомъ дерева. Еще болѣе тщательнаго ухода и сбереженія требуютъ сливовыя и грушевыя деревья. Кромѣ яблоковъ, ежегодно рождается въ садахъ смородина всѣхъ трехъ родовъ: черная, красная и бѣлая; изобиліе встрѣчается въ особенности въ красной; вишни даютъ урожаи черезъ годъ; изъ нихъ преимуществуетъ черная вишня; но на разведеніе здѣсь вишенъ васьичане мало, какъ замѣтно, обращаютъ вниманія, такъ какъ, не смотря на возможность произрастительности ихъ, вишневыхъ деревьевъ встрѣчается мало въ садахъ. Фруктовые сады встрѣчаются также и въ уѣздѣ Василя; по производству большихъ сборовъ замѣчательны близко стоящіе къ городу села Фокино и Осинки и, кромѣ того, многія деревни; садами-же особенно богато с. Фокино. Всего яблоковъ въ урожайные годы въ уѣздѣ производится, говоря приблизительно, до восьмидесяти тысячъ пудовъ. Поэтому производство и сбытъ яблоковъ составляетъ промышленную статью не только одного города Василя, но и его уѣзда. Сборнымъ пунктомъ въ этомъ случаѣ служить самъ городъ Василь. Зная толкъ и цѣн-

ность въ яблокахъ, васильчане скупаютъ въ окрестныхъ мѣстахъ урожаи или сборы въ садахъ, въ то время еще, когда яблоки въ зародышѣ или даже въ цвѣту. Но такъ какъ двигатель и въ этомъ случаѣ—капиталъ, на недостатокъ котораго жалуются васильчане, то и этотъ богатый для города промыселъ не можетъ составлять такого рода дѣятельности, которая, давая обезпеченіе, упрочилась-бы у васильскихъ жителей. Собираемые въ садахъ плоды скупаются костромскими, ярославскими, вятскими и пермскими торговцами и увозятся по Волгѣ, а послѣдними двумя по Камѣ и Вяткѣ въ различные города ихъ губерній. Но такъ или иначе, а за Василемъ остается пока единственная производительность, получаемая отъ садовъ.

Хотя въ Волгѣ и нижней части устья Суры и по настоящее время производятся рыбныя ловли, но этотъ промыселъ, какъ не дающій избытка, нельзя назвать въ этомъ смыслѣ производительнымъ. Теперь занимается рыбнымъ промысломъ небольшое число рукъ; всѣ воды Василя, включая сюда и озера, отдаются теперь городекою думою за 500 р. 50 к. въ годъ. Вообще рыбный промыселъ, который въ прежнее время составлялъ одну изъ главныхъ статей городской промышленности, въ настоящее время пришолъ въ упадокъ. Причиной упадка—малый уловъ рыбы; а это происходитъ, по заявленію самихъ рыболововъ, отъ того, что ямины и глубины на Волгѣ, гдѣ по преимуществу ловилась рыба, занесло пескомъ. Размноженіе пароходовъ по Волгѣ осталось также не безъ вліянія на рыболовство. Нѣкоторые изъ жителей, по привычкѣ торговать рыбой, скупали ее въ другихъ мѣстахъ и отвозили на своихъ прорѣзяхъ въ Нижній; но они потерпѣли при этомъ страшные убытки и навсегда бросили свою торговлю рыбой, распродавши даже и свои прорѣзи. Подобное обстоятельство тѣмъ еще важно, что характеризуетъ до нѣкоторой степени торговый духъ васильчанина, который, вмѣсто того, чтобы запастись опытностью въ дѣлѣ и вооружиться терпѣніемъ, при первой-же встрѣтившейся неудачѣ покидаетъ тотъ родъ занятій, который онъ временно избралъ. Убытки-же они потерпѣли отъ того, что цѣна на рыбу въ Василѣ стояла въ тѣ годы выше то-

го, чѣмъ въ Нижнемъ, во время ярмарки. Пароходы значительно облегчили подвозъ рыбы изъ отдаленныхъ мѣстъ, болѣе богатыхъ по уловамъ. Да и вообще надо сказать, что цѣну въ Василѣ, по недостатку большого улова, нельзя никакъ считать низкою въ сравненіе съ Нижнимъ, куда привозится рыба изъ многихъ мѣстъ. Какъ видно изъ отчетовъ думы, воды до 1871 года были отдаваемы ею только за 350 рублей; повышеніе-же цѣны на 150 р. указываетъ на то, что снятіе водъ вызвало въ жителяхъ конкуренцію. Но произойдетъ-ли на мѣстѣ улучшеніе рыболовства, увеличится-ли уловъ рыбы на столько, что дастъ городу возможность развить эту знакомую уже ему вѣтвь промышленности—покажетъ одно будущее; въ современномъ-же состояніи рыбный промыселъ одинъ изъ бѣдныхъ.

Переходимъ теперь къ рассмотрѣнію васильскихъ угодій—лѣсовъ и луговъ, принадлежащихъ городу. Лѣсомъ, какъ дровянымъ, такъ и строевымъ, Василь надѣленъ достаточно; но изъ лѣсныхъ дачъ пока извлекались фиктивные, а не дѣйствительныя выгоды, и потому обѣ дачи пока никакой пользы еще не приносятъ. Одна изъ лучшихъ лѣсныхъ дачъ, дорогучинская, находится въ двадцати верстахъ отъ города, а другая, нагорная, недалеко отъ города. Въ дорогучинской дачѣ растутъ богатыя хвойныя и лиственные деревья. Но на храненіе дальней дачи замѣтно мало обращено было вниманія васильскою думою: по крайней мѣрѣ ежегодно повторялись похищенія лѣса, ежегодно производились въ Василѣ дѣла о порубкѣ общественнаго лѣса. Замѣчательно, что порубка лѣса составляла здѣсь такую уже обыкновенную вещь, что штрафныя деньги за порубку лѣса входили въ смѣту городского бюджета (см. отчетъ городской управы за 1871 г., стр. 123), до послѣдняго 1872 года. Не видя ощутительной выгоды для себя отъ этихъ дачъ, на пользованіе лѣсомъ которыхъ требовалось непременно разрѣшеніе губернскаго правленія, васильчане довольствовались только тѣмъ, что нанимали, какъ-бы ех officio, сторожей, которымъ платили ничтожную сумму. Дальше этаго заботы общества о своей номинальной собственности не простирались; да другія мѣры къ дѣйствительному хра-

ненію лѣсовъ, по отдаленности ихъ расположенія, принимать было и трудно для города. Получая плохое вознагражденіе, сторожа дурно оберегали лѣса: сосѣднія селенія пользовались этой нестрогой бдительностью и расхищали лѣсъ. Бывшій городской голова г. Логиновъ, согласно приговору общества, въ 1864 году, ходатайствовалъ о безплатномъ пользованіи для бѣдныхъ жителей хотя валежникомъ лѣса. Но губернское правленіе не утвердило приговора, а разрѣшило брать за рубку деревьевъ съ каждой сажени установленныя попенныя деньги, а за валежникъ предписало брать по сорока копеекъ за каждую кубическую сажень *). Сколько извѣстно, никто изъ жителей не захотѣлъ пользоваться этимъ разрѣшеніемъ, такъ какъ перевозка деревьевъ до города обойдется дороже стоимости лѣса на мѣстѣ, т. е. на городскомъ базарѣ. Итакъ лѣсныя дачи—статья невыгодная при прежнемъ управленіи города, которому не дано было права распоряжаться своею собственностью. Съ введеніемъ новаго положенія, городская управа, какъ болѣе независимая въ своихъ дѣйствіяхъ, сама придумаетъ средство извлечь выгоды, которыя могли-бы дѣйствительно способствовать улучшенію состоянія города. Пока-же усилія управы направлены на сохраненіе лѣсной собственности: давши позволеніе прорубить просѣки, она тѣмъ, независимо отъ выгодъ, дала возможность слѣдить за порубкой. Для фабрикъ и заводовъ, основать которые въ васьильской мѣстности было-бы желательно, эти лѣсныя дачи, купленныя у васьильскаго общества, могли-бы служить большимъ подспорьемъ дѣлу фабричной или заводской промышленности. Удобство для основанія здѣсь фабрикъ или заводовъ можетъ выигрываться еще отъ того, что въ Васильѣ есть много рабочихъ рукъ, не имѣющихъ постоянной работы, и съ другой стороны, заводское или фабричное дѣло выиграетъ отъ близости самой Волги, которая можетъ служить отличнымъ проводникомъ къ сбыту фабричныхъ произведеній.

Поемные луга—статья придаточная для города; въ частно-

*) Дѣла васьильской думы, за 1864 годъ.

сти-же луга для каждого васьильскаго жителя имѣють только от-носительную выгоду. Прежде, въ давнее уже время, луга отда-вались, по участкамъ, самимъ жителямъ, но общій дефицитъ, происшедшій отъ неаккуратнаго платежа и недоимокъ, заставилъ думу обратить луга чисто въ доходъ всего городского общества, для пополненія прихода, который, при маломъ числѣ жителей (ис-ключая крестьянъ, въ Василь и Хмѣлевкѣ считается въ насто-ящее время 740 мужчинъ и 839 женщинъ), равно при маломъ количествѣ гильдейскихъ пошлинъ и торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ, оказывался на столько малъ, что не могъ покры-вать самыхъ обыкновенныхъ расходовъ общества. Поемные луга обыкновенно отдаются думою съ торговъ, подъ аренду, не менѣе какъ на шесть лѣтъ. Снимаетъ луга обыкновенно одно лицо, ко-торое, по своему усмотрѣнiю, пользуется или само всеми лугами, или продаетъ ихъ по участкамъ. Арендаторъ до 1870 года вно-силъ ежегодно арендныхъ 1.711 р., но съ этого года арен-дная цифра значительно повысилась, въ слѣдствіе открывшагося на лугахъ огородничества. Васильскіе луга, до сихъ поръ бывшіе не болѣе какъ опредѣленною доходною статьею города, имѣють въ настоящее время особое значеніе въ промышленномъ отношеніи. На нихъ начинается развиваться огородничество. И это развитіе огородовъ на лугахъ важно тѣмъ, что оно произойдетъ не въ ущербъ самимъ сѣяннмъ покосамъ: по мнѣнію огородоводовъ, все, негодныя для покосовъ мѣста, какъ нельзя болѣе пригодны для огородничества. До 1871 года городское огородничество находи-лось въ жалкомъ состояніи. Хотя васьильчане и сажаютъ въ своихъ огородахъ горохъ, капусту и другія овощи, но въ слѣдствіе-ли возвышенности мѣста, или-же худосочности самой почвы, произве-денія рождаются тощія: капуста, напр., самаго низшаго достоинства и мало годится въ употребленіе. Только въ Хмѣлевкѣ огородныя ра-стенія выше достоинствомъ, и потому огородничество въ ней стояло, сравнительно, на лучшей ступени. Всего-же огородовъ въ городѣ, вмѣстѣ съ слободой, восемьдесятъ-пять. При всемъ томъ рожда-емя въ огородахъ овощи не могли удовлетворить даже мѣстныхъ потребностей города. Въ капустѣ, картофелѣ, лукѣ и огурцахъ

чувствовался всегда ощутительный недостатокъ. Жители принуждены были, какъ мы имѣли уже случай выше упомянуть, закупать эти овощи въ Нижнемъ и въ Казани. Само собою разумѣется, что цѣна на овощи стояла, въ слѣдствіе этаго, высокая, такъ какъ продавцамъ приводилось накладывать лишній процентъ за доставку овощей *). Теперь-же этотъ недостатокъ и происходящая отъ него дороговизна устранены. Съ распространіемъ-же огородничества на лугахъ, Василь можетъ не только снабжать овощами своихъ жителей, но даже будетъ свой избытокъ отправлять въ другіе города. Попытка развести свои овощи у жителей Василя явилась еще въ 1864 году. Купецъ Поросенковъ первый хотѣлъ спекулировать въ этомъ отношеніи. Призванные имъ съ этой цѣлью балахнинскіе огородоводы заявили, что земля на лугахъ какъ нельзя болѣе удобна для разсадки овощей, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они будутъ лучше, чѣмъ на нижегородской мѣстности, которая славится крупными породами капусты и картофеля, которыя разсаживаются на поемныхъ лугахъ. Трое изъ балахнинскихъ огородоводовъ сами брались снять и взять подъ аренду у Поросенкова тѣ изъ числа непригодныхъ для сѣнокоса мѣста, какія именно имъ отведутъ, давая за это Поросенкову на первый годъ по 7 р. за десятину. Съ этой цѣлью Поросенковъ, въ 1865 г., испрашивалъ отъ губернскаго правленія разрѣшенія на разчиску непригодныхъ для сѣнокоса мѣстъ для разсадки овощей,—на что онъ и получилъ позволеніе. Разумѣется, успѣшное начало могло принести для города одно—существенную выгоду. Но члены думы, вмѣшательствомъ и своими дѣйствіями, помѣшали развитію этаго огородничества, отодвинувъ его на цѣлые шесть лѣтъ **).

*) Такъ, напр. въ 1870 г., мѣра картофеля продавалась здѣсь по 45 коп., сотня капусты по 10 р., плетеница луку по 20 и 25 коп.

**) Вотъ какъ это дѣло было. Получивъ разрѣшеніе отъ губернскаго правленія на разчиску негодныхъ для сѣнокоса мѣстъ, подъ посадку капусты, Поросенковъ просилъ городскую думу назначить кого-либо изъ членовъ для осмотра въ арендуемыхъ имъ лугахъ негодныхъ для сѣнокоса мѣстъ и промѣрки ихъ, такъ какъ онъ обѣщалъ дать за каждую такую десятину, сверхъ арендныхъ денегъ, еще по 50 коп. Командированный думою гласный нашелъ негодною одну десятину, о чемъ и донесъ думѣ. Арендаторы, получивши позволеніе гласнаго, не теряя времени, тотчасъ-же приступили къ работѣ, начавъ рубить тальникъ, росшій въ этихъ мѣстахъ; да

Для города вообще надо пожалѣть о томъ, что начавшееся-было огородничество отодвинуто, тѣмъ болѣе, что въ эти пропавшіе даромъ шесть лѣтъ эта новая вѣтвь промышленности могла-бы сформироваться. Но такъ или иначе, разъ высказанная попытка разсадки овощей на лугахъ не осталась только попыткой, а вызвала подражаніе въ самихъ жителяхъ. Вотъ уже три года, какъ огородничество привилось и, замѣтно, успѣшно. Съ отдачей 569 дес. луговъ подъ аренду за 2.040 р., дума, кромѣ того, отдала окраины луговъ на принадлежащемъ городу островѣ васьинскіимъ мѣщанамъ, для спеціальнаго огородничества. Въ 1871 г., городскою управой отдано было, для посадки капусты, 17

иначе, при разчисткѣ, не подрѣзавъ растущій тальникъ, и нельзя было обойтись: даже самому Поросенкову ставилось контрактомъ въ обязанность разчищать луговые мѣста, не трогая только тальникъ при опушкѣ луговъ, какъ защищающій луга отъ засоренія и наноса песку. Но дума взглянула на это иначе: на другой-же день засеквестровала срубленный и переправленный черезъ Волгу валежникъ тальнику, рабочихъ-же арестовала, якобы за самовольную порубку лѣса, возбудивши объ этой самовольной порубкѣ дѣло. Началось слѣдствіе, которое производилъ магистратъ. Слѣдствіемъ найдено, какъ и слѣдовало ожидать, что порубка тальника, на сумму 3 рублей, сдѣлана не самовольно, а на законномъ основаніи, какъ расчистка луговъ, поэтому магистратъ вполне оправдалъ Поросенкова; но огорождовцы, снявшіе у него мѣста для разчистки, высидѣвши подъ арестомъ потеряли уже охоту продолжать работу и отказались отъ аренды. Мысль ихъ однако не прошла безслѣдно для города: она вызвала подражаніе въ самихъ васьинскихъ жителяхъ. Васильскій мѣщанинъ Пономаревъ просилъ у думы 4800 кв. с. на лугахъ, для разсадки капусты-же, обязываясь платить въ думу по рублю за каждую сажень. Дума позволила ему это. Тогда вступился Поросенковъ. Считая арендуемые луга своими, онъ старался доказать, что дума не имѣла уже права распоряжаться, во время аренды, лугами, отдавая часть ихъ другому лицу. Подавъ жалобу въ губернское правленіе, онъ обвинялъ думу въ томъ, зачѣмъ она не отдала ему всей земли луговъ и зачѣмъ, послѣ аренды, предоставила участокъ въ пользованіе другому лицу; кромѣ того, препятствуя арендатору производить разчистку кустарника для сѣнныхъ мѣстъ, а также и мѣстъ, годныхъ для садки капусты, относитъ это къ самовольной порубкѣ лѣса, сама дума однако позволяла постороннимъ лицамъ вырубку тальника и черемшаника, чѣмъ наносила арендатору значительный вредъ, происходящій отъ засоренія луговъ. Кляузное это дѣло тянулось долго, и только въ 1869 г. губернское правленіе постановило окончательное рѣшеніе, очистившее всякія недоразумѣнія по этому предмету. Рѣшеніемъ этимъ признано, что такъ какъ дозволеніе рубить хворостъ въ арендуемыхъ лугахъ дано Поросенкову съ согласія общества, то всѣ, причиненныя ему такими дѣйствіями членовъ думы невыгодныя послѣдствія оставить на имущественной ответственности временно бывшихъ членовъ, которымъ, кромѣ того, сдѣлать замѣчанія и то въ виду того только, что они не находятся на службѣ. (См. дѣла васьинской думы и магистрата).

десятины, по 149 р. въ годъ. Не смотря на то, что первый годъ повелъ за собой сложный трудъ—большую разчистку луговъ, у огородоводовъ, по словамъ ихъ, осталось чистой прибыли 400 р. Есть большое основаніе надѣяться, что огородничество здѣсь вполнѣ разовьется и составитъ весьма важную вѣтвь городской промышленности. При разчисткѣ луговъ и при веденіи огородничества въ болѣе широкихъ размѣрахъ потребуется немало рабочихъ рукъ, что, опять таки, составитъ немаловажную выгоду для города. На статью объ огородничествѣ мы тѣмъ съ большимъ вниманіемъ останавливаемся, что видимъ въ этой вѣтви промышленности залогъ будущаго процвѣтанія города, теперь все еще въ хозяйственномъ отношеніи небогатаго.

Въ васьскомъ уѣздѣ находится много торговыхъ и промышленныхъ селъ; между ними первое мѣсто занимаютъ села Спасское и Воротынецъ; оба села находятся не въ далекомъ разстояніи отъ города Василя, оба весьма замѣчательны въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Въ Воротынцѣ дѣлаютъ пожарныя трубы и самовары; торговля-же хлѣбомъ производится во все продолженіе зимы. Главный предметъ промышленной и торговой дѣятельности села Спасскаго составляетъ кожевенное производство; жители Спасскаго, особымъ родомъ квашенья, выдѣлываютъ кожи для сыромятныхъ издѣлій; кожи эти, кромѣ нижегородской губерніи, расходятся еще по тамбовской губерніи. Въ Спасскомъ бываетъ два раза въ году ярмарка. На ярмарку эту обыкновенно привозятся лѣсные производства: рогожи, мочало, кулье, привозимое изъ за Волги, также кожи въ сырѣ и шкуры, скупаемыя въ пограничныхъ съ нижегородскою губерніяхъ и привозимыя часто самими жителями изъ Сибири. Сбыту скупаемыхъ и выдѣлываемыхъ произведеній, кромѣ Казани и нижегородской ярмарки, куда отвозятся они, помогаетъ маровская ярмарка, находящаяся въ селѣ Чернухѣ. Эта ярмарка, бывающая съ 10 по 15 сентября, считается самой круной въ губерніи послѣ нижегородской. Главными предметами торговли на маровской ярмаркѣ служатъ: крупный рогатый скотъ, воскъ, мѣха, пухъ, перо, хмѣль, кожевенные и мѣховые товары, предметы крестьянской

обуви и одежды, панской и щенной товары, желѣзные издѣлія и проч. Вотъ сюда село Спасское, будучи центромъ промышленной жизни всего васьскаго уѣзда, привозитъ преимущественно свои произведенія, такъ что самая маровская ярмарка находится въ прямой непосредственной зависимости отъ Спасскаго. Но кромѣ этихъ селъ, въ васьскомъ уѣздѣ жители различныхъ селеній занимаются производствомъ различныхъ предметовъ и ведутъ весьма оживленную торговлю. Фабрикъ въ васьскомъ уѣздѣ нѣтъ; производство преимущественно заводское, разрабатывающее животныя продукты: выдѣлка кожъ производится на 55 заводахъ, на сумму 93.997 р., клей вырабатывается на 18 заводахъ на 3.089 р. при селеніяхъ Спасскомъ, Ватрасѣ, Антоновѣ, Турбонкѣ, Тубанаевкѣ и Быковнхъ Горахъ; на другихъ 19 заводахъ—на сумму 8.794 р.; изъ прочихъ-же заводскихъ производствъ болѣе замѣчательно воскобойное на 11 заводахъ, на сумму 16.980 р., при селеніяхъ Спасскомъ и Тубанаевкѣ. Жители уѣзда, кромѣ земледѣлія, занимаются пчеловодствомъ, рыболовствомъ, выдѣлкою глиняной посуды (с. Елховка), вырабатываютъ кирпичъ (Елховка, Спасское, Новой Усадъ, Турбонка), занимаются канатопряденьемъ (с. Фокино приготовляетъ канатовъ на 2.890 р.), выдѣлкою кошмъ на кожевенныхъ-же заводахъ, лѣсными издѣліями, гонять смолу, деготь, готовятъ уголь, поташъ (на шереметевскихъ дачахъ) занимаются дѣланіемъ телѣгъ, колесъ, осей, сбываемыхъ въ Нижнемъ, и другими производствами, которыя, при круговой, почти общей для всѣхъ селеній уѣзда торговлѣ, является весьма значительными. Кромѣ означенныхъ заводовъ, есть заводы стеклянные, овчинные, клееваренные, винокуренные, горшечные, свѣчные, поташные, солодовенные, рогожные, маслобойные и красильные *). Вообще, говоря безпристрастно о васьскомъ уѣздѣ, онъ составляетъ одну изъ весьма важныхъ ячеекъ торговой и промышленной жизни, сравнительно съ другими сосѣдними уѣздами.

Васьскъ одинъ остается пассивнымъ и безучастнымъ къ той

*) Для краткой обрисовки торговой и промышленной дѣятельности васьскаго уѣзда матеріалами намъ послужили, кромѣ указанныхъ выше, слѣдующіе: «Нижегородскій Сборникъ», т. IV и «Промышленность», т. II, кн. 6, 1861.

торговой и промышленной дѣятельности, которая происходитъ въ его уѣздѣ. Будучи административнымъ пунктомъ, онъ, не принимая самъ участія, какъ-бы озираетъ и слѣдитъ съ завистью за тѣмъ, что происходитъ въ его, полной жизни и дѣятельности, ячѣйкѣ, именуемой его уѣздомъ; въ то время, какъ жители уѣзда, выдѣлывая кожи, щеголяютъ обувью, многіе изъ васильскихъ мѣщанъ обуваютъ лапти.

Торговля и промышленныя села Спасское, Воротынецъ и другія не имѣютъ рѣшительно никакого вліянія на промышленность и торговлю города, какъ о томъ заявила и сама городская дума *). Но почему?... На этотъ вопросъ отвѣтить трудно. Почему городское населеніе оказывается бѣднѣ сельскаго, почему оно остается пассивнымъ въ то время, когда въ уѣздѣ его ключомъ бьетъ дѣятельная жизнь? Что за причина тому, что городъ, просуществовавъ цѣлыхъ три съ половиною столѣтія, не выработалъ изъ себя ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніи ничего того, чему-бы пора подвести итоги и опредѣлить результатъ всей старопрошедшей жизни? На мѣстѣ-ли, наконецъ, стоитъ городъ и существованіе Василя, какъ города, имѣетъ-ли какое-нибудь значеніе? Вотъ, по нашему мнѣнію, тѣ вопросы, которые вызываетъ настоящее состояніе города, и мы весьма-бы желали, чтобы они вызвали обсужденіе со стороны свѣдущихъ людей. Съ своей стороны, къ разрѣшенію этого вопроса, считаемъ не лишнимъ предпослать нѣсколько общихъ соображеній. Какъ извѣстно, большая часть нашихъ городовъ возникли не сами собою, а были дѣломъ административныхъ соображеній. Да и вообще надо сказать, что учрежденіе нашихъ городовъ совершенно отлично отъ учрежденій городовъ въ западной Европѣ. Тамъ образовавшееся среднее сословіе строило города съ цѣлью противиться насилію феодаловъ. Оградивъ города стѣнами и башнями, среднее сословіе сдѣлало ихъ мѣстопробываніемъ мануфактурной промышленности. Наши-же русскія поселенія огораживались для того, чтобы сколько-нибудь воспрепятствовать нечаянному нападенію непріате-

*) Рапортъ думы въ губернское правленіе.

ли, и дѣлались такимъ образомъ крѣпостями. Въ послѣдствіе-же, когда требовалось сосредоточить управленіе краемъ въ одномъ мѣстѣ, такимъ крѣпостямъ придано и значеніе города. Поэтому, если смотрѣть на города съ этой точки, то наши города суть колоніи правительства, учрежденныя съ административною цѣлью. Правительство, со времени Петра I, нѣкоторыми изъ своихъ узаконеній, хотѣло водворить въ городахъ торговлю и промышленность. Екатерина II дала городскимъ обывателямъ, купечеству съ мѣщанствомъ, особыя права; при ней каждый городъ получилъ отдѣльное устройство и управленіе. Но сами по себѣ, не имѣя въ себѣ зачатковъ для развитія городской промышленности, многіе изъ этихъ правительственныхъ колоній влачили, по большей части, свое жалкое существованіе изо дня въ день, устремляя все свое вниманіе на то только, чтобы очистить всѣ, лежащія на нихъ повинности. Мѣщане этихъ городовъ, вышедшіе по преимуществу изъ сельскаго сословія, отстали и отвыкли отъ своихъ сельскихъ занятій: вести-же тотъ образъ жизни, на который указала не природа, а который обуславливался городскимъ статутомъ, они были не въ состояніи. Вся сфера ихъ дѣятельности заключалась въ мелочной и ничтожной торговлѣ, въ прислуживаніи капиталистамъ-купцамъ, въ поденныхъ заработкахъ и чаще, гдѣ можно, въ эксплуатаціи крестьянскаго труда, посредствомъ которой они пробивали себѣ дорожку.... Но при всемъ томъ, наши мѣщане забитое и загнанное сословіе, особенно въ маленькихъ по численности, оборотамъ торговли, и въ малопромышленныхъ городахъ. Нѣкоторые органы нашей періодической печати, особенно „Голосъ“, сказали уже о нихъ свое слово. Эта газета, обращая вниманіе на наше городское управленіе и устройство, предложила даже и ту административную мѣру, приведеніе которой, однако, должно идти не по усмотрѣнію одной только администраціи, но въ совѣщательномъ порядкѣ гражданъ тѣхъ городовъ, до которыхъ эта мѣра касаться должна: она состоитъ въ обращеніи нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ въ сельское поселеніе. Предполагая свободный и безпрепятственный выходъ изъ мѣщанъ въ сельское сословіе, эта газета мотивируетъ обращеніе этихъ горо-

довъ въ села тѣмъ, что есть и сейчасъ города, въ которыхъ мѣщане, по роду своихъ промысловъ, принадлежатъ собственно къ сельскому, а не городскому населенію *). Примѣнима-ли рекомендуемая „Голосомъ“ мѣра и въ отношеніи города Василя—это вопросъ, требующій всесторонняго обсужденія, и мы, избѣгая всякихъ сужденій при описаніи города, находимъ не умѣстнымъ здѣсь высказывать свои мысли за или противъ этой мѣры, въ отношеніи Василя. Города наши могутъ развиваться сами собою и обнаруживать внутреннюю силу тогда только, когда развитію ихъ будутъ способствовать мѣстныя условія. Къ числу этихъ мѣстныхъ условій географы относятъ слѣдующія: удобство гаваней, судоходныя рѣки и особенно мѣсто сліянія ихъ. Однако послѣднее условіе не оправдывается по отношенію къ городу Василю. Есть, стало быть, другія, хотя и не главныя условія, которыя, взятая вмѣстѣ, составляютъ значительный контингентъ, служащій тормозомъ развитію городской промышленности. Болѣе категорически состояніе городовъ опредѣляется другимъ положеніемъ, что промышленное значеніе городовъ вѣрнѣе всего опредѣляется числомъ жителей; большая населенность—несомнѣнный признакъ важности ихъ. Россія, на занимаемыхъ ею огромныхъ пространствахъ вообще, не можетъ похвалиться густотою населенія, которая обуславливаетъ промышленность и торговлю вообще. Въ Василя-же число жителей никогда не достигало большой цифры, не переходило свыше двухъ тысячъ съ половиной. Прежде же и это число было ограничениѣе и меньше. Припомнимъ, что послѣ погромовъ и бѣдствій, претерпѣнныхъ городомъ, въ немъ было дворовъ всего сто-девяносто-три. Стало быть основы къ развитію промышленности были слабыя съ давняго времени. Кромѣ того Василя, при основаніи, наполненъ былъ не сельскимъ населеніемъ или ремесленнымъ классомъ, а военными людьми изъ числа той рати, которая шла, во главѣ Шуйскаго и Горбатого, на Казань. Стало быть населеніе принесло съ собой, на первыхъ порахъ, не сельскіе промыслы и соединенныя съ этими занятіями

*) «Голосъ», январь 1873.

качества, а чисто одинъ военный духъ, воинскую отвагу и мужество. Какъ скоро развилось и образовалось здѣсь хлѣбопашество, о которомъ упоминается въ грамотѣ, данной на имя стольника Кавтырева—не извѣстно. О духѣ-же и характерѣ прежнихъ горожанъ сохранились два, не лишенные основанія, слуха, перешедшія въ преданія. Первое, сохранившееся и до сего времени между окрестными уѣздными городами, передаетъ, что сурки (какъ ихъ называютъ въ другихъ уѣздахъ нижегородской губ.) были прежде, въ старое время, чистые разбойники. Второе, сохранившееся въ городѣ, то, что будто Петръ I переселилъ изъ Василя въ Азовъ семьдесятъ семействъ, и что, въ настоящее время, осталась одна только фамилія, именно Юдиныхъ, изъ числа тѣхъ, которые были водворены на житье въ Василь, при основаніи города. Къ сожалѣнію истины этихъ преданій намъ не удалось провѣрить документами.

Оптовой и отпускной торговли въ городѣ вовсе существуетъ. Торговля скотомъ, существовавшая здѣсь прежде, совершенно нарушилась съ того еще времени, какъ кончилось бурлачество по Волгѣ. Но запросъ на кожи въ сырьѣ остается и до сего времени большой. Село Спасское, для кожевенныхъ заводовъ, нуждается въ кожахъ; для маровской ярмарки, главной статьей торговли которой служить крупный скотъ, пригонка скота изъ другихъ мѣстъ также необходима. Скупкою хлѣба въ другихъ мѣстахъ занимаются только двое изъ васильскихъ купцовъ, и то только въ участіи съ другими иногородними купцами. Въ 1870 году объявившихъ по Василю купеческихъ капиталовъ было 12; изъ числа купцовъ пятеро не производятъ никакой торговли въ городѣ и проживаютъ въ уѣздѣ; трое занимаются торговлею водкой. Вообще торговые обороты въ Василь незавидны: въ 1870 г. оборотъ, по исчисленіямъ думы, простирался до двадцати тысячъ рублей. Въ видахъ поправленія торговли и состоянія жителей, учреждена съ 1866 г. ярмарка, которая бывала два раза въ году, весной и осенью *). Но и учрежденіе ярмарки не

*) Весной съ 25 апрѣля по 15 мая, а осенью съ 10 по 20 октября.

помогло городу. Не смотря на долгій срокъ ярмарочныхъ дней, васьльская ярмарка не развилась и въ большой торжокъ. Дѣйствительно, сначала стали-было прїѣзжать сюда торговцы изъ Ядрина и Лыкова, и даже разъ изъ Козьмодемьянска, но прїѣзды двухъ-трехъ человекъ не могли придать и сообщить движенія васьльской торговлѣ. Даже обыкновенный базаръ въ извѣстный день недѣли не усилился ни въ размѣрѣ предметовъ сбыта, ни въ числѣ прїѣзжающихъ людей. Какъ извѣстно, всѣ начинающіяся ярмарки развиваются въ началѣ туго, и потомъ только съ теченіемъ времени, они развертываются и приходятъ въ извѣстное состояніе. Но о здѣшней ярмаркѣ можно навѣрняка предсказать, что она никогда не достигла-бы сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ. Для развитія ея нѣтъ тѣхъ условій, которыя способствовали-бы водворенію ея на мѣстѣ. Главная причина, почему здѣсь не можетъ быть ярмарки—это недостатокъ мѣстной производительности. Всѣ ярмарки новаго времени слагаются, по преимуществу, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ до нѣкоторой степени уже развиты мѣстная добывающая промышленность, а въ особенности обрабатывающая; въ самомъ-же Василѣ нѣтъ ни того, ни другого рода промышленности. Выказывая это положеніе о новыхъ ярмаркахъ, мы не включаемъ въ число ихъ ярмарокъ стараго времени, основаніемъ къ устройству которыхъ служили иныя причины. Всѣ ярмарки стараго времени устанавливались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили сборища людей съ религіозною цѣлью. Такъ въ древности, въ Греціи, основались ярмарки при амфикціоніяхъ; такъ развилась ярмарка въ Меккѣ и въ Мединѣ, также началась и завязалась замѣчательная ярмарка въ Магарьевѣ, какъ на пунктѣ, куда стекались богомольцы изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Въ виду непроизводительности города, сосѣднія съ Василемъ селенія забрали торговлю въ свои руки. Другая причина, по нашему мнѣнію, та, что вблизи Василя существуетъ уже значительная ярмарка. Думаемъ, что ярмарка крупныхъ размѣровъ можетъ подавить всякую, находящуюся вблизи ея. Третья причина, вытекающая уже изъ первой, та, что Василь не развилъ у себя торжка, изъ котораго удобнѣе всего переходъ къ развитію

ярмарки. Торжокъ-же здѣсь не развился потому, что нѣтъ вблизи селеній: ближайшія села отстоятъ отъ города верстъ на двадцать и далѣе; за Сурой-же вблизи, въ шести верстахъ, есть ничтожная деревушка, и въ 12 верстахъ Воротынецъ, который отбилъ торговлю у самого города. Такое далекое разстояніе окрестныхъ селеній, при отсутствіи какой-либо производительности самаго города, есть важное условіе, препятствующее здѣсь процвѣтанію торговли. Къ этому надо прибавить, что въ самихъ васильскихъ жителяхъ нѣтъ предприимчивости и той дальновидной сообразительности, основанной, какъ на знаніи торговыхъ дѣлъ, такъ и на предвидѣніи могущихъ представиться при торговлѣ затрудненій и неудобствъ. Вотъ почему въ городѣ вовсе нѣтъ капиталистовъ, вотъ почему жители Василя не могли, или лучше, не сумѣли удержать за собою той, весьма значительной, торговли хлѣбомъ, которая производится теперь въ Воротынецѣ, отчасти въ Фокинѣ, и въ болѣе близкихъ къ городу селеніяхъ. Въ четвертыхъ—самое положеніе мѣста города не благопріятствуетъ развитію здѣсь ярмарки. Расположеніе города по косогору или террасѣ горы неудобно для расположенія рядовъ торговцевъ; торговая площадь весьма также мала; старую-же площадь, существовавшую прежде, совершенно смыло водой. Правда, что въ этомъ случаѣ можно было-бы размѣститься по берегу; но и тогда слѣдовало-бы расчистить берегъ и устроить набережную. Необходимость устройства набережной заявлена была мѣстнымъ начальствомъ еще въ 1839 году. Заботясь объ упроченіи здѣсь торговли, вотъ что писало, въ своемъ отчетѣ, горнодическое правленіе: „Выгодное положеніе г. Василя можетъ дать обширное поприще дѣйствію торговли, къ чему благопріятствуютъ рѣки Сура и Волга; при впаденіи первой въ послѣднюю, на правой ея сторонѣ, и расположенъ городъ. Чтобы оживить торговлю и дать способы къ обогащенію жителей есть главная необходимость—устройство набережной, которая, сверхъ могущихъ доставить способы къ распространенію торговли, будеть служить и укрѣпленіемъ города. Укрѣпить городскіе берегъ есть необходимая потребность, ибо въ весеннее и осеннее время,

при разливѣ воды, берегъ по теченію Суры, на разстояніи трехъ-сотъ сажень, обваливается съ большою потерей земли. Судя по такой значительной потерѣ можно предположить, черезъ десять или менѣе лѣтъ, можетъ угрожать опасностью не только торговымъ лавкамъ, но даже и домамъ обывателей, а въ настоящее время, при разливѣ нынѣшней весенней воды, винный казенный магазинъ и питейный домъ едва-ли можетъ избѣгнуть отъ перенесенія ихъ на другое мѣсто. По симъ изложеннымъ недостаткамъ, хотя рѣдкой по положенію, но неустроенной пристани, нѣкоторые изъ жителей промышленниковъ, по необходимости, производятъ хлѣбную закупъ не на городскихъ торгахъ, а въ с. Воротынцѣ, въ 12 верстахъ. Съ устройствомъ-же пристани можетъ увеличиться число городскихъ торговъ, и хлѣбная закупъ привлечетъ къ себѣ тѣхъ продавцовъ нагорной стороны, которые нынѣ съ своими произведеніями, не имѣя въ виду покупателей къ сбыту, провозятъ черезъ городъ въ Воротынецъ. Это самое также заставитъ обратить вниманіе и иногороднихъ промышленниковъ *)). Изъ этого заявленія видно, что городническое правленіе, въ устройствѣ пристани въ Василѣ, видѣло средство поднять и развить въ самомъ городѣ торговлю, и хлѣбную въ особенности. Но, по нашему мнѣнію, весьма еще сомнительно, чтобы съ устройствомъ набережной привилась-бы здѣсь торговля хлѣбомъ и другими произведеніями, которыя привлекли-бы сюда иногороднихъ промышленниковъ. На это нужны и другія условія. Но, съ другой стороны, нельзя вполне отрицать того, чтобы это устройство осталось безъ вліянія на отправленіе торговли въ самомъ городѣ. Вообще-же съ практической точки нельзя не одобрить официально заявленную необходимость въ устройствѣ пристани и укрѣпленіи берега. Укрѣпить берегъ было необходимо; всѣ созданныя городническимъ правленіемъ предположенія на будущіе десять лѣтъ оправдались какъ нельзя болѣе: не только магазинъ, но лавки и рядъ домовъ снесло водами Суры, ничѣмъ не ограниченной въ своихъ напорахъ въ правый берегъ. Съ устрой-

*) Дѣла городническаго правленія за 1839 годъ.

ствомъ набережной, можетъ быть, въ городѣ сохранилась-бы и другая, лучшая базарная площадь, теперь всецѣло смытая водою. Мы говоримъ „можетъ быть“, потому что не вѣримъ въполнѣ, зная упорный напоръ Суры, въ долговѣчность этаго укрѣпленія. Всякое прочное укрѣпленіе берега, по нашему мнѣнію, рискуетъ быть разрушеннымъ ударами воды, постоянно подтачивающей правый берегъ. Для упроченія мѣстности требовалось, стало быть, принять другія болѣе дѣйствительныя мѣры. Такая мѣра, по нашему мнѣнію—отводъ устья рѣки въ другое мѣсто. Такой отводъ не представляетъ большихъ затрудненій: требуется прорыть небольшой перешеекъ отъ Суры до озера Старицы; передвинутая такимъ образомъ Сура снова будетъ течь по прежнему своему руслу, и тогда для города не представилось-бы въ послѣдствіе риска жертвовать многими зданіями и площадями. Наша мысль объ этомъ переустройствѣ и прорытіи—не новая. Говорятъ, инженеръ Бетанкуръ, строитель нижегородской ярмарки, проѣзжая мимо Василя, замѣтилъ эту опасность для города, и предлагалъ говорившимъ съ нимъ васьичанамъ прорыть перешеекъ, иначе-де теченіе Суры современемъ погубитъ городъ. Васьичане-же на это отвѣтили, что если Сура будетъ течь по старому своему руслу и будетъ такимъ образомъ отстоять далеко отъ города, то они должны будутъ лишиться своей промышленности. На сколько вѣрны были предположенія перваго и ошибочно мнѣніе васьичанъ показываетъ исторія настоящаго положенія города.

Выше мы упомянули, что васьичанская ярмарка не развилась даже и въ значительный торжокъ. Для развитія ея нѣтъ здѣсь тѣхъ условій, какія могли-бы способствовать водворенію ея, помимо самаго положенія города, благопріятнаго по рѣчнымъ сообщеніямъ. Васьичанская земская управа, не замѣчая развитія учрежденной въ городѣ ярмарки, хлопотала о перенесеніи срока ярмарки на другой. Намѣреніемъ управы было слить переѣзды торгующихъ изъ одного мѣста въ другое. Такъ она желала, напр., срокъ осенней ярмарки въ Василь перенести на 29 сентября, чтобы купцы могли съ маровской ярмарки не отрываться, а заѣзжать въ Василь, и отсюда даже прямо ѣхать на покровскую

ярмарку, бывающую въ с. Покровскомъ, козьмодемьянскаго уѣзда. Но и введеніе такого срока едва-ли сколько-нибудь помогло-бы устроению ярмарки въ Василѣ.

По ходатайству общества, съ 1 октября 1871 г. открыта въ Василѣ городская управа. Эта управа уже не хлопотала объ отмѣнѣ осенней десятидневной ярмарки въ Василѣ, такъ какъ 29 августа бываетъ двухдневный торжокъ въ слободѣ Хмѣлевкѣ; весной-же въ Василѣ оставлена никольская ярмарка, которая продолжается только три дня. Дѣйствительно, какъ ни растянуть былъ прежній срокъ ярмарки весной, напр., на цѣлые двадцать дней, однако пользы отъ этаго для города было мало. Теперь-же, съ сокращеніемъ срока, можетъ больше возвыситься городской торжокъ, чему отчасти могутъ помочь весеннія стоянки баржъ. Хмѣлевскій-же торжокъ ведется уже издавна. Низкая и ровная мѣстность этой слободы, огородная и садовая производительность ея, а также и большая близость къ ней сосѣднихъ селеній служатъ условіями, способствующими самому торжку. Но ярмарка была прежде здѣсь значительнѣе. Еще въ 1801 году упоминается *), что здѣсь существовала небольшая ярмарка, на которую крестьяне, изъ лежащихъ по близости селеній, привозили хлѣбъ и вещи своего рукодѣлія. По всей вѣроятности, начало этаго торжка восходитъ ко временамъ существованія здѣсь монастыря, т. е. къ началу XVIII столѣтія.

Не смотря на тѣ данныя, которыя указываютъ на незавидныя условія существованія города, на отсутствіе въ немъ торговли и промышленности, городъ Василь долго считался официально богатымъ и торговымъ городомъ, такъ что состоялъ до 1870 года въ III разрядѣ, наравнѣ съ нѣкоторыми губернскими городами. Къ этому заключенію приводило не само дѣйствительное состояніе города, а признаки его—выгодное при двухъ судоходныхъ рѣкахъ положеніе, пристань и т. п. условія. Когда началось ходатайство города о перечисленіи его изъ III въ V разрядъ, г. министръ финансовъ, не соглашаясь на это перечисленіе, и указавъ означенныя условія, присовокупилъ, что Василь, срав-

*) «Географическій словарь российской имперіи», Шекатова, стр. 752.

нительно съ другими городами нижегородской губерніи, находящимися въ IV разрядѣ, состоитъ въ болѣе выгодномъ торговомъ положеніи, и что въ его уѣздѣ имѣются большія торговыя и промышленныя села, въ которыхъ бывають весьма значительные базары и торжки *). Васильская дума, въ рапортѣ своемъ губернскому правленію, старалась доказать, что пристани не приносятъ пользы городу, и не обширны (?), обороты торговыхъ селъ въ уѣздѣ, Воротынца и Спасскаго, не могутъ имѣть вліянія на городъ. Кромѣ того, въ заключеніе рапорта, дума прибавила, что, „перечисленіемъ Василя въ V разрядъ, казенные интересы съ купеческихъ и промысловыхъ свидѣтельствъ не пострадаютъ, а скорѣе увеличатся, ибо съ уменьшеніемъ гильдейскихъ пошлинъ, болѣе будетъ желающихъ записываться въ купечество и брать торговыя и промысловыя свидѣтельства и тѣмъ болѣе торговая промышленность, не стѣсненная неумѣренными налогами земства и города, можетъ болѣе быть въ выгодномъ, для развитія оной, отношеніи“. Согласно представленнымъ аргументамъ, ходатайство думы уважено: въ 1870 г. городъ Василь перечисленъ въ пятый разрядъ. Возвысится-ли дѣйствительно торговая промышленность, больше-ли также будетъ купечества въ городѣ—рѣшить будущее. По нашему-же мнѣнію, основанному на изученіи всей исторіи этого города, ему слѣдовало-бы съ самаго начала состоять въ пятомъ разрядѣ. Средства города крайне ограничены; весь его капиталъ, въ шестидесятыхъ годахъ **), т. е. въ то время, когда Василь имѣлъ еще способы усилить свои средства, простирался только съ небольшимъ на двѣ тысячи рублей (не прикосновенный капиталъ 269 р. 81 к., запасный 1.957 р. 19 к., итого 2.227 р.) Изъ этого капитала расходы были производимы на постройку пожарнаго сарая и флигеля для пожарныхъ; къ 1873 году запаснаго капитала осталось 1.041 р. 80 к.

1871 годъ, въ который Василь состоялъ въ V разрядѣ, представляетъ слѣдующее: близъ города устроенъ лѣсопильный заводъ, пригоняющій дубовый лѣсъ для комиссаровскаго заведенія; куп-

*) Отношеніе министра финансовъ министру внутреннихъ дѣлъ.

**) «Городскія поселенія въ российской имперіи», т. III.

цовъ второй гильди мѣстныхъ и временныхъ 27, билетовъ на торговныя заведенія взято 40. Доходъ города въ этомъ году былъ менѣе противъ прежняго 1870 г., когда Василь стоялъ еще въ третьемъ разрядѣ, на 519 р. 13³/₄ к. Недоимокъ не было. Вообще, принимая во вниманіе аккуратность взноса жителями города, и дѣлая эту аккуратность масштабомъ къ измѣренію состоянія города, Василь находится еще въ сносныхъ условіяхъ, сравнительно съ другими, славущимися за богатые, городами. Чтобы читателю было возможно судить вполне о нормѣ городскихъ доходовъ васильскаго общества, приведемъ здѣсь отчеты думы за 1871 и 1872 годы.

Доходъ васильской думы въ 1871 г.	По смѣтѣ.		Сверхъ смѣтѣ.		ВСЕГО.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Съ земель, занимаемыхъ пчельниками, огородниками 14 р. 55 к., садами 180 р. 48 ¹ / ₂ к., пашнями 199 р. 41 к., сѣнными покосами 2.132 р. 50 к., итого . . .	2526	94 ¹ / ₂	6	15 ¹ / ₂	2533	10
За мѣста, занимаемыя лавками 34 р. 25 к., виннымъ складомъ 3 р. 50 к., двумя кузницами 5 р. 8 к., кирпичнымъ сараемъ 5 р. 25 к., складкою лѣса и товаровъ 75 р. итого	123	80	—	—	123	80
Съ земли, отданной подъ садку капусты	57	10	—	—	57	10
— пароходныхъ пристаней 75 р. 60 к., съ рыбныхъ ловель 500 р. 50 к., съ городскихъ вѣсовъ и мѣръ 75 р., за клейменіе ихъ 4 р., итого	655	10	27	75	682	85
— водяныхъ мукомольныхъ мельницъ	27	—	—	—	27	—
— купеческихъ капиталовъ 82 р. 50 к., промысловыхъ свидѣтельствъ 14 р., съ мастер. и ремесл. 20 р. 2 к., итого	116	52	3	81	120	33
— торгующихъ маркитантскимъ товаромъ 22 р. 7 к., съ трактирныхъ заведеній 87 р., постоянныхъ дворовъ 3 р. 50 к., итого	112	57	30	50	143	7
За засвидѣтельствованіе контрактовъ и проч.	149	95	20	35	170	30
— паспорта мѣщанамъ	—	—	129	85	129	85
% на городской капиталъ	52	74	—	—	52	74
Суммъ, вступившихъ въ возвратъ въ городскіе доходы	52	—	—	—	52	—
Штрафныхъ за порубку лѣса и продажу его	87	25	47	96	135	21
За проданный флигель	85	—	—	—	85	—
ИТОГО	4045	25 ¹ / ₂	266	37	4311	63 ¹ / ₂
Кромѣ того поступило въ смѣту будущаго 1872 года.	857	75	—	—	857	75
ВСЕГО	4903	1 ¹ / ₂	266	37	5169	38 ¹ / ₂

Доходъ васьиьской городской управы въ 1872 г.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Съ сѣнокосныхъ луговъ	2132	50	—	—	2132	50
— земли подъ садку капусты	51	10	42	—	93	10
— пахатной земли	255	35	—	—	255	35
— пчельниковъ, огумениниковъ и педоимки	18	72	—	46	19	18
— рыбныхъ ловель	500	50	—	—	500	50
— береговыхъ мѣстъ и паромовыхъ пристаней.	150	60	—	—	150	60
— съ мѣстъ, занимаемыхъ виннымъ складомъ, кирпичнымъ сараемъ, 2 кузницами 13 р. 83 к., лавками 60 р. 93 к., итого	74	76	—	—	74	76
— пустопорожнихъ мѣстъ подъ постройку домовъ	8	40	—	—	8	40
— мельницъ, съ мастеровыхъ и ремесленниковъ	44	43	—	—	44	43
Дохода съ городскихъ лѣсовъ	200	—	93	75 ¹ / ₄	293	75 ¹ / ₂
Одѣлочнаго сбора съ обывательскихъ недвижимыхъ имуществъ	525	—	24	20	549	20
Сбора съ патентовъ и документовъ на право торговли.	212	7 ¹ / ₂	—	—	212	7 ¹ / ₂
Съ трактирныхъ заведеній, постоянныхъ дворовъ и сѣстныхъ лавочекъ	246	54	—	—	246	54
— свидѣтельствъ, актовъ, протеста векселей	149	95	48	16	198	11
— вѣсовъ и мѣръ и за клейменіе ихъ	100	50	1	25	101	75
‰ на городской капиталъ 77 р. 22 к., штрафныхъ и другихъ мелкихъ доходовъ 1 р. 95 к., итого	—	—	79	17	79	17
Получено въ возвратъ изъ тюремнаго отдѣленія, употребл. на отнукъ дровъ для пригот. нищи	200	—	—	—	200	—
За яблоки изъ городского сада	—	—	7	—	7	—
ИТОГО	4870	42 ¹ / ₂	295	99 ¹ / ₂	5166	42
Доходовъ, поступившихъ на слѣдующій 1873 годъ	—	—	710	50	710	50
Всего-же въ 1872 году	4870	42 ¹ / ₂	1006	49 ¹ / ₂	5876	92

Расходъ въ 1871 году.	Р.	К.
На содержаніе городской думы съ сиротскимъ судомъ	1091	24
— квартирную комиссію	32	55
— сторожей при городскихъ лѣсахъ 180 р., вольнонаемныхъ полицейскихъ служителей	648	—
Въ пособіе казніи на содерж. полицейскаго управленія	150	—
На содержаніе пожарной части 280 р. 80 к., и ремонтъ пожарныхъ инструментовъ	441	86
За квартиру уѣздному исправнику	100	—
На жалованье сторожамъ и ключникамъ тюремн. замка	504	—
— отопленіе думы и сиротскаго суда	57	60
— полиц. будки и пожарн. сарая въ слободѣ Хмѣлевкѣ	39	28
— отопл. и освѣщеніе пожарн. сараевъ въ Василѣ	62	91
— страхованіе городскихъ зданій	40	72
— ремонтъ обществ. дома 67 р. 4 к., будки и пожарн. сарая	149	4
— кухни мѣсти. команды	10	30

— ремонтъ мостовой	36	25
— содержаніе приходскаго училища	306	—
— отопленіе и освѣщ. оберъ-офиц. квартиръ, также канцеляріи и сборни, освѣщ. кухни уѣздн. команды; очистку трубъ и проч.	89	29
— на выписку газетъ 33 р. 78 к., и экстраординарныя надобности	63	37
Губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ повинностей съ городскихъ земель и оброчныхъ статей	386	78
Итого по смѣтѣ и дополнительнымъ назначеніямъ . .	4199	19
Расходовъ сверхъ смѣты, переходящихъ и заимообразныхъ . .	412	17½
Всего-же въ 1871 г. произведено расходовъ . .	4611	36½

Изъ этой таблицы видно, какъ незначительно вообще количество поступленій денегъ въ доходъ города. Изъ числа доходныхъ статей въ 1871 году есть много непостоянныхъ, экстраординарныхъ и совсѣмъ случайныхъ статей въ бюджетъ города, а эти статьи составляютъ, въ общей сложности, немаловажную цифру 272 р. 21 к. Таковы, напр., статьи дохода: штрафныя деньги за лѣсъ, вырученныя за проданный флигель.... Эта бѣдность поступленій доходовъ заставляетъ нерѣдко думу прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ продажа флигеля, также продажа, въ 1870 г., земли за Хмѣлевкою, длиною въ 45, а шириною въ 35 сажень. По бѣдности поступленія городскихъ доходовъ и по малоцѣнности недвижимыхъ имуществъ, городскому обществу приводится урѣзывать отъ своей собственности. И это дѣлается только для того, чтобы покрыть неизбѣжныя по управленію и устройству города расходы, которые, къ чести думы надо приписать, дѣлаются экономическимъ образомъ. Отъ расхода-же на содержаніе городской полиціи Василь, наравнѣ съ другими уѣздными городами нижегородской губерніи, изъять, по недостаточности городскихъ доходовъ, еще съ давняго времени, именно указомъ отъ 29 мая 1836 года.

Переходя къ области просвѣщенія, мы должны сказать, что въ Василь рано сознана потребность учиться. Уѣздное училище, богатое заслугами по части просвѣщенія города, такъ какъ большинство жителей, занимающихъ должностныя посты въ городѣ, училось въ немъ, можетъ въ 1879 году отпраздновать юбилей своего пятидеся-

тильшняго существованія. Это уѣздное училище образовано здѣсь по уставу 1828 года; на содержаніе его отпускается изъ казначейства 1.542 р. 85¹/₂ к. Не касаясь педагогической стороны этого училища, мы коротенько прослѣдимъ, въ какомъ порядкѣ оно формировалось. При началѣ своего существованія, вызваннаго инициативой самого-же васильскаго общества, училище называлось народнымъ, и имѣло два класса. Количество учащихся, какъ и слѣдовало ожидать, слишкомъ было бѣдно на первое время: въ теченіе всего года въ немъ училось не больше 19 учениковъ, изъ числа которыхъ училось во второмъ классѣ не болѣе трехъ-четырехъ человекъ; съ такой-же тугостью оно подвигалось и впередъ. Не смотря однако на подобное положеніе, которое указывало прямо на возможность сокращенія курса, одолѣвать который не вѣ могли, открытъ былъ здѣсь, въ 1836 году, третій классъ. Это открытіе третьяго класса, которымъ, уже официальнымъ образомъ, формировалось уѣздное училище, дающее извѣстныя права дѣтямъ чиновниковъ, совершилось, разумѣется, для чиновничьей прерогативы. Просматривая цифры за все существованіе здѣсь уѣзднаго училища, можно видѣть, на сколько былъ малъ процентъ учащихся въ III классѣ: среднимъ числомъ въ немъ училось семь человекъ. Да и изъ этого малаго числа учащихся собственно въ третьемъ классѣ многіе, какъ видно изъ классныхъ списковъ, не посѣщали училище въ годовую учебную пору занятій: многіе появлялись въ немъ только періодически. Изъ этого ясно было видно, что третій классъ, поддерживаемый малымъ числомъ чиновничьихъ дѣтей, оказывался совсѣмъ лишнимъ. Если нѣкоторые мѣщане-отцы (не говоримъ ученики) рѣшались давать дозволеніе дѣтямъ дотягивать годъ, то это они дѣлали единственно для полученія аттестата, имѣющаго для нихъ значеніе какой-то красивой грамотки, хотя, въ доброе старое время, имѣющіе аттестатъ уѣзднаго училища и избавлялись отъ тѣлеснаго наказанія. Здѣсь не мѣсто предрѣшать вопросъ о томъ, имѣло-ли какое-нибудь образовательное вліяніе на мѣщанскаго сына ученіе, урывками, въ третьемъ классѣ. Вообще надо сказать, что третій классъ уѣзднаго училища имѣлъ въ большей части уѣздныхъ училищъ од-

но служебное значеніе. Право-же не только сокращать количество классовъ уѣзднаго училища, но и совсѣмъ закрывать училища, съ давняго уже времени, предоставлено окружному учебному начальству. Между прочимъ замѣтимъ, что Василию, когда введется уставъ городскихъ училищъ, достаточно будетъ имѣть двухклассное городское училище, которое вполне, сообразно съ количествомъ учащихся, можетъ замѣнить оба училища—уѣздное и приходское. Цифра учащихся значительно стала повышаться съ приближеніемъ къ сороковымъ годамъ; однако все-таки въ уѣздное училище поступали ученики совсѣмъ не подготовленные, т. е. не умѣющіе ни читать, ни писать. Поэтому, 7 февраля 1840 года, открытъ былъ при уѣздномъ училищѣ приготовительный классъ, который, черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того, преобразованъ былъ въ отдѣльное приходское училище. По отношенію къ населенію города, процентъ учащихся въ обоихъ училищахъ былъ не великъ *).

Говоря о населеніи, нужно замѣтить, что только съ шестидесятыхъ годовъ были даваемы приблизительно вѣрные свѣдѣнія по этому предмету, а до этого времени они доставлялись въ чрезвычайно искаженномъ видѣ **).

При невѣрности цифръ населенія, нельзя опредѣлить средній процентъ учащихся, по отношенію къ населенію. Къ этому надо добавить еще то, что какъ крестьяне, живущіе въ городѣ, такъ и хмѣлевскіе мѣщане не отдають своихъ дѣтей въ васьильскія училища. Вообще надо сказать, мѣщане городской слободы Хмѣлевки, ни по роду своихъ занятій и промысловъ, ни по степени развитія, не могутъ принадлежать къ городскому населенію. Оставаясь чуждыми ко всѣмъ интересамъ

*) Отчеты уѣзднаго и приходскаго училищъ.

**) Для примѣра сравнимъ официально показанныя числа (см. въ «Ниж. Губ. Вѣдом.») жителей, въ 1825 и 1841 гг. Въ 1825 г. въ Василѣ значится: муж. пола 951 ч., а женскаго 777; въ 1841 г., на оборотъ, мужчинъ меньше, а женщинъ больше, именно: мужскаго пола 896, а женскаго 915. Неужели, въ теченіе шестнадцати лѣтъ, могла случиться такая перемѣна относительно женщинъ, что число ихъ возросло на 138, а число мужчинъ уменьшилось на 55 ч.? Кроме того, сравнивая цифру населенія 1841 г. съ цифрою населенія 1841 г., можно видѣть, что количество населенія увеличилось на 638 ч., т. е. въ тридцать лѣтъ, оно поднялось и возросло болѣе чѣмъ на третью прежней своей нормы; очевидно цифры количества жителей показаны были прежде невѣрно и значительно меньше.

городского общества, они называются мѣщанами чисто-номинально, въ дѣйствительности-же они и составляютъ всей своей слободой чисто-сельское населеніе, для котораго потребно-бы имѣть и свою сельскую школу. Учащихся въ обоихъ училищахъ, среднимъ числомъ, по пятилѣтней сложности, включая сюда и дѣвочекъ, учащихся въ приходскомъ училищѣ, было сто-двадцать-пять. Такимъ образомъ въ Василѣ приходится одинъ учащійся на девятнадцать человѣкъ. Если-же отсюда исключить населеніе слободы Хмѣлевки, стоящей отдѣльно отъ города, то процентъ учащихся еще болѣе увеличится, и стало быть одинъ учащійся придется еще на значительно меньшее число жителей. А такого рода цифры много говорятъ за развитіе просвѣщенія въ городѣ, для котораго ученіе въ школахъ дѣлается необходимой потребностью.

Упадокъ городской промышленности, начавшійся съ прекращеніемъ судопромышленности, способствовалъ большому распространенію грамотности въ городѣ. Потребность учиться какъ-бы сильнѣе сознана въ городѣ, потерявшемъ свое прежнее значеніе. Число учащихся въ обоихъ училищахъ стало постепенно возрастать и увеличиваться; на цифрѣ 80 оно долго держалось, а къ 1862 году оно поднялось даже до 160; на этой цифрѣ, съ значительными, впрочемъ, колебаніями къ сокращенію, оно держалось тоже долго. Средняя цифра учащихся за послѣднее пятилѣтіе указана выше. Потерявъ упрочившуюся-было здѣсь промышленность, дававшую обезпеченіе населенію города, васильчане хотѣли доставить дѣтямъ кусокъ хлѣба черезъ образованіе ихъ въ уѣздномъ училищѣ. По окончаніи здѣсь курса, а иногда и ранѣе окончанія, мѣщанскія дѣти опредѣлялись въ писцы, въ волостные писаря и письмоводители. Канцелярской профессіи, не сродной для мѣщанъ, многія изъ нихъ посвящали всю свою жизнь, не выслуживая, разумѣется, никакихъ правъ, пособій или чиновъ. Даже и теперь, съ открытіемъ вакансій вольнонаемныхъ писцовъ, окончившіе курсъ въ уѣздномъ училищѣ стараются замѣщать эти вакансіи. А отчего они пускаются въ это занятіе, въ ущербъ другимъ торговымъ или промышленнымъ занятіямъ? Отъ того, что

не имѣють средствъ начать какую-нибудь промышленность или торговлю; ремесламъ они не учились, прикащикьихъ должностей нѣтъ въ городѣ, а найти ихъ въ другихъ городахъ не удается; поденной-же работой или батрачествомъ грамотнику уѣзднаго училища заниматься не хочется. Любя-же опредѣленность и постоянство въ занятіяхъ, они и избирають, выучившись порядочно писать, занятія письмоводствомъ, и, разъ привыкнувши къ нимъ, неохотно отстають отъ нихъ. Отсутствие промысловъ въ городѣ дѣлаеть необходимымъ обученіе ремесламъ. Выучившись ремесламъ, мѣщане могли-бы искать заработковъ въ другихъ мѣстахъ. Даже на первыхъ порахъ, пока, до введенія городскихъ училищъ, полезно было-бы введеніе ремеслъ при самомъ уѣздномъ училищѣ. Это поднимаетъ значеніе уѣзднаго училища съ практической стороны. Объ учрежденіи-же здѣсь спеціально ремесленнаго училища, весьма-бы здѣсь необходимаго, при незначительности городскихъ средствъ нельзя и думать.

Вровень съ мужскимъ образованіемъ въ Василѣ можетъ идти и женское образованіе. Потребность въ обученіи дѣвочекъ явилась здѣсь, какъ и вездѣ, значительно позже. Но собственно грамотность между ними начала развиваться еще съ начала сороковыхъ годовъ. Сначала отдавали дѣвочекъ для обученія грамотѣ лицамъ духовнаго званія; послѣ того и сами грамотныя женщины стали брать дѣвочекъ „на выучку“; затѣмъ стали отдавать дѣвочекъ въ приходское училище, гдѣ они, вмѣстѣ съ мальчиками, и изучали русскую грамоту. Надо сказать, что подобное желаніе создалось въ средѣ васильскаго общества само собой: никакихъ побужденій или убѣжденій, какъ со стороны лицъ педагогическаго міра, такъ и со стороны болѣе вліятельныхъ лицъ общества не было. Тѣмъ важнѣе поэтому подобное явленіе, что оно произошло естественнымъ, а не искусственнымъ путемъ, что даетъ поводъ думать, что женское образованіе здѣсь можетъ упрочиться. Правда, число учащихся дѣвочекъ не велико: беря сумму учащихся за прошедшіе десять лѣтъ, среднее число ихъ будетъ двѣнадцать ученицъ. Но надо и то сказать, что условія обученія ихъ невыгодны: они помѣщаются въ одной комнатѣ съ

учениками приходскаго училища; учить ихъ учитель, для котораго собственно обязательно обученіе мальчиковъ; легко можетъ случиться, что какъ не получающій особаго вознагражденія, онъ можетъ обращать мало вниманія на своихъ ученицъ. Разумѣется, все зависитъ отъ личности учителя; полагаться-же на безкорыстіе учителя, получающаго и безъ того ограниченный окладъ жалованья (150 р.), по нашему мнѣнію не слѣдуетъ. Но фактъ остается тотъ, что число ученицъ, не только туго увеличивается, а въ послѣдніе годы даже начало видимо уменьшаться. Устройство-же здѣсь отдѣльнаго женскаго училища, могло-бы сразу повліять на увеличеніе числа учащихся. Къ такому предположенію приводитъ то, что сознаніе потребности въ обученіи дочерей живетъ уже въ родителяхъ, и что зачатки общественнаго обученія дѣвочекъ проявились уже. Во всякомъ случаѣ, устроить женскую школу едва-ли можно скудными городскими средствами; необходимы для этой цѣли частныя пожертвованія, или ассигнованія со стороны васьскаго уѣзднаго земства, на обязанности котораго лежитъ и распространеніе проsvѣщенія *).

Остается, въ заключеніе, сказать нѣсколько словъ о бытовой жизни города. Бытъ васьсчанъ немногимъ, разумѣется, отличается отъ быта жителей другихъ маленькихъ уѣздныхъ городовъ. О религіозномъ состояніи васьсчанъ можно сказать тоже, что сказано было о нихъ еще въ 1850 году **): „Жители Вассы привержены къ церкви и исполняютъ неуклонно христіанскія обязанности. Лѣтомъ они ходятъ на поклоненіе святымъ въ

*) Впрочемъ на содѣйствіе васьскаго земства надѣяться нечего. Васильское земство отличается вообще скупостью на образованіе. Изъ числа всѣхъ уѣздовъ нижегородской губерніи васьскій расходуетъ всего менѣе на образованіе. Виногато-же въ этомъ скорѣе дворянство васьскаго уѣзда, которое въ этомъ отношеніи служитъ противовѣсомъ желаніямъ народнымъ. Такъ, напр., когда въ васьскомъ земскомъ собраніи гласные отъ крестьянъ требовали усиленія земскихъ расходовъ на начальное народное образованіе, гласные отъ дворянъ утверждали, что крестьянамъ школы не нужны, и что расходъ на школы есть расходъ сословный, крестьянскій; большинствомъ 12 дворянскихъ голосовъ противъ 6 крестьянскихъ, собраніе постановило: не опредѣлять никакой суммы на устройство и содержаніе школъ, предоставивъ это дѣлать самимъ сельскимъ обществамъ. (См. брошюру г. Гацискаго: «Школьное дѣло въ нижегородскомъ Поволжьи», стр. 32).

**) «Ниж. Губ. Вѣдомости», 1850.

пять мѣстъ. Жители Хмѣлевки сравнительно благочестивѣе съ васьльскими жителями“. Вотъ та краткая аттестація, которая да-на 25 лѣтъ назадъ васьльскимъ жителямъ. Порushать или измѣнять ее мы не намѣрены, хотя приверженности къ церкви и неуклонному исполненію христіанскихъ обязанностей нѣсколько противорѣчить весьма сильное раздѣленіе жителей по религіознымъ убѣжденіямъ. Между жителями Василя много есть и старообрядцевъ, принадлежащихъ къ различнымъ толкамъ, которымъ даже трудно подвести итоги. Между старообрядцами встрѣчаются такіе, которые хотя ходятъ въ православную церковь, но придерживаются многихъ и своихъ обрядовъ; есть и такіе, которые, не посѣщая православной церкви, ходятъ однако въ иновѣрческую; другіе-же сектанты не признаютъ ни священниковъ, ни той и другой церкви; короче говоря, васьльскіе старообрядцы принадлежатъ къ поповщинской и безпоповщинской сектамъ. Но съ другой стороны, понимая приверженность къ церкви и неуклонность къ христіанскимъ обязанностямъ въ обширномъ смыслѣ, мы вполне подтверждаемъ фактъ этаго неуклоннаго исполненія. Можно замѣтить, что между жителями нѣтъ этихъ кастовыхъ предразсудковъ, рѣзко отдѣляющихъ своихъ, по толку, отъ чужихъ: православный-ли, старо-вѣр-ли одинаково оказываютъ помощь и пріютъ бѣдняку, обратившемуся къ нему за помощью. Пилигримство между васьльскими жителями, которое прежде было развито, давно уже ославлено.

О занятіяхъ лѣтнихъ и зимнихъ мы уже упоминали выше. Въ лѣтности жителей заподозрѣть мы не рѣшаемся, какъ, поверхностно судя, многіе вообще думаютъ. Не смотря на неопредѣленность въ работахъ, жители, по нашимъ наблюденіямъ, довольно усердны и не разборчивы и изысканны въ предметахъ ихъ работъ. Васьльскій мѣщанинъ занимается садоводствомъ, торгов-лишкою, идетъ въ услуженіе въ другія мѣста, лѣтомъ нанимается въ лощмана и матросы на пароходы, прислуживаетъ на пристаняхъ; охотно идетъ на поденные заработки возить дрова, распиливать тесъ и исполняетъ другія мелкія работы, для которыхъ ходитъ онъ за городъ, верстъ за двѣнадцать и болѣе. Число за-

работковъ и ихъ цѣна въ послѣднее время немного возвысилась, по случаю устроенныхъ невадалекъ отъ города двухъ лѣсопильных заводовъ и отъ начавшагося развиваться здѣсь огородничества. Поденный заработокъ зимой обыкновенно стоитъ 30 коп., а въ весеннее и лѣтнее время доходить до 60 к. По отношенію-же къ базарной цѣнѣ на жизненные продукты такой заработокъ нельзя считать великимъ. Для васильскихъ домохозяевъ представляются весной работы около своихъ домовъ. При описаніи города мы уже упоминали о томъ, что нѣкоторые дома, въ слѣдствіе подрыва ключей и отека земли, стоятъ въ наклонномъ положеніи. Такъ какъ земля ссѣдается каждую весну, образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трещины, то такое ссѣданіе остается не безъ вліянія на самые дома, стоящіе по косогору горы—крыльца обваливаются, полы дѣлаются покаты и неровны, службы на дворахъ тоже терпятъ перемѣны. Все это со стороны домохозяевъ требуетъ исправленія и поправокъ.

Женщина-мѣщанка (мы говоримъ о мѣщанкахъ потому, что они составляютъ господствующій классъ города, по числу всего населенія) раздѣляетъ вполне все условія жизни мужчины. Пронее можно сказать, что она болѣе трудолюбива, чѣмъ мужчина. Въ хозяйствѣ, въ садоводствѣ, въ огородничествѣ она принимаетъ дѣйтельное, и едва-ли не главное, участіе. Главное занятіе женщинъ въ Василѣ пряжа льна и тканье холста, который, въ частыхъ случаяхъ, отличается тонкостью работы. Но не отказываются болѣе бѣдныя изъ нихъ и отъ другихъ мелкихъ работъ—послугъ въ другихъ домахъ, носки дровъ на пароходы; за неимѣніемъ-же другихъ работъ они, съ давняго уже времени, занимаются щипаніемъ пакли изъ ветхихъ канатовъ. Многія изъ нихъ участвуютъ также въ торговлѣ, дѣлаясь, такимъ образомъ, сподручницами своимъ мужьямъ и родителямъ. Замѣтно также, что и семейная жизнь поставлена здѣсь въ довольно удовлетворительныя условія женщины, промышленныя сами, стоятъ въ менѣе зависимомъ положеніи отъ мужчины, и потому *de facto* пользуются полноправіемъ среди семейства. Не смотря на мало обезпечивающую жизнь (заработковъ для женщинъ представляется мало), женщины здѣсь, по

нашему миѣнію, облагорожены болѣе, сравнительно съ женщинами сосѣднихъ уѣздныхъ городовъ: въ обращеніи всегда вѣжливы; вырабатывая сами для своего платья, любятъ одѣться опрятно и чистенько. Желаніе учиться грамотѣ, какъ мы упоминали выше, сознано ими. Рѣчь, какъ и самая модуляція голоса васильчанъ, довольно мягка и пріятна; она составляетъ какъ-бы середину между нижегородскимъ и казанскимъ выговоромъ, изъ которыхъ послѣдній отличается нѣсколько рѣзкимъ произношеніемъ, *свысока*. Можетъ быть на мягкость и облагороженіе васильскихъ жительницъ вліяетъ отчасти съ одной стороны и самая трудовая жизнь, которую они ведутъ, съ другой—горная красивая мѣстность города, въ которомъ они живутъ.

Что касается одежды, пищи, времяпрепровожденія, праздниковъ, также обычаевъ, примѣтъ, обращающихся здѣсь пословицъ, сказокъ, легендъ, суевѣрій и вообще всего того, чѣмъ опредѣляется этнографическая сторона жителей той или другой мѣстности, то надо сказать, что эта сторона имѣетъ мало разнообразія и варіаций съ остальной мѣстностью нижегородской губерніи. Въ своей статьѣ *), помѣщенной въ III томѣ „Нижегородскаго Сборника“, мы отчасти обрисовали характеръ тѣхъ удовольствій, которыя васильскіе жители позволяютъ себѣ зимой. Лѣтомъ здѣсь, какъ и вездѣ, водятъ хороводы, въ которыхъ молодые парни не участвуютъ (какъ это бываетъ въ другихъ мѣстахъ), а только бываютъ зрителями; вечерами дѣвушки собираются вмѣстѣ и поютъ пѣсни. Любовь къ пѣнію пѣсень здѣсь, надо сказать, сильно распространена. Голоса здѣшнихъ пѣвицъ отличаются, сравнительно, нѣкоторою мягкостью и музыкальностью, хотя пѣніе не всегда бываетъ гармонично по той визгливости, которую нѣкоторые изъ нихъ себѣ позволяютъ. Мужчины-работники, въ праздничное время, идутъ, за недостаткомъ другихъ развлеченій, въ питейные дома, откуда они выходятъ частенько тоже съ пѣснями, только подобное пѣніе имѣетъ уже за собою всѣ признаки поражающаго уха диссонанса. Говоря о питейныхъ домахъ, надо ска-

*) «Зимнія народныя увеселенія въ городѣ Василѣ».

зять, что число ихъ довольно здѣсь развито. Когда окончившіе путину бурлаки получаютъ расчетъ отъ хозяевъ, они не уходятъ изъ Василя безъ того, чтобы не увѣнчать свою получку денегъ за трудъ выпивкою, и потому главной статьей торговли весною бываетъ продажа водки. Но о самомъ городѣ можно сказать, что пьянство, какъ источникъ праздности и какъ причина преступленій, не особенно развито между жителями. Уголовныя преступленія въ самомъ городѣ, замѣтно, совершаются рѣдко. Но такъ какъ статистика совершающихся здѣсь преступленій не публикуется, то сдѣлать точное опредѣленіе и заключеніе пока нѣтъ возможности. Разработанные за десять лѣтъ г. Гадискимъ матеріалы для уголовной статистики нижегородской губерніи, служатъ пока единственнымъ печатнымъ указаніемъ по этому предмету. Въ этихъ матеріалахъ *), сказано между прочимъ, что изъ уголовныхъ дѣлъ, производившихся въ городскихъ магистратахъ (въ теченіе десятилѣтія отъ 1854 г. до 1863), наименьшая доля преступленій падала на городъ Василь, также Лукояновъ и Сергачъ. Къ этому надо прибавить еще и то, что Василь, по числу народонаселенія, вовсе не послѣдній изъ числа другихъ городовъ нижегородской губерніи (Макарьевъ и Лукояновъ меньше его по числу населенія).

Переходя къ описанію старинныхъ остатковъ, замѣчательныхъ уже въ археологическомъ отношеніи, и пополняющихъ дѣлаемое нами историческое описаніе города, мы должны оговориться, что, сообщая свѣдѣнія и выводы о климатѣ города, описывая внѣшнюю и внутреннюю исторію Василя, мы основывались на весьма ограниченномъ числѣ данныхъ, добытыхъ нами частью въ городскихъ присутственныхъ мѣстахъ и частью въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“; относительно-же бытовой жизни города, мы руководствовались одними собственными наблюденіями, направленными къ изученію жизни этого города. Сознаемся, что невозможно захватить безошибочно всѣ стороны жизни города—чисто историческую, экономическую и этнографическую, когда по этимъ

*) «Ниж. Сборникъ», т. I.

частямъ не предшествуетъ отдѣльныхъ трудовъ, которые-бы дали больше возможности обелѣдовать исторически все это вмѣстѣ. Мы вполнѣ желали-бы, чтобы наша попытка въ этомъ отношеніи, указавъ на какія стороны нужно обратить вниманіе, повела-бы за собой изученіе всѣхъ сторонъ жизни города. Съ своей стороны, ознакомившись въ возможной степени со всѣми до этаго времени существовавшими для исторіи города матеріалами, мы старались на сколько возможно обобщить и изложить содержаніе ихъ въ возможной послѣдовательности. Исторія существующаго города отнюдь не кончается какимъ-нибудь годомъ, и чтобы продолженіе ея отличалось строгой обработкой всѣхъ накопившихся матеріаловъ, необходимо для этой цѣли собирать матеріалы и публиковать ихъ. Мы-же, съ своей стороны, смѣемъ только надѣяться, что положили основаніе для дальнѣйшихъ трудовъ по части исторіи города Васили. Замѣтимъ, между прочимъ, что, со введеніемъ новаго городского положенія, которымъ дается право самому городскому обществу принять активное участіе въ управленіи и устройствѣ города, разовьется внутренняя жизнь нашихъ городовъ богаче и самобытнѣе, и тогда, стало быть, исторія всякаго города будетъ имѣть болѣе цѣнный интересъ, чѣмъ въ настоящую пору. Городское управленіе, при которомъ сами граждане имѣютъ возможность практиковаться въ веденіи общественныхъ дѣлъ, можетъ, прежде всего, весьма много содѣйствовать—что всего важнѣе—развитію жителей.

СТАРИННЫЕ ОСТАТКИ.

ЦѢПЕЛЬ.

Замѣчательный старинный памятникъ въ Василѣ это Цѣпель. Мы подробно опишемъ этотъ памятникъ, припомнимъ объ немъ и все то, что было извѣстно о немъ въ другіе года *). На самой вершинѣ довольно высокой горы, висящей надъ городомъ Василемъ, находится ровная площадь, имѣющая въ длину 284, а въ ширину 207 сажень; она была прежде окружена зем-

*) «Ниж. Губ. Вѣдомости», за 1845, 1851 и 1867 годы.

даннымъ валомъ и передъ нимъ ровомъ. Теперь валъ сохранился въ двухъ мѣстахъ: одна часть идетъ вдоль площади и соединяется съ глубокимъ и крутымъ оврагомъ, простирающимся до самой Волги; длина его 30 саж.; другая часть вала сохранилась на 75 саж. длины; она идетъ поперекъ площади, параллельно съ вѣнцомъ горы. Оба вала въ вышину сейчасъ не болѣе аршина, но они были, въ 1845 году, сажень вышиной *); а раньше они были несравненно еще больше и выше и отъ времени опустились. Рвы, какъ передъ уцѣлѣвшими именно остатками вала, такъ и на другихъ мѣстахъ, сохранились въ числѣ восьми:

	длинной	глубиной	шириной
Первый ровъ.....	120	1 ¹ / ₂	3 саж.
Второй —.....	180	2	6 —
Третій —.....	104	1 ¹ / ₂	2 —
Четвертый—.....	104	1 ¹ / ₂	3 —
Пятый —.....	85	1 ¹ / ₂	2 —
Шестой —.....	50	1 ¹ / ₂	3 —
Седьмой —.....	50	1 ¹ / ₂	3 —
Восьмой	78	1	2 —

Общая длина рововъ 671 сажень, глубина ихъ отъ одной сажени доходить до двухъ сажень, средняя-же—полторы сажени; ширина—въ двѣ, въ три и въ одномъ мѣстѣ доходить до шести сажень; средняя-же глубина—три сажени. Два рва идутъ, вмѣстѣ съ валомъ, вдоль площади; остальные шесть, съ нѣкоторыми перерывами, заброшенными землею, идутъ параллельно. Само собой разумѣется, что эти восемь рововъ составляли прежде одинъ непрерываемый ровъ, и что оба прежде были однимъ. Нѣкоторыя части тѣхъ и другихъ истребились, а изъ остатковъ составилось такимъ образомъ восемь рововъ и два вала. Въ настоящее-же время всю стройную Цѣпель совѣтъ нельзя узнать; по ней разсажены во многихъ мѣстахъ городскіе сады; нѣкоторые рвы засыпаны землей, валы срыты, и потому размѣръ всѣхъ частей этого памят-

*) Размѣръ каждого рва и вала, въ отдѣльности, мы взяли старинный, замѣченный еще въ указанныхъ годахъ.

ника значительно уже меньше. Кругомъ Цѣпели, по незначительной отлогости мѣста, попадаются кочки и корни деревьевъ, которые и указываютъ на болотистую и лѣсистую мѣстность, которою окружена была, въ прежнее время, самая Цѣпель. Въ серединѣ площади Цѣпели замѣтны неглубокія ямы, по всѣмъ признакамъ засорившіяся отъ времени; эти ямы расположены въ довольно правильномъ порядкѣ, что и заставляетъ думать, что они или были принадлежностями военныхъ шанцовъ, въ то время, когда здѣсь была устроена крѣпость съ небольшою артиллеріею, подъ командою воеводы, или-же эти ямы были устроены при жилищахъ, помѣщенныхъ здѣсь. Вся эта площадь, окруженная рвами и валами, съ находящимися по серединѣ ея ямами, вмѣстѣ взятая, въ цѣломъ своемъ, похожа на площадь двора, въ которомъ, по серединѣ, выстроенъ былъ домъ въ азіатскомъ вкусѣ, также какъ и у черемисъ, изъ которыхъ многіе и по нынѣ строятъ дома свои по серединѣ двора. По всей вѣроятности, и до перенесенія сюда васьинской крѣпости, Цѣпель эта со рвами и валами существовала. Иначе, зачѣмъ-бы переносить крѣпость на гору, когда жители, нуждающіеся въ охранѣ, жили подъ горой? Удобство вырытыхъ рововъ и надѣланныхъ уже валовъ, вѣроятно, и способствовало тому, что крѣпость была поставлена выше города. Кромѣ того, высота крѣпости, которая давала видъ цитадели, болѣе гарантировала положеніе самой крѣпости. Куда дѣвались деревянныя постройки новой крѣпости — неизвѣстно. Въ смутное время возмущенные васьинцы, вмѣстѣ съ казаками, истребивши грамоты и ограбивши казну, вѣроятно разрушили и самое строеніе крѣпости, или-же она, какъ ненужная болѣе организованному народу казанскому, пошла на постройку какого-нибудь зданія.

Но если признать, что Цѣпель существовала и прежде устройства на ней крѣпости, то спрашивается—кто-же были первые жители, и когда? Объ этомъ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Мѣстное-же преданіе передаетъ, что на горѣ, передъ Василемъ, жили давно не русскіе князья, имѣвшіе большой деревянный дворецъ, окруженный валами и рвами. Этому преданію легко повѣрить, потому что мѣстность самаго города и около него, до по-

коренія казанскаго царства русской державѣ, была центромъ или черемисскихъ поселеній, или мордвы, которую была заселена мѣстность нижегородская, и которая на правой сторонѣ Волги, еще въ X вѣкѣ, жила въ сосѣдствѣ съ болгарами. Признавъ-же то, что до-историческое существованіе Василя принадлежало черемисамъ, не мудрено уже допустить, что, по выгодному мѣстоположенію, здѣсь жило какое нибудь вліятельное лицо въ черемисскомъ родѣ—ихъ волхвъ или, еще вѣрнѣе, какой нибудь князь, предводительствовавшій войсками, подобно князю Алекѣ *). Вотъ все, что мы можемъ сказать о Цѣпели, значеніе которой для васильской исторіи начинаетъ утрачиваться. Въ этимологическомъ значеніи слово „цѣпель“ происходитъ отъ русскаго цѣпь, которою, вѣроятно, была окружена крѣпость. Въ русскомъ языкѣ есть нѣсколько смягченій корней при образованіи словъ въ *ль* (напр. купѣль, кисель и проч.); въ черемисскомъ и мордовскомъ словаряхъ вовсе нѣтъ подобнаго слова и даже корня, отъ котораго-бы можно было произвести это слово.

ЧОРТОВО ГОРОДИЩЕ.

Вблизи города Василя сохранился остатокъ стараго селѣбища. Ниже города въ 8 верстахъ, на возвышенномъ краѣ горъ праваго берега Волги, въ густотѣ лѣса находится окруженная валомъ и рвомъ, по величинѣ почти равными валу и рву Цѣпели, круглая площадь, называемая народомъ Чортовымъ Городищемъ. Площадь эта имѣетъ въ длину не болѣе 30 сажень, а въ ширину 25; она вся съ признаками посреди ея большого зданія. Объ этомъ памятникѣ старины идетъ преданіе двухъ родовъ: одно говоритъ, что на этомъ Городищѣ жилъ какой-то панъ, и притомъ злодѣй, другое объявляетъ Городище резиденціей Стеньки Разина, съ его вольницею. Но послѣднее преданіе очень естественно въ глазахъ народа, который всѣ неясныя преданія и памятники приписываетъ обыкновенно тѣмъ немногимъ

*) См. въ № 50 «Совр. Листка», за 1865 г., статью г. Яблонскаго: «Этнографическія и историческія свѣдѣнія о черемисахъ васильскаго и козымодемьянскаго уѣздовъ».

именамъ, которыя сохранились или успѣли еще сохраниться въ его памяти. Во времена смутъ, вольницъ Стеньки Разина, не зачѣмъ было прятаться въ лѣсахъ и проживать тамъ, когда она свободно могла плавать по Волгѣ и въѣзжать въ малонаселенные города. Весьма можетъ быть, что и здѣсь, какъ въ черемисской мѣстности, жилъ какой нибудь черемисскій военный вождь или князь, прославившій себя, по огрубѣлости своихъ чувствъ, злодѣйствами. Въ былое время въ лицахъ со властью, или въ лицахъ господствующихъ, варварство было обыкновеннымъ явленіемъ.... По всей вѣроятности, Чортово Городище и есть то мѣсто, названное трущобой, о которомъ г. Мельниковъ въ 1861 году писалъ въ „Иллюстраціи“ слѣдующее: „А дальше, за устьемъ Суры, подлѣ Василя города, и до сихъ поръ есть на горѣ трущоба, поросшая лѣсомъ, съ оврагами и, какъ говорить народная молва, съ пещерами и тайными выходами. Здѣсь жилъ страшный атаманъ Галаня, отъ котораго таково плохо приходилось, во время оно, понизовымъ караванамъ, что, бывало, если который изъ нихъ пройдетъ благополучно мимо галаннина притона, долгомъ поставляетъ съ Василѣмъ служить молебень Варлааму Хутынскому, покровителю города“ *). Но такъ какъ рвы и валъ указываютъ на болѣе глубокую старину, то можно думать, согласно преданію о томъ злодѣѣ, что здѣсь жилъ одинъ изъ мордовскихъ панковъ, которые обыкновенно, съ принятіемъ православія, дѣлались помѣщиками надъ поселившимися тамъ русскими крестьянами **). Оставшіеся и уцѣлѣвшіе рвы, находящіеся въ дремучемъ лѣсу, въ послѣдствіе послужили болѣе удобнымъ мѣстомъ для притоновъ разбойниковъ. Вообще-же въ васильской мѣстности, находящейся при двухъ судоходныхъ рѣкахъ, поросшей во многихъ мѣстахъ густымъ лѣсомъ, изрытой оврагами, перекинутой высокими горами, было больше удобствъ для разбойниковъ, выбиравшихъ мѣста для своихъ убѣжищъ, болѣе приманки для защиты и представлявшія болѣе возможности укрываться имъ отъ преслѣдованія. Такъ,

*) «Иллюстрація», 1861 г., № 198.

**) «Голосъ», 1872 г., № 200.

напр., послѣ волжскаго очищенія, основано на разбойничьемъ притонѣ село Фокино, которое прозвалось такъ по имени атамана Фоки, что на Волгѣ разбой держалъ *). Да и въ самыхъ лѣскахъ дорогучинскихъ (нынѣшняя васильская дача) не переставали до шестидесятыхъ годовъ водиться разбойники.

Описывая эти два сходные между собою памятника—Цѣпель и Городище, мы, не имѣя о нихъ письменныхъ свѣдѣній, должны высказываться только предположительно, принимая въ основаніе одни преданія, которыя вообще могутъ нѣсколько оживлять искусственную насыпь земли. Но оба памятника могли имѣть начало въ глубокой еще древности. Ближайшимъ-же къ намъ временемъ можно считать эпоху владычества болгаръ, которые, какъ извѣстно, во время своего цвѣтущаго состоянія, заводили факторіи по берегамъ Волги, до нынѣшней Балахны. На памятники, открываемые въ казанской губерніи, намъ указываютъ какъ на остатки болгарскихъ городовъ; Цѣпель-же и Городище, по нѣкоторымъ своимъ признакамъ, весьма сходны съ казанскими памятниками. Рвы и валы также встрѣчаются и въ уфимской губерніи, напр. у рѣчки Камешникъ, уфимскаго уѣзда. Поэтому, если подобные земляные остатки (валы и рвы) нужно считать исключительною принадлежностью болгарскихъ селеній, то и начало построенія Цѣпели и Городища нужно отнести ко времени существованія болгарскаго царства.

ХМѢЛЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Въ васильской слободѣ Хмѣлевѣ находится другая городская приходская церковь. По своему давнему основанію и по сохранившемуся въ церкви внутреннему устройству, она можетъ составлять также замѣчательный памятникъ старины. Стариною вѣсть вся ея обстановка, иконостасъ и нижніе круглые своды. Самая церковь построена только въ 1708 году; освященіе храма происходило 17 сентября, черезъ казанскаго митрополита Тихона **). Церковь была каменная. Въ одну и ту же постройку былъ пристроенъ придѣльный алтарь въ честь преподобнаго Ми-

*) «Ниж. Губ. Вѣдомости», 1860 г., № 51.

**) Тихонъ, двадцать первый митрополитъ казанскій, померъ въ 1724 году.

хаила Маленина, иждивеніемъ чебоксарскаго купца Михаила. Разумѣется, монастырская церковь могла здѣсь выстроиться на средства добрыхъ дѣателей, которые, въ прежнее время, не скупились въ пожертвованіяхъ монастырямъ. Но самый монастырь прославился-ли строгою жизнью своихъ обитателей—не извѣстно. Вообще о жизни и полустолѣтнемъ существованіи монастыря, равно и о причинахъ его упраздненія, не сохранилось никакихъ документовъ и даже преданій. Существованіе монастыря прошло безслѣдно: какъ будто-бы его и вовсе не существовало. Ни откуда тоже не видно, чтобы число монаховъ возросло здѣсь до высокой цифры. Въ 1764 году монастырь былъ обращенъ въ приходскую церковь. Какъ воспоминаніе о монастырѣ, въ хмѣлевской церкви сохраняются старинныя священническія фелони изъ кумача и травчатой бахты. Храмъ, по наружности, существуетъ, исключая штукатурки, въ прежнемъ видѣ. Во внутренности-же церкви передѣланъ только кирпичный полъ, который замѣненъ былъ въ 1840 году чугуныи плитами (всего 200 плитъ); въ придѣлѣ-же выстланъ алебастромъ. Такъ какъ краска на иконахъ начала литься и, отъ долговременности стираться, то, въ 1845 году разрѣшено было возобновить краски, не измѣняя ликовъ. Подобное распоряженіе дало случай сохранить въ цѣлости древнюю иконопись здѣшняго храма. На верху царскихъ вратъ изображено, по освященному старинной обыкновенію, благовѣщеніе, внизу—четыре евангелиста. Волъ и левъ у евангелистовъ Матвѣя и Марка изображены съ крыльями, кромѣ того левъ пронзенъ кинжаломъ. Св. Іоаннъ Предтеча изображенъ также съ крыльями; въ рукахъ онъ держитъ чашу съ своей glavой. На иконѣ этой написано вязью: „Святый пророкъ Предтечи Іоаннъ“. Николай Чудотворецъ изображенъ безъ митры и палицы, въ одной священнической фелони. На иконѣ его написано: „Святый Никола Чудотворца“. Алексѣй Божій человѣкъ изображенъ полунагимъ. Мѣдныя, но посеребренныя ризы находятся только на слѣдующихъ иконахъ: Вседержителя, троицы и вечери господней. Старинное расположеніе внутри церкви сохранилось вполнѣ: своды круглые, низкіе и неровные, окна маленькія и по-

ставлены высоко; зимній придѣлъ слишкомъ малъ и похожъ скорѣе на часовню, хотя онъ самъ по себѣ раздѣленъ еще на два придѣла. Проходъ въ холодную или лѣтнюю половину церкви такъ малъ и низокъ, что при богослуженіи едва сюда доходятъ неясные звуки пѣнія, хотя вся церковь, съ лѣтней и зимней половиной, составляетъ въ длину не больше четырехъ сажень. Алтарь холодной церкви составляетъ какъ-бы особую придѣлку; расположение иконостаса прямое; онъ самаго простого устройства, рѣзныхъ украшеній на немъ почти вовсе нѣтъ: вѣроятно, монахи, соорудившіе эту церковь, не гнались за роскошью, или всего вѣрнѣе, у нихъ средствъ едва достаточно было для того только, чтобы соорудить маленькій храмъ молитвы.

Сохранилось слѣдующее преданіе о томъ, почему хмѣлевская церковь, стоявшая въ троицкомъ мужскомъ монастырѣ, посвящена была казанской Богоматери. Къ Хмѣлевской церкви принадлежать двѣ часовни, стоящія при ключахъ, изъ которыхъ одинъ носитъ названіе Святого ключа, другой — Супротивнаго. Между прочимъ скажемъ, что этотъ послѣдній течетъ противъ солнца, за что, по всей вѣроятности, и получилъ такое названіе. Въ одну изъ упомянутыхъ часовень проведена вода изъ Святого ключа, бьющаго изъ подъ двухъ камней. Вода эта отличнаго вкуса, и этотъ ключъ особенно почитается окрестными жителями. Черемисы даже приписываютъ обоимъ ключамъ цѣлебную силу: въ случаѣ, напримѣръ, болѣзни отрываютъ доску съ носильнаго платья больного и вѣшаютъ его въ часовню — болѣзнь-де проходить. Этотъ Святой ключъ стоялъ, по преданію, выше; вода текла изъ горы съ востока, въ такомъ большомъ количествѣ, что часто затопляла мельницу, устроенную на рѣчкѣ Хмѣлевкѣ. Содержатель мельницы сильно ропталъ на это, и даже, какъ говорить преданіе, произносилъ на Бога хульные слова. По этому вода, будто-бы, скрылась въ прежнемъ мѣстѣ и потомъ стала течь ниже по рѣчкѣ Хмѣлевкѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Святой ключъ. Сверхъ того, на новомъ мѣстѣ теченія ключа, найденъ былъ образъ казанской Богоматери, въ честь которой, и какъ-бы въ воспоминаніе этого событія, и посвященъ былъ храмъ. Здѣсь-же, въ

Хмѣлевѣ, главнымъ образомъ, чествуются не праздникъ Богоматери, а праздникъ усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, бывающій 29 августа. Къ этому дню стекается большое число богомольцевъ изъ окрестныхъ селеній и бываетъ торжокъ. На украшеніе и содержаніе церкви положенъ въ 1869 году казанскимъ купцомъ Бабушкинымъ капиталъ въ 750 р., съ котораго церковь получаетъ проценты. Церковные сосуды ея—потиръ, дискосъ, звѣзда, лжица, два блюдечка, ковшъ для теплоты, ковчегъ, дароносица—всѣ серебряныя и вызолоченныя. Хмѣлевской церкви дано 33 десятины земли, которую причтъ ея отдаетъ въ наемъ, получая за это 200 пудовъ ржи и 60 пудовъ ячменя *). Кладбище находилось прежде при церкви, а потомъ, съ 1832 года, ему отведено мѣсто въ 63 саженьяхъ отъ прежняго кладбища; въ оградѣ церкви похоронены нѣкоторые изъ васьскихъ чиновниковъ. Къ хмѣлевской церкви причислены еще двѣ деревни: Пѣтухино и Шешмара; жители послѣдней—новокрещенные черемисы. Эти и сосѣдніе черемисы относятся къ хмѣлевской церкви съ особеннымъ расположеніем **).

ИКОНА ПОКРОВСКАГО СОБОРА.

Самъ по себѣ васьскій покровскій соборъ не можетъ считаться стариннымъ, и потому подробности описанія его мы оставляемъ. Соборъ этотъ каменный, пятиглавый; крыша его покрыта

*) Всѣ свѣдѣнія о хмѣлевской церкви почерпнуты нами изъ бумагъ, хранящихся при этой церкви, или-же получены отъ священника Івана Кастальскаго. Приведенное преданіе давно уже записано было со словъ прихожанъ старымъ священникомъ. Долгомъ считаемъ выразить ему признательность за сообщеніе этихъ свѣдѣній.— Въ каменной церкви стояла отдѣльно деревянная колокольня. Въ 1872 году колокольня эта сломана и замѣнена вновь выстроенной каменной колокольней. Въ притворѣ старой колокольни изображены были святители, а по серединѣ ветхозавѣтная тронца. Въ кладовой ея мы нашли старинную церковную утварь, иконы и между прочимъ царскія врата, безъ всякой рѣзбы, узоровъ и украшеній. Изображеній на иконахъ, за сліяемостью красокъ, трудно было опредѣлить. Эти врата и иконы, вѣроятно, перенесены были изъ другой, болѣе древней васьской церкви.

**) Каждое воскресенье небольшая хмѣлевская церковь бываетъ полна народомъ; большинство богомольцевъ составляютъ сосѣдніе черемисы. Каждый черемисинъ считаетъ непрѣмьнымъ долгомъ купить связку копѣечныхъ свѣчей, которыя онъ ставитъ поочередно всѣмъ иконамъ. Къ иконѣ мученика Христофора, изображеннаго съ конской головой, черемисы ставятъ двѣ свѣчки, спирально перевитыя между собою.

жельзомъ, а главы обиты жостью. Этотъ соборъ былъ основанъ въ 1820 году, на счетъ суммъ государственнаго казначейства (отпущено было 12.057 р. 15 к.). Но въ этомъ самомъ соборѣ есть замѣчательно старинная икона, почитаемая чудотворной, именно Варлаама Хутынскаго. На ней находится слѣдующая надпись: „Лѣта 7150 (т. е. 1642 г.) сию икону Алексѣй Фадѣевъ Шаповъ поставилъ“, стало быть, судя по годамъ, она древняя и надо полагать, что она есть именно или снимокъ съ иконы, стоявшей въ одной изъ прежнихъ васьльскихъ церквей, а можетъ быть, и въ той самой церкви, которая была основана княземъ Горбатымъ-Суздальскимъ, или-же написана въ память явленія святого. Въ населеніи васьльскомъ по поводу этой иконы сохранилось слѣдующее преданіе: въ смутное время самозванцевъ, когда казаки, литва и инородцы напали, какъ сказано выше, на Василь, передъ непріятелемъ явился святой Варлаамъ, ѣхавшій на телѣгѣ. Онъ поразилъ слѣпотою враговъ, и Василь былъ спасенъ. Въ воспоминаніе этого чуда, здѣсь, въ Василь, особенно чувствуется память этого угодника, считающагося по этому случаю покровителемъ города. Но такъ какъ икона Варлаама поставлена только въ 1642 году, между тѣмъ какъ событіе—нападеніе инородцевъ, литвы и казаковъ—могло случиться только въ эпоху 1606—1615 годовъ, то, на этомъ основаніи, мы и должны предположить о существованіи или еще болѣе древняго оригинала, или-же о написаніи иконы долгое время спустя послѣ означеннаго событія. На иконѣ изображенъ святой Варлаамъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ въ памяти народной сохранилось явленіе его.

Причтъ васьльского покровскаго собора объявилъ высокую цифру свѣчнаго дохода, идущаго, какъ извѣстно, на содержаніе училищъ духовнаго вѣдомства, именно 258 р. 73 к. Потому васьльская церковь, по свѣчнымъ доходамъ, считается первой по нижегородской губерніи. Но судя по внѣшнему виду храма, по внутреннему его убранству и по простотѣ отдѣлки, равно принимая во вниманіе разность въ религіозныхъ убѣжденіяхъ жителей, нельзя назвать его богатымъ храмомъ. Васильскій соборъ, по наружности, походитъ на сельскую церковь.

МѢСТО, ГДѢ СТОЯЛЪ ДРЕВНІЙ ВАСИЛЬ НОВГОРОДЪ.

Топографически точно опредѣляя мѣсто настоящаго города Василя, можно сказать, что онъ стоитъ на правомъ берегу Волги, а не Суры. На правомъ-же берегу собственно Суры удерживается только, такъ сказать, хвостъ города — Пахотная Слобода, выстроенная и заселенная уже въ недавнее время, именно съ 1804 года. Въ этомъ году, 16 февраля, указомъ повелѣно было: во-1) строенія въ г. Василѣ производить по плану, словесно утвержденному, въ 1798 г., императоромъ Павломъ I, и во-2) часть земли, принадлежащей пахотнымъ солдатамъ и примыкающей къ городской выгонной землѣ, отдѣлить подъ обывательскія и казенныя строенія, выдѣливъ солдатамъ, въ замѣнъ этаго, равное количество въ другихъ мѣстахъ *). Вотъ въ слѣдствіе этаго указа, и была выдѣлена часть земли, не примыкающая болѣе къ выгонной, а примыкающая къ опушкѣ и къ самой рощѣ, идущей по берегу Суры. Строиться-же по направленію части праваго берега Суры стали пахотные солдаты только со времени состоявшагося указа и отведеннаго имъ надѣла; вся эта, застроенная по Сурѣ, слобода удержала и до сихъ поръ названіе Пахотной Слободы, жители которой стали именоваться крестьянами и управляться не городской думой, а волостнымъ правленіемъ. Гдѣ-же, спрашивается, былъ старый городъ Василь, построенный князьями на правомъ берегу Суры? Нынѣшній городъ стоитъ на правомъ берегу Волги; правый берегъ Суры при устьѣ совсѣмъ не былъ застроенъ до начала нынѣшняго столѣтія; гдѣ-же, въ самомъ дѣлѣ, мѣсто прежняго города? Вопросъ мудреный.... Между прочимъ, скажемъ, что попытки указать мѣсто стараго города были дѣлаемы уже раньше насъ. По предположенію, не однажды заявленному въ „Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“, мѣсто, гдѣ стоялъ прежде Василь, остается за рѣкой Сурой **). Считаемо, съ своей стороны, нужнымъ опровергнуть подобное предположеніе, какъ невѣрное. Основаніемъ къ подобному предположенію послужили,

*) «Полн. собраніе», томъ XXVIII, № 15,154.

**) «Ниж. Губ. Вѣдомости», за 1845, 1851 и 1867 гг.

по всей вѣроятности, замѣчаемые сильные прибои въ правый берегъ Суры, ежегодно отмывающей мѣста этаго берега и во-вторыхъ, видимые за рѣкой остатки каменной площадки, которая и принимается за мѣсто, на которомъ расположенъ былъ прежде городъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ васьльскихъ старожиловъ, къ разспросамъ которыхъ мы обратились, помнятъ еще, что на предполагаемомъ мѣстѣ Василя, лѣтъ за шестьдесятъ или семьдесятъ, росъ мелкій лѣсокъ. Этимъ показаніемъ всецѣло порушается означенное предположеніе. Каменная-же площадка, замѣчаемая на другой сторонѣ Суры, была устроена по распоряженію удѣльнаго начальства, которое имѣло цѣлью выеластъ и вымостить топкое мѣсто, черезъ которое проходилъ казанскій трактъ. По этому указанію на мѣсто стараго города надо искать иныхъ. Болѣе тщательно изслѣдуя васьльскую мѣстность, мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ, которыя передаемъ впрочемъ какъ одни гипотезы.

Въ восьми верстахъ отъ города, вверхъ по теченію Волги, есть ложбина, затопляемая во время весны водами Волги и Суры; эта ложбина, идетъ перпендикулярно какъ Волгѣ, такъ и Сурѣ, связывая ихъ какъ-бы поясомъ. Часть этой ложбины, ближе къ Волгѣ, наполненная водою, слыветъ въ народѣ подъ именемъ озера Старицы. Затопляемая внешнею водою, ложбина въ началѣ разлива имѣетъ видъ пояса, связывающаго Суру съ Волгою; между этимъ поясомъ и руслами Волги и Суры образуется островъ, замѣтный долгое время при убываніи воды весенняго разлива. Завѣрное принимая эту ложбину или Старицу за старое русло Суры, мы и строимъ на этомъ свои предположенія. Сура дѣйствительно прежде текла по старому руслу, но не тотчасъ-же и впадала въ Волгу. Устье ея тянулось еще значительно дольше. Дойдя до мѣста впаденія теперешней Старицы въ Волгу, Сура дѣлала поворотъ или изгибъ, переходя изъ сѣвернаго направленія въ восточное и потомъ пройдя въ такомъ направленіи до окончанія мѣста нынѣшняго острова, Сура наконецъ впадала, ниже однако настоящаго города, въ Волгу, образуя при этомъ короткий изгибъ. Вотъ въ томъ тупомъ углу, который образовался

впадениемъ Суры въ Волгу и стоялъ, по нашему мнѣнію, прежній Василь. Ясно въ такомъ случаѣ, что онъ стоялъ болѣе на правомъ берегу Суры, чѣмъ Волги. Съ точностью нельзя опредѣлить занимаемаго старымъ городомъ мѣста; но можно утвердительно сказать, что городъ, по положенію, стоялъ ниже настоящаго города и ближе къ настоящей пригородной его слободѣ, Хмѣлевкѣ. И въ настоящее время за городомъ сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остатки деревянныхъ зданій, съ погребями и ямами; ближе-же къ рѣкѣ попадались и признаки свайныхъ укрѣпленій, сдѣланныхъ, вѣроятно, на случай разлива *). Да и самая слобода Хмѣлевка, въ которой прежде находился монастырь, не была прежде удалена на трехверстное разстояніе, а стояла значительно ближе къ городу. Само собою разумѣется, что разстояніе это теперь подъ извѣстную мѣрку пригнать нельзя; поселеніе въ Хмѣлевкѣ первыхъ жителей, хотя-бы даже пустынниковъ, имѣло въ виду не близость стоящаго города Василя, а чисто физическія удобства мѣста—рѣчку Хмѣлевку, впадающую въ Волгу, лѣсокъ, междугорье и проч. Можно только съ убѣдительностью повторить, что старый городъ стоялъ по теченію рѣки значительно ниже настоящаго города и потому ближе къ Хмѣлевкѣ, мѣсто которой не терпѣло перемѣнъ и такимъ образомъ оставалось тамъ-же, гдѣ оно и теперь находится.

Теперь представляется вопросъ—куда-же дѣвались два длинные изгиба Суры, по которымъ протягивалось устье ея, и гдѣ остался слѣдъ теченія ихъ? Вотъ этотъ-то вопросъ, имѣющій близкое соотношеніе со всей нашей гипотезой о мѣстѣ стараго города, мы и постараемся разрѣшить. Волга, идя въ юго-восточномъ направленіи, имѣла, передъ Василемъ, немалый прибой въ правый берегъ, особенно во время разлива. Упорно подвигая, по нижней сторонѣ воды свои, она попала въ самые изгибы Суры и пошла по теченію послѣдней, вытѣснивъ Суру съ прежняго ложа. Попавъ въ русло Суры, Волга, передъ Василемъ, раз-

*) Разрывкою этихъ бревенъ на топливо нѣкоторые изъ васильскихъ жителей усердно занялись, и составили цѣлая полѣнницы дровъ, напр. въ 1870 году.

дѣлилась въ своемъ теченіи на два рукава (одинъ—по руслу Суры, другой по собственному своему руслу), между которыми и образовался островъ, существующій и теперь. Въ началѣ рукавъ по собственному руслу былъ у Волги широкій и глубокій, потому онъ началъ мельчать, а рукавъ по руслу Суры, напротивъ, становился, отъ продолжавшагося прибоа, или, лучше сказать, пученья Волги въ южной своей части, глубже и шире, такъ что суда начали избирать, для прохода, рукавъ по руслу Суры *). Въ настоящее время фарватеромъ для судовъ и пароходовъ служить опять рукавъ по собственному руслу Волги. Такое измѣненіе въ глубинѣ Волги объясняется періодическимъ непостоянствомъ прибоевъ ея въ берега. Сура, двинутая такимъ образомъ Волгой, значительно укоротила протяженіе своего устья, отдавъ Волгѣ все русло двухъ послѣднихъ своихъ изгибовъ при устьѣ. Двигаясь по тому-же направленію и имѣя прибой въ правый берегъ, Сура перемѣнила свое старое русло, нашедши во время разлива другое ложе, по которому она и льетъ теперь свои воды. Для большей ясности нашей гипотезы мы прилагаемъ намѣченный нами рисунокъ. Оставаясь всегда на правомъ берегу, Василь много терпѣлъ отъ прилива и напора въ правый берегъ сперва Суры, а потомъ Волги. Напоръ сурской воды былъ замѣтно сильнѣе: васильская каменная крѣпость, воздвигнутая, по всей вѣроятности, напередѣ города, могла только продержаться тридцать-три года со дня своего основанія. Слѣдовъ старой крѣпости не сохранилось; не сохранилось даже самое мѣсто, гдѣ стояла эта крѣпость; мѣсто крѣпости, равно церкви и зданій, находится теперь въ водахъ Волги. Изъ приложеннаго рисунка видно, что болѣе половины стараго города Василя занято Волгой. Границей стараго города можно считать старое кладбище, мѣсто котораго находится въ нижней части настоящаго города. Признаками этого стараго кладбища служатъ черепы людей, время отъ времени открываемые, и тѣ надгробныя плиты (одна изъ нихъ, врытая въ зем-

*) То, что суда ходили по правому рукаву, а не по лѣвому, какъ теперь, помнятъ всѣ взрослые и пожилые люди въ Васильѣ.

лю, сохраняеть надпись), которыя встрѣчаются въ огородахъ васильчанъ. Отъ этаго кладбища и начинался старый городъ, который далѣе тянулся по теченію Волги, которая теперь ложемъ своимъ заняла, какъ сказано, болѣе половины мѣста стараго города. Основываясь на высказанныхъ выше положеніяхъ, и можно заключить, что Василь, хотя и поставленъ былъ на правомъ берегу Суры, но въ слѣдствіе географическихъ измѣненій остался и стоитъ теперь на правомъ берегу Волги; устье-же Суры остается теперь выше города; по берегу этаго устья раскинута Пахотная Слобода. Въ продолженіе трехъ-сотъ съ половиною лѣтъ, легко предположить, что могли произойти измѣненія въ положеніи рѣкъ, удары волнъ и прибой которыхъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. О Сурѣ, прибой которой въ правый берегъ особенно силенъ, можно сказать, что она весьма любитъ разнообразить мѣсто своего русла, такъ какъ течетъ по ровному, а не по гористому мѣсту. Вѣрны или нѣтъ наши предположенія объ измѣненіяхъ и мѣстѣ стараго города—предоставляемъ повѣрить болѣе тщательными, гидрографическими наблюденіями. Но между прочимъ замѣтимъ, что при одномъ этомъ предположеніи и можно оправдать то, почему у Карамзина сказано, что Василь Новгородъ поставленъ былъ въ 1523 году на правомъ берегу Суры (что, какъ припомнимъ, вызвало неудовольствіе въ современникахъ), между тѣмъ какъ Василь теперь стоитъ, не включая сюда Пахотной Слободы, совершенно на правомъ берегу Волги, а не Суры.

В. Ф. Кудрявцевъ.

№ по порядку.	П Е Р Е Ч Е Н Ъ судебныхъ дѣлъ города Василя, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи *).	Коли- чество ли- стовъ.
В Ы З К А I.		
	1784 года.	
1	О крестьянкѣ Василисѣ Ивановой, обвиняемой въ поджогѣ	16
2	О крестьянахъ Григорѣ, Гаврилѣ и Алексѣѣ Вискановыхъ, обви- няемыхъ въ поджогѣ	66
	1757 года.	
3	О бѣглыхъ крестьянахъ г. Богдана Приклонскаго	20
	1787 года.	
4	О крестьянахъ Гришинѣ и Сученковѣ, обвиняемыхъ въ смерто- убійствѣ крестьянина Семенова	30
5	О крестьянинѣ Осипѣ Макаровѣ, обвиняем. въ смертоубійствѣ . .	12
	1790 года.	
6	Объ убійствѣ крестьянина Осипа Сметанина	42
7	О разбойникахъ крестьянахъ Головинѣ, Лепешкинѣ и другихъ . .	120
8	О крестьянкѣ Петровой, обвиняемой въ поджогѣ	42
	1791 года.	
9	О татарахъ Османовыхъ и Маяковыхъ, обвиняемыхъ въ смерто- убійствѣ	164
10	О побѣгѣ татарина Чапаева	10
	1792 года.	
11	О крестьянинѣ Сергѣевѣ и Ларионовѣ, обвин. въ смертоубійствѣ.	28
12	О крестьянинѣ Волченковѣ и татаринѣ Асасовѣ, заподозрѣнныхъ въ смертоубійствѣ	114
13	О крестьянинѣ Берендѣевѣ и другихъ, обвиняемыхъ въ смерто- убійствѣ сотскаго Иванова	62
14	Объ убійствѣ дворовымъ челоѣкомъ Титомъ Проньковымъ жены своей.	58
	1793 года.	
15	Объ умышленномъ утопленіи крестьян. Емельяновымъ жены своей.	20
16	О крестьянахъ Чувакинѣ и Зуевѣ, обвиняем. въ убійствѣ купца Мясникова	96
	1794 года.	
17	О крестьянахъ Степанѣ и Петрѣ Тятениныхъ, Андреѣ и Иванѣ Парушинныхъ, обвиняемыхъ въ участіи въ разбоѣ	28
18	О новокрещенномъ изъ татаръ Ивановѣ и другихъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ Григорьева	86
19	О татарахъ Салатѣ Шабаетѣ и Данетѣ Муслимовѣ, обвиняемыхъ въ учиненіи разбоя надъ крестьянами Степановымъ и Захаровымъ .	60

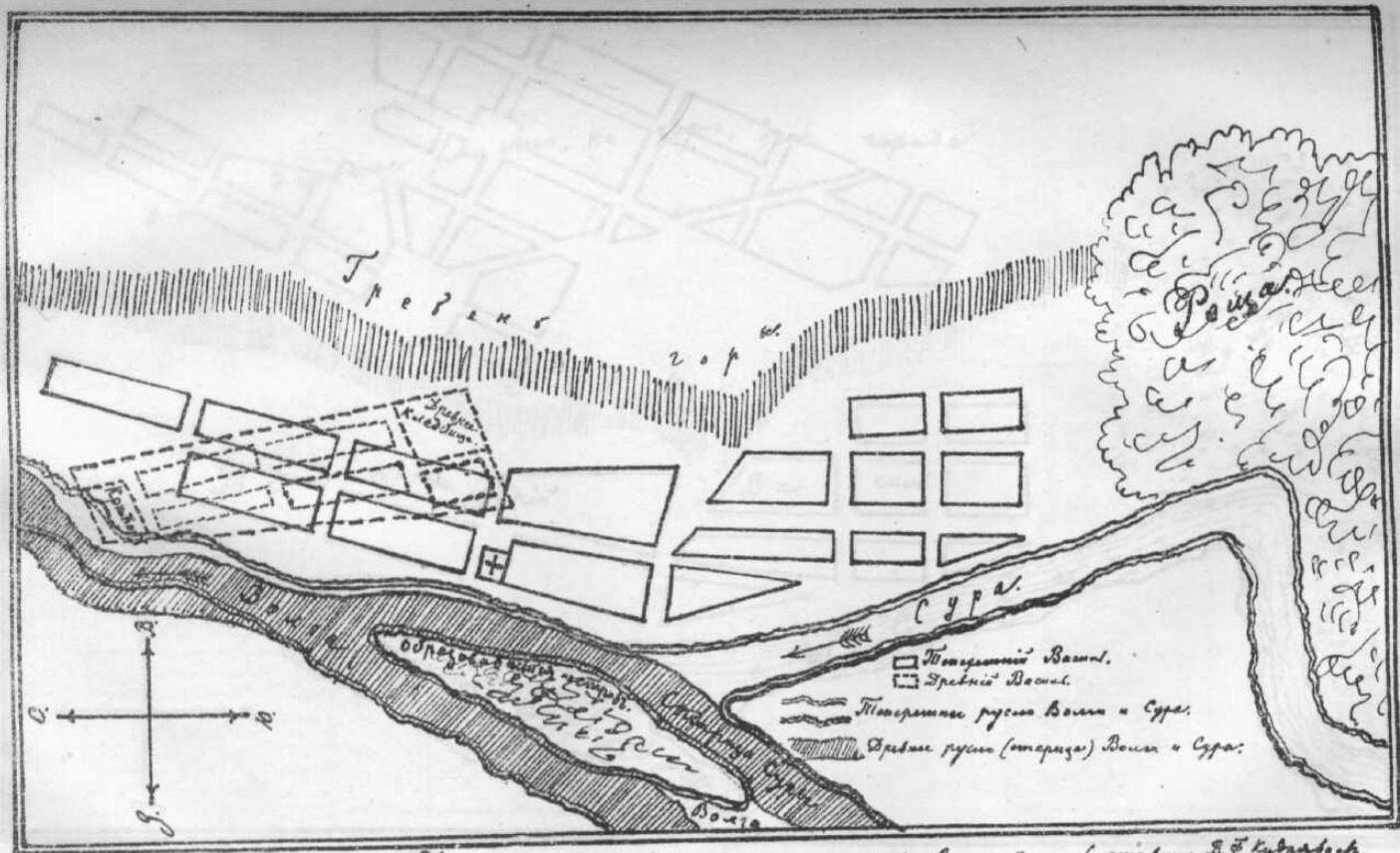
*) Какъ извѣстно, упраздняемые уѣздные суды и старыя судебныя палаты обязаны были отбирать выдающіяся и болѣе замѣчательныя дѣла и отсылать ихъ въ московскій архивъ министерства юстиціи, всѣ-же дѣла нынѣшняго столѣтія от-
правлять въ окружныя суды.

20	1795 года. О непослушаніи крестьянина Афонасьева и другихъ вотчинной г. Головина власти	6
В Я З К А П.		
21	О крестьянахъ Каратинѣ и Турилинѣ, обвиняемыхъ въ ограбленіи крестьянина Селехова, съ причиненіемъ ему смертельныхъ побой . .	64
22	1796 года. О смертоубійствѣ татарами Баязетовымъ, Рязановымъ и другими крестьянина Дмитріева	328
23	О дьячкѣ с. Вершинина Никитинѣ, обвиняемомъ въ поджогѣ	140
24	О зарѣзаніи крестьяниномъ Васильевымъ сотскаго Иванова	13
25	1797 года. О произведеніи разными людьми раскола	13
26	Объ убійствѣ крестьянина Михаила Дырина	447
27	О крестьянинѣ Дементѣ Шевелинѣ, заподозрѣнномъ въ убійствѣ мѣщанина Миндина	4
28	О крестьянахъ Вѣляшиговѣ и Хлыстовѣ, обвиняемыхъ въ нападѣ ніи на татарина Валишина и о причиненіи ему смертельныхъ побой.	53
29	Объ убійствѣ дворовыми людьми Игнатовымъ, Матвѣевымъ и Гри горьевымъ двороваго человѣка Михайлова	36
30	Объ ограбленіи крестьяниномъ Сигменовымъ крестьянина Макси мова и о причиненіи ему побой топоромъ, съ дѣлю убитъ до смерти.	24
31	1798 года. О бродягѣ Василиѣ Ивановой	15
32	Объ удавленіи крестьянскою дѣвкою Авдотьею Семеновой крест янского сына Евдокимова	32
33	1799 года. Объ отставномъ солдатѣ Лопуховѣ, обвиняем. въ ослушаніи про тивъ сотскаго и въ грубости противъ исправника	42
34	О крестьянахъ Михайловѣ, Федоровѣ, Ивановѣ, заподозрѣнныхъ въ убійствѣ Евстафьева	64
35	О крестьянкѣ Федоровой, обвиняемой въ накормленіи мужа своего и другихъ семейныхъ лепешками съ мышьякомъ	66

В. К.

Thurs

города Вассиля а предположениям о его древности.

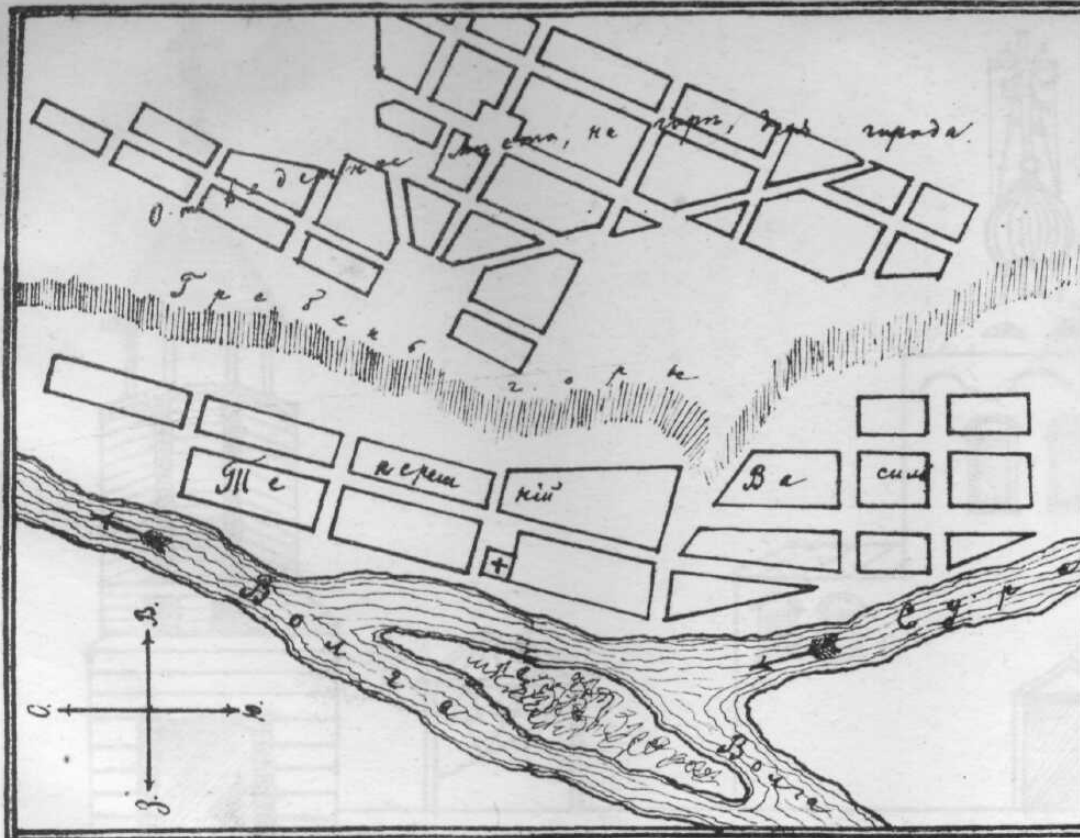

Deposited A. C. T. - min.

Приложениі къ ст. «Потопленіе описаніе города Васильев.»

Coenobius B. F. Kyburz. h.

Планъ
города Василья и отведенная новая улица под городом.

Чертежъ А. С. Т-скаго.

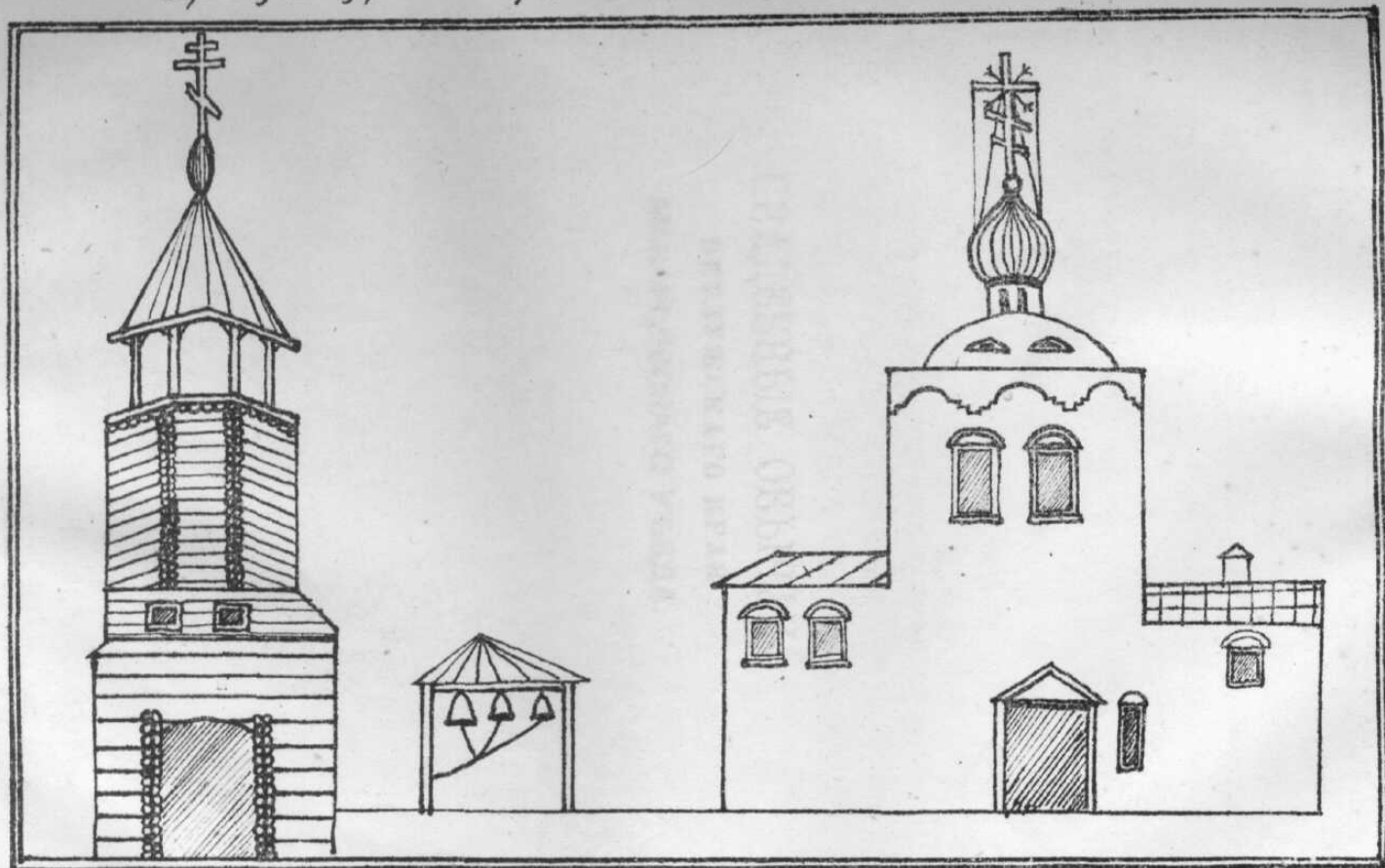
Примечаніе къ сему: «Новой отведенной улице города Василья».

Cornutus B. P. Kypselis

Басар

трюцкой церкви и крестовъ въ колокольни въ слободѣ Хмельовкѣ.

Пертмас А. С. Т-овъ.

Приложение к ст. «История таежной среды Васнец»:

Солдату А. Ф. Кривуше.